

# ПОЦЕЛУЙ КАРЬЯЛЫ

*Сборник рассказов и очерков*

Санкт-Петербург  
2019

УДК 821.161.1  
ББК 84 (2Рос=Рус)6  
П649

*Книга издана при финансовой поддержке  
Министерства культуры Российской Федерации  
и техническом содействии Союза российских писателей*

Составитель *Владимир Софиенко*

Оформление обложки  
*Алексея Максимова*

П649 **Поцелуй Карьялы:** Сборник рассказов и очерков. — СПб.:  
Издательство Сидорович, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-905909-50-4

Сборник составлен из произведений участников Международного литературного фестиваля «Петроглиф», который проводится в Республике Карелия с 2013 года.



УДК 821.161.1  
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© Владимир Софиенко, составление, 2019  
© Издательство Сидорович, 2019

## Вместо вступления

**Владимир СОФИЕНКО**

*(Петрозаводск)*

### Келья над Онего

Мы сидели на набережной в уютном ресторанчике. По улице гулял онежский ветер, играл пожухлой листвой — кружил её по мокрому асфальту, швырял в витражное окно. За столиком, напротив меня — известный польский писатель Мариуш Вильк. Узнать среди посетителей его было не трудно: выглядел он точь-в-точь как в Интернете — толстовка, узорчатая шапочка наподобие тубетейки, глаза скрыты за тёмными линзами круглых очков.

— Я привык, что русские опаздывают, — сказал Мариуш с акцентом иностранца, давно живущего в России. — Подумаешь, опоздал на час, — он хмыкнул, всматриваясь очками кота Базилио в наручные часы.

Я смущённо молчал. Что тут скажешь? Не объяснишь же пунктуальному иностранцу что, когда договаривались по телефону о встрече, отчего-то обеденная двухзначная цифра «14» в моём воображении конвертировалась в послеобеденную однозначную «3». Вот я и приехал...

— Ладно, рассказывай, что у тебя за предложение? — не сговариваясь, мы сразу перешли на «ты».

Мариуш отпил из бокала пенный напиток. Тёмно-зелёные линзы вопросительно уставились на меня.

С Мариушем до этого дня я знаком не был.

---

Из прессы знал, что живёт он в Заонежье в старинном карельском доме на берегу Онего в деревне Кондобережской, или Бережки, как называют её местные. Ближе к зиме семья Вильков перебирается на противоположный берег озера, в Петрозаводскую квартиру. Ещё слышал от своих коллег писателей, что в доме его творческие люди — частые гости. Об этом он и сам писал в своей книге «Дом над Онего». Мне случилось побывать на презентации его книги. В общем-то, с этого всё и началось...

Я изложил суть своего предложения. Всё это время тёмные линзы неотрывно смотрели на меня.

— Сколько будет писателей и народу в целом? — спросил Мариуш, как только я замолчал.

В слове «писатели» он делал ударение на первый слог, что звучало забавно. Позже я узнал, что он понимает, как в зависимости от ударения меняется значение слов, и делает это умышленно. Думаю, из-за того, что уж слишком много развелось в наше время «писателей».

— Вместе с писателями, человек пятьдесят, — ответил я, прикидывая в уме: много это или мало.

Возможно, для какого-нибудь фестиваля и маловато, но ведь мой литературный фестиваль «Петроглиф» необычный. Каждый раз проводится на новом месте, и каждый раз мы с писателями и поклонниками литературы забираемся в карельскую глушь, где всё по-взрослому, то есть по-деревенски. В наше время немногие согласятся из благоустроенных квартир перебраться, хоть и ненадолго, в палатки да в избы с удобствами на улице.

— Володья, понимаешь, Бережки, само место, Онего — это келья! Там особенная тишина, там думать надо, а не шуметь! Пятьдесят человек — много шума. — Мариуш сокрушённо покачал головой.

---

Мой план провести фестиваль у Вильков в доме начал явно рушиться. Надо было что-то делать, спасти положение. Для такого случая я припас несколько доводов.

— Мариуш, ты же сам как-то говорил в интервью, будто в вашем огромном трёхэтажном доме даже птицам не тесно, а что до места и тишины, то что такое пятьдесят писателей? Они растворятся у Онего! Тишина не пострадает. Да я уже и тему фестиваля придумал: «Дом над Онего», по твоей книге, — скороговоркой выпалил я.

Немного подумав, Мариуш согласно кивнул.

\* \* \*

Отшумели метели, стаяли сугробы. В Карелию пришло капризное лето. Наступила золотая пора — конец июля — время, которое выбрал я для проведения фестиваля. Морошка на болотах вот-вот отойдёт, а в тайге набирается спелостью черника. Как правило, в Карелии в это время и дождей меньше, и комары ленивее.

Встреча писателей на привокзальной площади Петрозаводска была шумной и весёлой. Многие не виделись с прошлого фестиваля, обнимались, интересовались, как дела. Загрузившись в автобус, мы отправились в Медвежьегорский район в деревню Кондобережскую. Путь предстоял не близкий. По дорогам Карелии надо было проколесить шесть-семь часов. День выдался жаркий и душный. Каждый раз, когда автобус делал короткие остановки у обочины дороги, из его утробы выпрастывался раскрасневшийся весёлый люд, и виной тому было не щедрое на тепло карельское солнце, а алкоголь, прикупленный «на всякий» в привокзальном бутике.

— Как красиво у вас здесь! — радовался поэт Андрей Щербак-Жуков из Москвы, оглядывая проплывающие за окном таёжные пейзажи.

---

Наконец солнце и огненная вода сделали своё дело: откинувшись в кресло, Андрей уснул. Огромные мачтовые сосны остались позади. Мы ехали по холмистой местности Великой губы. Петляя, дорога то забирала сильно влево, подходя к самому Онего, то вправо, показывая нам другой берег губы. Автобус трянуло на кочке.

— О, иван-чай! — это проснулся Щербак-Жуков.

Некоторое время он смотрел в окно на сине-зелёное волнение трав, потом убаюканный течением их волн, снова уснул, чтобы на попавшей под колесо рытвине снова воскликнуть:

— О, иван-чай!

К концу нашего пути в автобусе поутихло. И если большую часть шумной дороги я нервничал, вспоминая разговор с Мариушем о писателях, келье и тишине, то теперь, кажется, всё встало на свои места: народ устал и мирно дремал в креслах. Лишь иногда на очередной сельской колдобине слышалось:

— О, иван-чай!

Мариуш как радушный хозяин встречал нас у своего дома. Двери автобуса распахнулись... и из машины, как из рога изобилия, посыпались потрёпанные алкоголем и жарой писатели. Измождённые дорогой люди, не замечая ничего и никого вокруг, прямо на бегу скидывали одежду, неслись к воде и бросались в Онего. Барышни проходили мимо обалдевшего польского писателя уже в купальных костюмах. На пирсе сутолока. Народ расшумелся не на шутку. Вдруг Мариуш разглядел меня и кинулся навстречу:

— Володя, это же келья!

Я впервые видел Мариуша без очков. Почему-то он снял их — вероятно, чтобы убедиться в реальности происходящего.

— Писатели... — беспомощно развёл я руками.

## ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*«Петроглиф — 2013». Мейери, Рускеала,  
рускеальские водопады, скала Паасо,  
Сортавала, Валаам, Бесов Нос*

**Николай РОМАНЕЦКИЙ**  
*(Санкт-Петербург)*

### Поцелуй Карьялы

— Зачем звал? — Ахти<sup>1</sup> по пояс высунулся из воды и лениво почесал зеленую бороду, в которой любой посторонний глаз сразу бы признал куст водорослей. — Случилось что?

Чайка-посланник передала ему настоятельную просьбу Тапио<sup>2</sup> о встрече, и просьба эта оказалась достаточно неожиданной — все проблемы между двумя божествами были решены еще в стародавние времена.

И именно с тех пор они не читали мысли друг друга, пользуясь услугами посредников. Но суть новой проблемы, видимо, через чайку не передашь, раз Тапио потребовалась личная встреча.

Стоящий у кромки ладожской воды властитель карельских лесов кивнул:

---

© Николай Романецкий

<sup>1</sup> Ахти — божество воды (*финск.*).

<sup>2</sup> Тапио — божество леса (*финск.*).

---

— Случилось. Участие твое требуется. Хочу я тут одному человеку помочь.

Ахти оставил зеленый куст в покое:

— Человеку? С каких это пор тебе потребовалась для этого помощь властителя воды? Зверя в капкан ты и сам загнать можешь.

— Этому человеку не нужен зверь в капкане. Ему требуется кое-что посерьезнее. Чувства надо кое у кого породить. Как люди это называют — «пробудить любовь».

— Ну так пробуди! Никогда не справлялся с мужиками и бабами?

Тапио тоже потерял бороду — из мха.

— Тут силы моей не хватит. Тут другая любовь нужна.

И принялся рассказывать.

\* \* \*

Леший Вяйнё, местная сущность Тапио, знал всех жителей окрестных населенных пунктов.

И когда на лугу, расположенном между двумя гудами озера Альдога, появился энергично шагающий высоченный мужик с длинными волосами, Вяйнё сразу заинтересовался пришельцем.

На так называемого «нового русского» не похож. А значит, не собирается, как говорят, «прихватизировать» здешний луг и построить на нем какой-либо туристический гостиничный комплекс. Но и рыбацких принадлежностей у него нет. А значит, не отдыхающий...

Вяйнё проскакал через души сосен и приблизился к незваному гостю настолько, что смог проникнуть в его мысли.

Гиганта звали Володя.



---

Он и в самом деле не был «новым русским». Писатели этими героями нашего времени, как правило, не становятся. А Володя занимался именно литературой. И намеревался провести в окрестностях литературный фестиваль с участием фантастов, первый в Карелии...

Еще через мгновение Вяйнё знал все о надеждах и опасениях Володи.

Тот собирался организовать мероприятие в «полевых условиях» — так, чтобы гости жили в палатках. Но опасался, что необычная идея будет загублена дождями.

Еще он надеялся заманить на мероприятие столичных писателей и чиновников — ибо без них фестиваль носил бы откровенно местечковый характер. Однако тут об опасениях и речи ни шло — Володя был абсолютно уверен, что «столичные штучки» жить в палатках откажутся напрочь. Поэтому для почетных гостей сняли в двадцати километрах от лагеря современный коттедж — с настоящими кроватями, душевой кабиной в стиле «супер» с гидромассажными струями и даже сауной. Присутствовали там и газовая плита с холодильником — так что почетные гости вполне могли провести тут пару дней, не заглядывая на лагерную полевую кухню.

Володя боялся одного: что «столичные штучки», даже при таких удобствах, будут недовольны условиями, и после первого фестиваля их в Карелию больше и калачом не заманишь...

\* \* \*

Завершив рассказ, Тапио развел сучковатые руки: — В общем, я проникся надеждами и опасениями Володи. Ты же знаешь, чем больше людей любит

---

твою страну, тем лучше она живет. — Он опять принялся терзать мох на подбородке. — Но как помочь этому литературному организатору, ума не приложу. Была бы у нас мельница Сампо, все бы оказалось много проще — они бы приезжали сюда за счастьем. А так может спасти только внезапно проснувшаяся любовь к нашей Карьяле. Вода сильнее леса. Вон у тебя, даже борода больше моей. — Длина растительности на лице Ахти всегда была предметом зависти Тапио. — Помоги!

Ахти на некоторое время задумался. А потом кивнул:

— Я помогу. Есть способ.

\* \* \*

«Столичные штучки» въехали в коттедж и принялись осматривать доставшееся хозяйство.

— Ух ты, — восхитился Фантаст, заходя в номер люкс. — Да тут супер-пупер-душевая. А я-то боялся, что придется в Ладогу окунаться. Бр-р-р-р! — Он содрогнулся.

— Душ — с похмелья неплохо, — согласился Критик. — Утром, пока до этой Ладоги доберешься, не удержишься и обязательно похмелишься. Неудачный же опохмел — начало новой пьянки.

— А я бы в Ладоге искупалась, — сказала Прозаик. — Вот только далеко от коттеджа, не набегаяешься. У нас литературные фестивали проводятся на берегу Финского залива, все-таки удобнее.

— Ты так нам это сообщаяешь, — усмехнулся Критик, — будто мы на питерских фестивалях не бывали.

— Ух ты! — снова восхитился Фантаст, открывая балконную дверь. — Да тут целый пляж на сосновом полу.

---

И в самом деле, вдоль всего номера тянулся длинный балкон, на котором, в случае солнечной погоды, вполне можно загорать. А погода уже была безоблачной. Не то, что утром, когда выезжали из Питера...

— Я, пожалуй, сначала на солнышке посижу, — сказала Прозаик. — А потом можно и в душ. — Она сбегала в свой номер, сменила дорожную одежду на синий купальник и вернулась. — Кто со мной?

— Не, — сказал Критик. — Я прямиком в душ.

— А я, пожалуй, с тобой тут погрееусь. — Фантаст, в свою очередь, сбегал за плавками.

Из душа уже раздавались восторженные уханья Критика.

Фантаст растянулся рядом с Прозаиком на приготовленных хозяевами пляжных матрасах.

— Ты в самом деле купаться не собираешься? — спросила Прозаик.

— С такими-то условиями?.. Нафига мне лезть в ледяную воду Северной Ладogi. Даже в Южной не очень-то тепло. Разве лишь неширокая полоса на песчаной отмели. Вот там в солнечный день комфортно.

— У меня такое впечатление, что мы Карелии понравились, — невпопад сказала Прозаик. — Пока по Ленобласти ехали, солнечного лучика не видели. А тут, как в Крыму...

— Класс! — на балконе появился Критик. — Кто следующий?

Фантаст посмотрел на Прозаика.

Та тряхнула пшеничной гривой:

— Иди, иди. Мне надо голову будет помыть.

Она добралась до душа еще через четверть часа. И едва повернула кран, как в трубах заскворчало и родившийся водопад умер.

---

\* \* \*

Водяной Хювямиели, местная сущность Ахти, удовлетворенно потер прозрачные руки. За пять минут перед этим он перерезал жилу, из которой питался колодец, обеспечивающий коттедж водой, и направил подземную речку в обход.

\* \* \*

Мобильная связь тут работала, и вскоре о происшествии с почетными гостями узнал Володя.

Владелец коттеджа провозился с колодцем несколько часов, но добыть воду так и не сумел. Еще через час он привез на джипе несколько пятидесятилитровых фляг с водой — питьевой и технической.

И «столичным штучкам» пришлось перейти на режим жесткой экономии.

— Женщине предоставляется право пользоваться унитазом, — великодушно сказал Фантаст, принеся к туалету наполненное ведро. — А мы с Критиком помелкому и в лесок сбегать можем.

Прозаик посмотрела на него с благодарностью: ее уже всю донимала мысль, что придется периодически сидеть за кустами на корточках. Городские жители к такой позе крайне не привычны...

\* \* \*

Прошло два дня.

Карельское солнце жарило всюю.

Обильно потеющий Фантаст почесывался и ругался:

— Чтобы я еще раз сюда приехал! Да ни в жизнь!!!

---

\* \* \*

Слышащий его матерные завороты леший Вьяйнё лишь посмеивался, зная, чем все завершится. А Хювьямиели денно и ночью стоял на страже, следя, чтобы подземная жила продолжала злостно нарушать физические законы.

\* \* \*

— Может, все-таки искупаемся в Ладоге? — сказала Прозаик, когда утром третьего дня машина приехала отвозить их в полевой лагерь, на очередные фестивальные мероприятия.

— Ни за что! — рявкнул Фантаст. — Ты купайся! А я буду терпеть. Надо все-таки расплачиваться за собственную глупость!

— Тогда и я не стану. — Прозаик решила поддержать товарища.

— Ну и я с вами заодно, — ответил критик. — Страдать — так вместе!

\* \* \*

Утром следующего дня Фантаст вышел к подъехавшей машине, держа в руках плавки.

— Я больше не могу, — матюгнулся он. — Того и гляди, вши заведутся. Если бы хоть так солнце не жарило!

Приехав в лагерь, «столичные штучки» первым делом рванули на берег Ладоги. Быстро сменили одежду на купальник и плавки.

Прозаик и Критик с криками и визгами бросились в воду.

Фантаст некоторое время стоял в воде по щиколотку, содрогаясь. Потом углубился по то место, о ко-

---

тором когда-то старшина Васков из фильма «А зори здесь тихие» сказал своим девчонкам-зенитчицам: «Вам по пояс будет».

А потом с ревом нырнул.

Когда же вынырнул, ему уже не было холодно.

Минут пять все трое плавали, наслаждаясь ладожской водицей.

Потом, по возможности, помылись.

И наконец, вылезли на берег.

Фантаст немедленно закурил и обернулся полотенцем.

Некоторое время он смотрел на воду, а потом зарорал:

— Ка-а-а-айф!

— Еще бы не кайф! — сказала Прозаик. — И чего ты так сопротивлялся? И чего мы тебя раньше не уговорили? Столько радости потеряли!

— Потому что я — идиот, — сказал Фантаст. — И вы хороши, ребята! Потому что не смогли мне объяснить, что я — идиот! Последний идиот!

— Зато теперь будем купаться до конца фестиваля, — сказал Критик. — Лишь бы погода не испортилась!

— Она не испортится, — убежденно заявила Прозаик. — Она просто не имеет права испортиться.

— Вот только... — Фантаст продолжал задумчиво смотреть на воду. — Вот только когда я нырнул, мне показалось, что меня поцеловала рыба.

— И мне так показалось, — ответил Критик, вытираясь полотенцем.

Прозаик ничего не сказала и отправилась в кусты — менять купальник на блузку и юбку.

И только потом уже, вернувшись, шепнула Фантасту:

— Я думала, это ты в воде провел мне рукой по гу-

---

бам. Думала, заигрываешь. Только не поняла, зачем по губам...

Фантаст помотал головой, складывая полотенце:

— Нет, я до тебя не дотрагивался. Я метрах в пяти позади находился. Ты же быстрее плаваешь.

— Да, теперь понимаю. Странно!.. А и в самом деле, будто рыба поцеловала.

— Наверное, это такое воздействие холодной воды на разогретый организм.

— Наверное...

Все трое направились в лагерь, на очередное мероприятие фестиваля.

\* \* \*

— Вы знаете, ребята, — сказала Прозаик, — а ведь я просто влюбилась в Карелию. И, несмотря на все эти бытовые неудобства, обязательно приеду на фестиваль в будущем году.

Критик и Фантаст промолчали, скрывая от Прозаика, что чувствуют то же самое.

Они стояли в тени огромной березы, дожидаясь маршрутки, которая должна была увезти «столичных штучек» домой, в Питер.

\* \* \*

Сидящий внутри березового ствола леший Вяйнё, местная сущность Тапио, легко читал их мысли. Потом он впервые за тысячу лет открыл ментальную связь с Ахти и передал мысленное сообщение:

— Твой поцелуй любви сработал. Володя будет доволен.

— А я и не сомневался, — ответило божество воды.

---

\* \* \*

Когда маршрутка пересекла границу Карелии и углубилась в просторы Ленобласти, солнышко скрылось за тучами и пошел дождь.

— Погода выдалась как по заказу, — улыбнулась Прозаик. — Будто местные боги услышали наши молитвы.

Критик и Фантаст промолчали, но по их физиономиям было видно, что они полностью согласны.



**Владимир ЛАРИОНОВ**  
(*Сосновый Бор*)

**Как я Карелию вспоминал**

В дни фантастического фестиваля «Петроглиф — 2013», проходившего в симбиозе с Международным экологическим форумом «ЭкоЛадога», я был стараниями заботливого председателя конвента Володи Софиенко записан в VIP-персоны и определён на проживание вместе с ещё несколькими коллегами в двухэтажный коттедж. Все остальные участники «Петроглифа» разместились в палатках на живописном берегу Ладоги, в дюжине километров от нас. Коттедж был деревянный, совсем новый и весь такой солнечно-тёплый, особенно внутри. Жизнь в нём имела свои плюсы и минусы. Нас оторвали от основной массы участников, но зато жили мы в комфортных условиях: с водой из крана, с привычными «городскими» туалетами, с душем, кухней и широкими балконами, на которых иногда загорали.

Погода, к слову, во все дни нашего пребывания в Карелии стояла замечательно сухая, жаркая и безоблачная. Мне повезло (по крайней мере, сначала) даже больше других. Когда организаторы доставили нас к дому и предложили выбирать места, я скромно встал в сторонке, предполагая занять ту комнату, что останется свободной, отдавая приоритет «столбле-

---

ния койкомест» более старшим и более заслуженным товарищам. Как ни странно, за свою скромность я был щедро вознаграждён. Мне досталась огромное помещение на втором этаже с балконом и гидромассажной душевой кабиной. Забраться в эту кабину оказалось просто счастьем! Но счастье продлилось недолго. Буквально на следующий день насосы, питавшие наш уютный коттедж водой, забились песком и отказали. Не рассчитана была система водоснабжения на такое количество внезапных жильцов, кинувшихся нежиться под душем и пользоваться другими доступными благами цивилизации. Мы остались без воды в водопроводных и прочих трубах.

Но не будем о передрягах, связанных с «потому что без воды — ни туды и ни сюды». На самом деле, это обстоятельство практически не повлияло на наше настроение и самочувствие. Программа конвента была насыщенной и любопытной, мы осматривали разнообразные карельские достопримечательности, в том числе уникальный мраморный каньон в горном парке Рускеала и красивейший залив Импилахти, ездили на остров Валаам с посещением Спасо-Преображенского монастыря. Под боком была Ладога, куда нас отвозили на микроавтобусе в лагерь к основной компании; там мы обедали, ужинали, участвовали в мероприятиях, купались. А поздно вечером возвращались в коттедж, пили со Светой Васильевой и Колей Романецким чай и слушали дудук, будь он неладен (дудук, а не Романецкий), в который без усталости дудел на первом этаже один из VIPов.

\* \* \*

«Петроглифы» в Карелии — это камерные конвенты с относительно небольшим количеством участни-

---

ков. Как раз такие я и люблю. А ещё «Петроглифы» наполнены особой атмосферой — дружеской, тёплой и весёлой. Об этом обязательно кто-нибудь напишет подробно, да я и сам как-нибудь расскажу. А пока для контраста опишу случай, который веселья мне не добавил, но в ряду моих неизгладимых карельских впечатлений остался.

В один из дней нашего экологического «сидения на Ладогe» мы с Володей Софиенко возвращались, уж не помню откуда, вдвоём, и нас по какой-то причине не довели до лагеря, а высадили на шоссе у лесной дороги. По ней до общего бивака на Ладогe было километра полтора-два. К месту дислокации участников конвента мы двинулись неспешным шагом. Солнышко светит, птички поют — красота! И почти сразу же встретили в лесу девушку. Нашу девушку, из нашего лагеря. Кстати, девушек на «Петроглифе — 2013» было много, особенно среди экологинь, особенно поначалу, потом часть из них куда-то рассосалась. Девушка принялась у Софиенко что-то выспрашивать, Володя отвечал, и они зацепились языками (в смысле — разговорились) надолго. Я постоял-постоял около них, да и пошёл себе потихоньку. Догонит, думаю, меня Вовка. Опрометчиво я поступил...

Я шагал по дороге, которая постепенно переставала быть лесной. Деревья остались позади. С левой стороны раскинулся широкий некошенный луг, сбегаящий вниз, к одному из ответвлений Ладожского озера, справа — кусты, постепенно переходящие в лесок. За лугом, ближе к воде, стояла палатка, рядом с ней — легковой автомобиль. И тут я услышал утробный лай. Лаяла большая собака у палатки и, похоже, лаяла именно на меня. Да она (это была крупная кавказская овчарка) уже не только лаяла, а бежала в мою сторону. Я продолжал идти вперёд, делая вид, что происходящее меня совершенно не касается. А какой ещё вид я мог делать?..

---

Надо заметить, что мне не везет с собаками: и в детстве был покусан, и во взрослом возрасте. Правда, во всех этих несчастных случаях я так или иначе был виноват сам. В шестилетнем возрасте гостил у родственников и ухитрился, разогнавшись на трёхколесном велосипеде в их длинном дворе, идущем под уклон к дому, налететь на собачью будку. Естественно, был ухвачен её обитателем за ногу. В более позднем возрасте в подпитии поиграл с догом так, что он мне чуть голову не откусил. Про более мелкие инциденты уж и писать не стану.

...Путаясь в густой высокой траве, огромная кавказская овчарка целеустремлённо двигалась от палатки на меня. Трава собаку задерживала, таким образом, я получал некоторый запас времени. Наверное, для того, чтобы вспомнить мою бестолковую жизнь, трагически заканчивающуюся здесь, на прекрасных ладожских берегах. Вся жизнь перед глазами пролететь явно не успевала, и я сосредоточился на её карельских участках...

С Володей Софиенко я познакомился на берегу Финского залива под Санкт-Петербургом в дни конференции «Интерпресскон — 2010». Этот богатырь — в прошлом спортсмен-пловец — покорила меня смешными историями о Казахстане, где жил до переезда в Карелию. Свои истории он рассказывал мастерски. Даже не рассказывал, а исполнял — с соответствующим выражением и уморительным акцентом. Так мы втроем (был в нашей компании ещё один Вова — из Львова) и смешили друг друга. Трое суток. А потом карельский Володя пригласил меня в гости. Я скептически заметил, что вряд ли его супруга будет рада моему приезду. Но в гостях у Володи я всё-таки побывал, потому что его замечательная жена Лена телефонным звонком подтвердила легитимность приглашения. Бо-

---

лее не сомневаясь и не раздумывая, я сел в поезд и отправился в Петрозаводск, где провёл несколько прекрасных дней в небольшой квартирке гостеприимных Лены и Володи. Спал в детской кроватке (детей на время моего приезда отправили к бабушке с дедушкой), вкушал плоды поварского искусства хозяина дома (Володя — великолепный кулинар), наслаждался общением с четой Софиенко и их друзьями. Меня познакомили с городом и карельскими писателями, показали Онежскую набережную, уставленную фантастическими скульптурами, свозили на энергичный водопад Кивач и красивое лесное озеро Гурвич.

...Какая-то женщина выбралась из палатки и кинулась за собакой, забирая правее — туда, где трава была скошена. Трава меня спасала: лохматая овчарка, захлёбываясь лаем, боролась с ней, а женщина, слава сенокосу, перемещалась по скошенному лугу довольно быстро. Но всё равно мощный кавказец был ко мне ближе, чем его хозяйка, ведь он нёсся по прямой. Женщина звала пса (вроде бы «Мишка, Мишка» — этот монстр и впрямь был похож на медведя), отдавала ему какие-то команды, но Мишка даже не смотрел в её сторону, продираясь сквозь траву, словно танк, и оставляя за собой просеку...

О, этот славный вечер на тихом карельском озере с еврейской фамилией Гурвич! Мы плавно двигались по его безмятежной глади на чём-то вроде самоходного паромы с накрытым прямо на нём столом, купались, загорали и предавались философским размышлениям. Там тоже была внезапная собака. Чёрный беспородный пёс неожиданно приплыл с суши, покрыв довольно большое расстояние. Пробыл он с нами недолго, потыкался в руки-ноги, но, не найдя в нас ничего интересного, решительно прыгнул в воду и поплыл в сторону берега. По-собачьи, но быстро.

---

Бородатый хозяин гостевого дома и парома, приятель Володи, находившийся на плавсредстве вместе с нами, был настроен почему-то не очень дружелюбно. Молча удил рыбу и посверкивал на меня глазами. Оказывается, он готовил мне испытание, а я, расслабленный парными водами Гурвича и упоительными видами его берегов, ничего не подозревал. Услышав наш с Володей разговор о фантастике, в котором мы вспоминали братьев Стругацких, бородатый неожиданно спросил: «А вот скажи мне, кого переводил Аркадий Стругацкий?» Тон был примерно таким же, каким в тёмных подворотнях просят закурить. Я знал, кого переводил Стругацкий, и в первую очередь вроде бы должен был назвать имена американцев Андрэ Нортон и Хола Клемента. Несколько произведений этих фантастов действительно обессмертил своим великолепным переводом Аркадий Натанович под псевдонимом С. Бережков. Но душевные пейзажи Гурвича и философский настрой сделали своё дело. Педантичный научник Клемент совершенно не вписывался в карельскую природу, да и Нортон с её космическими приключениями явно не годилась к сегодняшнему столу. «Акутагаву Рюноскэ он переводил», — уверенно сказал я. Бородатый экзаменатор последний раз сверкнул глазами и улыбнулся. Благосклонность хозяина озера, оказавшегося большим поклонником буддийских реминисценций экзистенциального японца и владельцем собрания сочинений Акутагавы, была завоёвана.

...Овчарка неотвратимо приближалась. Её хозяйка, следовавшая параллельно собаке по скошенному лугу, уже выбежала на дорогу, но находилась ещё не очень-то близко. На песчаном пути в этом месте — ни камешка, чтоб хоть чем-то вооружиться, на противоположной обочине — ни деревца, чтобы взобраться на него поближе к вершине. Пёс, выпутавшись из травы,

---

выскочил на дорогу и злобно лаял, бросаясь из стороны в сторону прямо возле моего носа. Я беспомощно выставил перед собой руку с намотанной на кисть безрукавкой. И чего он на меня взъялся? Здоровый, гад... Может быть, из-за ярко-красной футболки? Метров за двести меня заметил и сразу кинулся... Нет, красный цвет не любят быки... А какой цвет не любят кавказские овчарки? Надо бы поискать в гугле... Если доберусь до компьютера и останется чем на клавиши нажимать, поищу...

А в то, прошлое моё посещение Петрозаводска мы с Леной и Володей Софиенко ездили на дачу председателя Союза молодых писателей Карелии, красавицы Яны Жемойтелите. Там рядом со старым дачным посёлком — речка и военный аэродром. Мы купались в речке под периодически рвущий барабанные перепонки рёв истребителей, а потом хлынул тёплый летний дождь, и мы пили на крыльце водку. Позже Яна прислала мне свою книгу «Недалеко от рая», очень хорошую, но грустную.

...Задыхаясь, хозяйка двумя руками схватила взбешённого пса за ошейник и оттащила в сторону: «Извините». Даже не помню, что я ей ответил. Адреналин стучал в поседевшие виски, ноги тряслись. Я побрёл к лагерю...

Меня догнал весёлый Софиенко. Чёрт бы побрал мою деликатность, зачем я отбился от своего могучего друга с бочкообразной грудью мастера спорта по плаванию? Решил, видите ли, оставить примерного семьянина и счастливого отца в лесу наедине с дамой. Держался бы к Володе поближе, никакой бы Мишка на нас не покусился. Этот Мишка не совсем, наверное, дурачок.

*Сосновый Бор. Март, 2016*

**Дмитрий КАЗАКОВ**  
(*Нижний Новгород*)

**Там, где хороводят бесы...**

**Викинги на «Черной жемчужине»**

Поздним вечером — выезд из Петрозаводска...

Ночь в микроавтобусе, когда приходится дремать сидя, закинув ногу на впиханные в проход рюкзаки, два часа на сон в палатке, когда и ложишься и встаешь под долгим северным рассветом...

Еще минут сорок по разбитой грунтовке, и то, что можно назвать словом «дорога», заканчивается.

Впереди мост, построенный как при царе Горохе — небрежно накиданные бревна, перехлестнутые доски, там и сям торчат гвозди, чернеют провалы, и местами все это колышется даже под человеческим весом.

Максимально экстремальные путешественники преодолевают препятствие на джипах... медленно-медленно, аккуратно-аккуратно, чтобы машину ни в коем случае не повело, ну а для более осторожных путников остается дорога по воде.

Река Черная впадает в Онежское озеро и удобна для навигации небольших суденышек.

То, на котором предстоит отправиться нам, ходит под флагом с черепом и костями и называется «Черная жемчужина». Вот только хозяин ее мало похож на Джека Воробья; огромный, русобородый и загорелый,



---

он больше напоминает викинга, не хватает разве что меча на боку.

Зато форштевень лодки венчает громадный череп с рогами!

Вещи погружены, пассажиры разместились на лавках, негромко тарахтит мотор, и плывет назад дряхлый мост. Поворот, другой, а петляет Черная немилосердно, и мост исчезает из виду, остаются лишь поросшие лесом берега, дикие, такие же, как и несколько тысяч лет назад, когда в этих местах не было русских, а лишь «чудь белоглазая», позже сгнувшая неведомо куда...

Именно в те времена появились на восточном берегу Онежского озера петроглифы, выбитые на прибрежных камнях рисунки, о значении и происхождении которых до сих пор отчаянно спорят ученые.

Самый большой и знаменитый из них называется Бесом, а мыс, где, он находится — Бесовым Носом.

Ради него мы и отправились в дорогу...

Здесь, на Черной речке, остается позади городская суэта, исчезает бесследно современная цивилизация с ее бешеным ритмом жизни, и пока лодка скользит по водной глади, хочется лишь молчать и смотреть по сторонам.

Не в надежде увидеть что-нибудь особенное, нет, просто для того, чтобы привыкнуть, хоть как-то адаптироваться к месту, где все вокруг другое, не такое, как дома, более чужое, чем на пляжах Таиланда или в пивных Чехии...

### **Проклятье долины змей**

Разбивка палаточного лагеря на опушке...

Устье реки, сверкающая под солнцем гладь Онеги, плещущие о берег ласковые, но очень холодные волны — с одной стороны... и дикий бурелом, завал из огромных стволов, перекрученных ветвей, пробивающиеся там и сям молодые деревца — с другой.

---

Передвигаться тут нужно осторожно, смотреть под ноги на каждом шагу, ну а тому, кто ходит не в сапогах, штанины полагаются заправлять в носки — змеи на каждом шагу, под любым кустом, и вовсе не безобидные ужи.

А еще, по рассказам опытных путешественников, за всем здесь приглядывает «хозяин», может быть, тот самый Бес, чьему портрету по некоторым оценкам более пяти тысяч лет...

Не понравившихся ему визитеров в окрестностях Бесова Носа преследуют несчастья — то палатку сорвет неизвестно откуда налетевшим ветром, то лягушка в суп прыгнет или гнилое дерево упадет чуть ли не на голову, то гадюка заползет напрямик в спальник.

И вместо недели на берегу Онеги приходится сворачивать лагерь уже через три-четыре дня...

Верится в подобное с трудом, рационально мыслящие скептики фыркают и презрительно морщат носы — ну как же, двадцать первый век на дворе, какие тут «хозяева», лешие и бесы?

Пообедав, неспешно собираемся на Бесов Нос — нас ждет переправа и полтора километра по лесу...

Но в тот момент, когда мы готовы выйти, погода, неделю до сего момента баловавшая нас солнышком, резко меняется — набегают тучи, и начинается гроза, с громом и молнией, с ливнем стеной и бешеными порывами ветра.

Приходится расползаться по палаткам и выжидать.

И кое-кто ворчит: «Вот он, хозяин... неужели не хочет, чтобы мы сегодня дошли до петроглифов?»

Через час проясняется, но новая попытка выступить из лагеря заканчивается так же, как и первая — пока собирались, над лесом вновь начинает грохотать, и на берег озера обрушивается новая гроза, а может быть, возвращается та же самая, ничуть не растерявшая силы и ярости.

---

Заходит на второй круг, как не выполнивший боевую задачу до конца самолет-штурмовик...

Тут уж поневоле начинаешь думать, не стоит ли за капризами погоды чья-то злая воля. Настроение портится, возникают мысли, что так до завтра и просидим в лагере под дождем, и вернемся в Петрозаводск ни с чем...

### Круги в лесу

Грозу уносит ветром, и вновь над Онежским озером сияет солнце...

Сборы в режиме марш-броска, чтобы ухватить хорошую погоду за хвост и добраться до цели...

Переправа через Черную речку на старой лодке без мотора, вместо него — единственное подломанное весло... несколько рейсов туда-обратно, чтобы забрать всех, но кое-кто, убоявшись возможного дождя, все же остается в лагере...

Компания собралась разнородная, одни вовсе не хотят идти на Бесов Нос, поскольку оказались тут не по собственному желанию, а по долгу службы, другие за время ожидания успели слегка «расслабиться», несмотря на предупреждение проводника, что пьяных «хозяин» особенно не любит.

Сам наш проводник, по его словам, бывал тут неоднократно и дорогу к петроглифам знает отлично... кроме того, Бесов Нос выделяется среди прочих мысов тем, что на нем стоит башня давно заброшенного маяка.

Видно ее издалека, и промахнуться невозможно.

Дорога идет сначала по лесу, чистому и светлому, без бурелома и обещанных змей, потом мимо лагеря археологической экспедиции... остается, если верить археологам, совсем недалеко, и все по прямой, без развилки и поворотов.

---

Но затем вновь начинается дождь, солнце исчезает, и мы бредем через туманный сырой сумрак, под ударами ветра и вспышками молний...

Проходим один мыс, второй... никаких следов маяка, но наш проводник уверенно топает дальше. Километр, другой, и впереди открывается врезающийся в тело земли залив, плавная дуга длиной еще километра три, несколько островков, и за ними еще один мыс, вроде бы тоже без маяка, но может быть, тот прячется меж высоких, по-настоящему мачтовых сосен?

Накатывает раздражение, одолевает желание пойти обратно...

Те же, кто шел на Бесов Нос помимо собственной воли, это желание прятать не собираются, разворачиваются и шагают обратно, не обращая внимания на растерянные жесты и бормотание проводника.

Да и у тех, кто остался, настроение не самое лучшее — промокли насквозь, отшагали в два раза больше, чем было обещано, и при этом не увидели ни одного самого завалиющего петроглифа...

### **Ворота Нижнего мира**

Решение возвращаться, но не тем путем, каким шли, а по берегу...

Валуны в воде Онеги, огромные и скользкие, похожие на отполированные временем спины черепах, проживших многие тысячелетия... в зеленой траве крупные ягоды земляники, похожие на выпавшие из ожерелья рубины...

И дождь вновь уволакивает куда-то за лес с такой же скоростью, как и принесло.

Еще сотня шагов, поворот, небольшой пригорок, и прямо перед нами встает башня маяка, переставшего работать много лет назад, огромная, мрачная, похожая на декорацию к фильму в жанре постапокалипсиса.

---

Как мы могли пройти мимо и не заметить ее?

Отчего проводник, не в первый раз приехавший на Бесов Нос, свернул куда-то не туда?

Или местный «хозяин» и вправду водил нас кругами по лесу, добиваясь того, чтобы отсеялись все лишние, те, кто выпил, кто не хочет или недостойн увидеть его высеченный на камнях портрет?

Даже если так, то ответа на этот вопрос не дождешься...

Найти петроглифы теперь проще простого.

Первой нам на глаза попадается выдра — темный силуэт с вытянутым и остроконечным, как у ящерицы, хвостом, растопыренные в стороны лапы; затем лебеди, изображенные простыми закорючками, и лоси, выполненные с редким реализмом, исполинский сом или налим, почти что живой, и человек, замахивающийся на рыбу острогой.

И в окружении этого «зверинца» сам предполагаемый местный «хозяин», Бес.

Он нанесен на камень так, чтобы глубокая трещина в скале рассекала тело на половинки, пальцы на руках растопырены, точно в агонии, ноги короткие и кривые, зато испещренная «шрамами» голова напоминает телевизор, и неподалеку от нее плавает нечто круглое.

Гипотез и версий, отчего все выглядит именно так, множество, одна из них гласит, что это Один, верховный бог скандинавского пантеона, и его глаз, оставленный как залог в источнике мудрости.

По другой — это изображение шамана в маске, пляшущего ритуальный танец под полной луной...

По третьей, что перед нами финно-угорское божество смерти вроде старухи Лоухи из «Калевалы»...

Есть и более причудливые, но все это теории, рожденные в тиши кабинетов.

А здесь, на берегу холодного озера, под бледным

---

северным небом и уходящим к горизонту солнцем, рождается совсем иное — легкая тревога и беспокойство, страх и неприязнь, четкое осознание того, что место это не очень-то хорошее.

Нечто схожее ощутили пришедшие сюда в шестнадцатом веке монахи располагавшегося южнее Муромского монастыря. И попытались бороться со «злом» так, как умели — именно они выбили на камне, перекрыв одну из рук Беса, большой крест с монограммами Христа у верхушки.

Попытка, судя по всему, оказалась безуспешной.

Сила, бывшая тут до прихода в наш мир Сына Божьего, никуда не делась.

Центральная композиция, три крупнейшие фигуры Бесова Носа, сам Бес, выдра и налим — по выщерблинам и другим следам видно, что их активно «кормили», пытаясь задобрить неких сверхъестественных существ, хозяев самого озера и его лесистых окрестностей.

Все же прочее, более мелкие изображения животных, птиц и даже людей — не более чем «орнамент», украшение или по крайней мере нечто второстепенное, не столь важное.

Можно сказать, что перед нами — языческое святилище.

Храм этот, расположенный на берегу Онежского озера, заброшен много сотен, если не тысяч лет назад, но попав в его пределы, ты понимаешь, что сила из этого места не ушла, что фигуры вполне живые, что умелый и знающий шаман, появившись такой в этих местах, вполне сможет их использовать...

Вот только для чего?

Ответ на самом деле куда проще, он не связан с измышлениями ученых насчет богов из разных пантеонов, а лежит в области обычной магической практики, свойственной всем народам Севера.

Для чего нужен шаман?

---

В первую очередь для путешествия в иные миры, в том числе и в Нижний мир, в плоскость бытия, как бы спрятанную под нашей...

Если в Верхний, Светлый, мир, лежащий над небом, можно попасть откуда угодно, лишь бы дух твой был чист и воля тверда, то путь в темный, подземный или подводный, открывается лишь в особых, потаенных местах.

И одно из таких мест — Бесов Нос.

А если точнее, та самая расщелина в скале, обычная только на взгляд простого человека...

Особые свойства этой точки пространства обнаружили уже первые обитатели Карелии, люди неведомого племени, пришедшие сюда за три тысячи лет до Христа. Именно они и создали петроглифы, а на самом деле нечто вроде портала, позволяющего шаману нанести визит «вниз», в иные измерения.

Умеющая нырять, уходить под воду выдра и обитатель глубин, донная рыба сом — духи-проводники, сопровождающие и помощники шамана, решившего отправиться в Нижний мир за похищенной душой или еще по какой надобности...

А Бес над трещиной — своеобразная подсказка, как нужно лечь, чтобы колдовское путешествие было удачным, легким и быстрым.

Более мелкие рисунки добавили позже — то ли в попытке заменить нужные духам жертвы их символическим изображением (зачем каждый раз убивать лебедя, лося или медведя, если можно смазать кровью рисунок и тем самым на короткое время оживить его?); то ли стараясь огородить врата в царства смерти священными, тотемными символами разных племен — растениями, птицами, животными.

Ведь ни одна дверь не может быть исключительно односторонней.

Вот и просачивается кое-что с той стороны... даже

---

сейчас, когда портал не используется по назначению, когда на Бесов Нос приходят не шаманы, а туристы и археологи.

Да, здесь можно гулять по лесу, фотографировать петроглифы, можно даже фотографироваться с ними, но даже если не сознание, то подсознание знает, что с этим местом что-то не так, то и дело хочется оглянуться, начинает казаться, что заброшенный маяк вообще не мертв, и в вое ветра слышится угрожающее завывание.

Так что в любом случае, даже если ты не веришь ни в черта, ни в бога, лучше отнестись к этому месту с уважением...

### Эпилог

Шум раскачивающихся на ветру сосен... плеск бьющих в берег волн, бегущая по воде дорожка из расплавленного золота, на другом конце которой виднеется солнце... небосклон, такой чистый, словно не было никакого дождя.

Мы идем назад к лагерю, тревожное и мрачное настроение понемногу развеивается, и даже встреченная по дороге змея, первая за день, не столько пугает, сколько вызывает любопытство.

Позади остался заброшенный маяк и расщепленная трещинами скала, с которой смотрит на этот мир Бес, уродливый и таинственный... но может быть, невыразимо прекрасный, если посмотреть на него «снизу», с недоступного обычным глазам ракурса?

И ты понимаешь, что из этого путешествия увез с собой ощущение, что останется с тобой и в большом городе, в суете повседневной жизни — холодное дыхание тайны, прикосновение технологии той эпохи, когда еще не придумали само слово «технология».



## ЧАСТЬ ВТОРАЯ

*«Петроглиф — 2014». Кондобережская,  
Великая Губа, Кижы, Соловки*

**Дмитрий СКИРЮК**  
(Пермь)

### ГРОЗИЦА

Бывают города, где сразу понимаешь, свой ты здесь или чужой.

Не знаю, почему, я редко ошибаюсь при первом впечатлении. Выходишь из вагона, из автобуса или спускаешься по трапу самолёта, расправляешь плечи, озираешься, выдыхаешь — и тотчас становится понятно: да, этот город я способен полюбить. Холодная волна бежит от поясицы до затылка, ерошит волосы и затухает где-то на щеках, под самыми глазами. Электризация. Контакт.

Бывает и иначе — не успеешь выйти, сразу думаешь: ох, блин, приехали, ну и местечко! Только такое случается редко, ибо на земле хороших мест всё же больше, чем плохих.

Убей бог, не помню, почему меня тогда занесло в Карелию. С тех пор, как кончились десятиые, я много путешествовал, словно пытаюсь взять реванш за годы,

---

© Дмитрий Скирюк

---

проведённые за письменным столом. Шёл две тысячи двенадцатый. Нас было четверо: я, мой друг по прозвищу Фэн, второй друг Коля и его подруга, ставшая ему впоследствии женой.

Петрозаводск был светел и спокоен. Июльское утро, зябкое и влажное, напомнило мне родной Урал. Вдаль от вокзала уходил проспект, в конце которого синела онежская вода. Небо было чистое и безоблачное.

— Гроза будет, — сказал вдруг Фэн.

Мы переглянулись, но спорить не рискнули. Гроза так гроза.

От вокзала до вокзала мы прошли пешком, благо пути всего ничего. Оставили поклажу в камере хранения и отправились гулять. Город нравился мне всё больше. Он словно присматривался к нам, благодушно усмехаясь в бороду, как деревенский дед: «Приехали? Ну-ну...» Он не чинил преград, не ждал подвоха. С билетами проблем не возникло. Кафе порадовало. Местная наливка оказалась так хороша, что мы взяли вторую бутылку. Забытый дома котелок нам заменила кастрюлька из ближайшего магазина, а таган — остов какого-то прибора, найденный на пустыре за детской площадкой.

Расписание пестрело загадочными названиями: «Сортавала», «Лахденпохья», «Суоярви»... И хоть меня, выросшего среди пермяцких «Пыскор», «Пожва», «Суксун», не так-то просто удивить, я был заинтригован. Место, куда мы направлялись, называлось тоже необычно — Кончезеро.

Автобус ехал час. Входили-выходили пассажиры, и среди обычных, совершенно среднерусских типов мой взгляд нет-нет да и выхватывал карельские носы с курносой спинкой, рубленые финские скулы, голубые вепские глаза на безбородых, густо-розо-

---

вых лицах, к которым, кажется, совсем не пристаёт загар. Возникало ощущение, что мы не просто в другом краю — в другой стране, где ты, конечно же, не свой среди чужих, но, может быть, ещё чужой среди своих.

У поворота на Шуйскую мы сошли и начали голосовать, и очень скоро поцарапанный жигуль свернул к обочине. Широкоплечий круглолицый дядька, заросший седой щетиной, ухмыльнулся нам из глубины салона.

— Здорово, православные! — казалось, улыбка у него шире лица. — Куда едем?

Массивный, гривастый, он походил на попа-расстригу. Из динамиков магнитолы вытекала музыка, тягучая, как сахарная патока, и звонкая, как кремлёвские куранты. «Пинк Флойд», удивлённо отметил я, причём довольно редкий альбом — «Нежный рокот грома». Нечасто услышишь его на наших дорогах, где сплошные Хит-FM да Радио Шансон.

— До Царевичей подбросите?

— Садитесь.

Доехали мгновенно. Озеро в окружении поросших сосняком гранитов дышало спокойствием и тишиной. Вдоль дальнего берега тянулись острова. Вдали отсвечивала серым пологая вершина.

— Что за гора? — я указал подбородком.

Фэн обернулся:

— Это? Гора Сампо. Читал «Калевалу»?

— Только в пересказе.

— Ну, вот на этой горе Вяйнемейнен и бился с ведьмой. Да... — он присмотрелся. — Лысеет гора-то! Старики говорят, раньше она вся заросшая была, а сейчас, смотри: макушка голая совсем.

— Сходим туда?

— Давай не сегодня.

Костёр, палатка, поздний завтрак — дальше мы

---

ничего не планировали. Между тем распогодилось. Лёгкие облачка не вызывали опасений, они лишь от-  
теняли яркое солнце и небесную синь. Над Фэном  
подшучивали, мол, какая гроза, посмотри на небо,  
родной! Мы наладили удочки, надули лодку и, оста-  
вив Колину пассиву за хозяйку, отчалили. Фэн сел на  
вёсла, мы вдвоём примостились на корме. Ну а какая  
мысль первой приходит трём здоровым взрослым муж-  
жикам, которые вырвались из дома на рыбалку?

— Что-то стало холодать! — философски изрёк  
Николай, доставая из рюкзака литровую бутылку.  
Мы только глаза вытаращили: когда успел?

Водка на клюквенном морсе — совсем не то, что  
банальная сладкая настойка. Это напиток не для неж-  
ных дам, не для семейного застолья — в ней сорок на-  
стоящих, мужских, менделеевских градусов, свежесть  
родниковой воды и ядрённость зернового спирта, она  
и кислит, и сладит, бодрит и опьяняет. Только финны  
могли придумать такое.

Как следствие, до середины озера наша лодка шла  
строго прямо, а к островам подходила уже противол-  
одочным зигзагом. Мы покружили, два раза поменя-  
ли стоянку, а потом час или два предавались простым  
мужским радостям. Легчайший ветерок, нагое солнце,  
удочки в воде, неспешный разговор... Как ни крути, а  
счастье есть! Плевать, что рыбы не было — не в рыбе  
счастье.

Немудрено, что при таких делах мы не заметили,  
как потемнело.

— Вроде тучи, а? — забеспокоился Фэн. — Я ж го-  
ворил, гроза будет. Ну что, двигаем обратно?

Это был эпический маршрут. На вёслах снова ока-  
зался Фэн. Надувное судёнышко сносило ветром и  
подбрасывало на небольшой, но уже вполне ощути-  
мой волне. Гладь воды посерела. Воздух, насыщен-

---

ный, влажный, дышал электричеством. Туча нависла над озером — огромное чёрное одеяло, простёганное молниями. Я ещё не знал, какие они, карельские грозы, а ударная доза горячительного вывела за скобки страх и опасения: сто грамм для храбрости — и вперёд!

Вот что я помню.

Гроза восходила в зенит, громыхая и посматривая с интересом: что это за три букашки там, внизу? Каюсь, увидеть это зрелище мне толком не довелось, поскольку назад смотрел только Фэн, а мы на корме орали, махали руками, передавали друг другу уже почти опустошённую бутылку и отпускали шуточки.

— Чего орёте, олухи! — сердился Фэн, загребая так, что гнулись вёсла. — Не видите, что творится? Нас сейчас накроет!

— Нич-чегooo! — мы уже порядком набрались и дуррачились, изображая финнов. — Эт-то фининская гроза, она мееедленная!

— А если молния ударит?! Что ж теперь, так и подыхать, что ли?

— Эт-то не опасноo: лотка резин-новая!

Буря мглою нас колбасит...

Есть такой советский фильм «Обыкновенное чудо». Помните, с Абдуловым, Мироновым и прочими? Так вот. В нём есть чудная песенка, которую поёт охотник на медведей, а в ней такие слова:

Па-па-ба-па! — погода злится,  
Па-па-ба-па! — гроза грозитя,  
Па-па-ба-па! — гроза грозитя,  
Как говорится, быть беде.

Пока мы плыли, песня эта не шла у меня из головы, причём, чем дольше я повторял эти строчки, тем быстрее они теряли смысл. Слова становились

---

ничего не значащим набором звуков, в точности как бесконечные «па-па-ба-па» в начале каждой строчки, словно текст написал иностранец, и вместо ясного «грозится» я вдруг услышал: «Грозица».

Это было странно. Невероятно! В этом руническом трансе, в повторении слогов было нечто восхитительное, дикое и первобытное. Волны, ветер и гроза остались прежними, но что-то изменилось: у стихии появилось имя. В этот момент, мне кажется, я понял что-то важное, хотя до сих пор не знаю, что. Но одно я знаю точно: там, на утлой лодке посреди Кончезера, где режут воду узкие ножи гранитных островов и хмурит лоб священная Сампо, *я дал имя грозе.*

Вдалеке качался медленно приближающийся берег (хотя, по правде, он стоял на месте, а качались и приближались мы). На покато́й макушке гранитной скалы возле нашей стоянки вдруг возникла женская фигурка, помаячила и скрылась. Фэн ускорился. Двести метров, пять минут, одна допитая бутылка — и лодка уткнулась в камни. Дальнейшее напоминало второсортное кино: мы выпрыгиваем на сырой гранит, подхватываем лодку — и в рапиде вспышек бежим к палаткам сквозь водопад и грохот, с лодкой вместо зонтика («Па-па-ба-па, погода злится!»). Последнее усилие — и мы в палатках: я и Фэн в нашей, Николай с подругой у себя. Мы стягивали мокрую одежду, задраивали вход, а сквозь матерчатую стенку доносилась перебранка.

— Идиоты! Сумасшедшие! — кричала на Колю подруга. — Хоть бы подумали немного!

— Да что, — оправдывался Коля, — что случилось-то?

— Что? Что?! Он ещё спрашивает! Три мудака в одном тазу! Молнии — прямо в воду у них за кормой,

---

а они... гогочут, бутылкой размахивают! Да будь моя воля, я бы сама вас убила!..

Гроза кружила, возвращалась раз за разом. Дождь стихал и снова начинался. Костёр залило, забытая на тагане кастрюля переполнилась. Фэн прятался в палатке, вылезал и прятался опять. Он шаманил: танцевал священные танцы, играл на варгане и только что в бубен не бил — пытался урезонить или хотя бы отогнать разгулявшуюся стихию. Я с улыбкой наблюдал за ним.

— Бесплезно, — сказал я ему наконец. — Пока не наиграется, она не уйдёт. И потом, пока ты имени не знаешь, всё равно не прогонишь.

— Ну, ты даёшь! Кто ж его знает?

Я промолчал.

\* \* \*

Две тысячи четырнадцатый. Многое поменялось.

На перрон Петрозаводского вокзала я вышел, как бывалый моряк сходит на берег в порту — с ленцой, вразвалочку, не торопясь, в отличном настроении. Я знал этот город, и меня здесь ждали. У длинного автобуса с тонированными стёклами обнаружился организатор фестиваля «Петроглиф», плечистый великан Володька Софиенко. Улыбка шире лица: «Здорово, православные!»

Уже поставив ногу на ступеньку, я замер и обернулся. Мысленно дорисовал ему щетину, волосы...

— Володя, — позвал я, — а ты «Пинк Флойд» любишь?

— Обожаю! А почему ты спрашиваешь?

Оп-па... Как тесен мир!

Нежилая деревня Кондобережская в Заонежье. Огромный старый дом, в котором его хозяин Мариуш

---

мечтает основать культурный центр. Часовня Самсона, деревянное зодчество. Старые друзья, новые знакомства, экскурсии, поездки...

Красота онежских шхер скупа и пронзительна. Вокруг — леса с непугаными зайцами, такая же непуганая рыба ходит возле берега. Мой новый знакомый, Сергей, оказавшийся не только писателем, но и страстным рыбаком, за полчаса надёргал здоровый кукан окуней. Вода в озере питьевая. При такой природе да в гостиницу? Увольте-с! Встали на дальнем лугу, на лопате, у воды, на свежем воздухе, в палатках. Как говорила ворона из мультика: «Кто куды, а мы — к зайцам!»

Вечером второго дня, на шашлыках, я бросил взгляд на горизонт и обомлел: на фоне чистого неба вздымался, расправляя два крыла, лохматый столб дождевого фронта. Сердце у меня ёкнуло.

— Неужели гроза будет? — пробормотал я больше для себя, чем для друзей.

— Гроза? Какая гроза? — две мои собеседницы (обе — Ирины) недоумённо переглянулись и засмеялись. — Шутишь? На небе ни облачка.

— А это? — я указал на чёрный столб.

— Да ну, не мели чепухи! Обычный закат.

В голове шумело. Пожалуй, хватит, рассудил я, откланялся и ушёл в палатку. Помню, народ что-то обсуждал у костра, в соседней палатке возились и хихикали Иринки, потом все, наконец, угомонились, и я провалился в тяжёлый сон без сновидений.

В пять утра я проснулся, как от толчка. Царила настороженная утренняя тишина. Хмель выветрился, не оставив и следа, голова была ясной и свежей. Ёжась от росы и холодка, я вылез из палатки, босиком по высокой траве прошуршал на каменистый берег озера, напился воды и ополоснул лицо. Огляделся. Что-то



---

было не так. Летние ночи в Карелии светлые, отчего же так темно?

Я поднял взгляд, уже заранее зная, что увижу.

Туча была тут как тут, висела над самой головой, словно высматривала нас. Раздался нежный рокот грома: «Приехали? Ну-ну...»

— Ну, здравствуй, Грозица... — тихо сказал я.

Ветер, словно только этого и ждал, зашелестел верхушками деревьев, тронул воду, засвежел. Пошла волна. С минуты на минуту должно было грохнуть.

Я обогнул палатку, прибрал разбросанные вещи, подтянул ремни, задраил форточки. Проверил, крепко ли сидят колышки, хотя, проверяй не проверяй, здесь их при всём желании глубоко не вобьёшь: «Ваши земли каменисты, наши каменистее», — певали в прошлом заонежские девчата, задирая на гулянии соседских.

Едва я влез обратно, дождь ударил в полог, как в турецкий барабан. Через минуту он хлынул, как из ведра. Палатка вздрагивала, но держалась.

Через несколько минут, сквозь ветер, дождь и грохот я услышал непонятную возню и возгласы. Снаружи явно что-то происходило.

— А-а-а!.. — затосковал вдруг женский голос, и вокруг палатки зашлёпали шаги. — А-а! У нас палатку залило! Дима-а! У нас палатку перевернуло! Впусти меня!

Я метнулся к пологу. Палатка у меня трёхместная, убежище найдётся.

Ирка напоминала принцессу на горошине из сказки в момент её появления у замковых ворот. С неё лило: волосы, одежда, свитер — всё промокло насквозь.

— Вытирайся! — прокричал я, подавая полотенце. — Где Ирка?

— Что?

---

Грохотало так, будто над палаткой трясли кровельным железом.

— Вторая Ирка где?

— Документы спасает!

Через пять минут из пелены дождя возникла Ирка-2, в таком же состоянии. Обе спрятались под спальник в попытке согреться, нервно смеялись и тревожно вскидывались от каждого порыва ветра:

— А палатку не сдует?

— Не сдует, не сдует, — успокаивал я их и поворачивался на другой бок.

— А тент не пробьёт?

— Не пробьёт...

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, и всё... Спите!

Я помнил, как они ставили палатку: тып-ляп, без половины колышков, чуть ли не вверх ногами. Нормально для тихой погоды, но буря снесла её за пять минут. Я же свою выбирал специально для Карелии: плотная ткань, пропитка, дополнительные стяжки, крепления...

Моя палатка — дом сухой и славный,

Сюда не залетает комарьё.

И в этом доме я, конечно, главный.

И в этом доме всё вообще моё!

Рядом опять послышались шаги: Сергей.

— Вы тут, эй? У меня палатку дождь пробил! Пробил палатку... Можно к вам?

Я рассмеялся: похоже, сказку «Принцесса на горошине» сменил «Теремок». Впору табличку ставить: «Скажи: "друг" — и входи».

— Залезай!

Широкий, грузный, совершенно мокрый, Серёга влез под полог, как медведь, и затоптался на пороге. В зубах у него был шнорхель, в руке — маска для подво-

---

дною плавания, и в первое мгновение я подумал, что в него попала молния и он сошёл с ума. Вот у человека чувство юмора!

— Не помешаю? — тактично осведомился он, вынудив изо рта загубник.

— Давай залезай. В тесноте, да не в обиде.

Нигде в России я не видел гроз таких, как в Карелии. Климат тут влажный, почвы тонкие, граниты за ночь сильно остывают. Восходящие потоки выталкивают облака с воды на сушу, туча мечется, уходит, возвращается, не может успокоиться.

Кого она искала, чего хотела?

Было утро. Мы лежали вповалку, мокрые, как тюлени. Было ясно, что уже не уснём, да и не очень хотелось. Грохотало всё тише, туча задевала полуостров то одним крылом, то другим, пока не удалилась окончательно, и в затухающих раскатах я слышал: «Ну, ты как? Определился, нет? Определился?»

— Определился, определился... — сонно пробормотал я.

Вопроса, свой я здесь или чужой, у меня больше не возникало.

— А? Что? — встрепенулся Серёга. — В чём определился?

— Во всём определился, — ответил я.

— И как её зовут? Или не знаешь?

Я улыбнулся и закрыл глаза.

— Знаю.

*10 марта — 8 апреля, 2016 г.*

*Петрозаводск — Усолье*

**Ирина КУЛАГИНА**  
(Москва)

**Теремок**

Моя подруга Ирка каждый год ездит в Карелию, обожает Онежское озеро и город Петрозаводск. Правда, попадала она туда почему-то все время зимой, и Онего представлялся ей локальным ледовитым океаном в ледяных торосах, приносящим обжигающе холодный северный ветер. Возможно, именно эта недоступная мощь ей и нравится. Но я, хотя и люблю зиму, не готова была подпортить себе впечатление от первой поездки в Карелию таким экстримом. Поэтому мы посоветовались и решили, что едем в Петрозаводск летом, да еще и попадем к друзьям на писательский фестиваль «Петроглиф». Вот на этом самом фестивале с нами и произошла совершенно сказочная история.

В конце июля Петрозаводск встретил азиатской жарой и какой-то непривычной для города тишиной. Мы пробежались по набережной, сфотографировали знаменитых рыбаков и воссоединились с остальными участниками фестиваля на привокзальной площади у автобуса. Это замечательное транспортное средство доставило нас в Заонежье, в деревню Кондобережскую.

---

Немного взбаламученный народ разбрелся обживать дома, а мы отправились осваивать берега Онежского озера. На небольшой полянке расположились четыре палатки. В одной стали жить-поживать две Ирочки, во второй устроился основательный Дима Скирюк, третья принадлежала карельскому писателю Николаю и, наконец, четвертая — Сергею, который каждое утро умудрялся наловить рыбы на всю честную компанию. Жара стояла необыкновенная, люди вокруг были прекрасные, хотелось скорее окунуться в озеро и бежать к большому дому писателя Мариуша Вилька слушать стихи и сказки, разговаривать, играть, пробовать свежесвыловленную рыбу и снова окунуться в озеро.

В общем, палатку мы поставили без единого гвоздя, вернее, колышка: натянули на каркас, закинули внутрь тяжелые рюкзаки, чтобы не улетела, и побежали по важным фестивальным делам. По пути нам повстречался настоящий заяц, он сидел посередине дороги и смотрел явно осуждающе: куда торопитесь?

Три дня и три ночи пролетели как три часа, но рассказывать о них можно три года. К тому же нам повезло: мы успели зацепить хвост короткого карельского лета. Ни облачка, ни ветерка — тишь да гладь. И вот — завтра уезжать. Онего нахмурился, бровастые облака сошлись в огромные тучи, очнулся ветер и начал выть по-своему, по-северному. Пару раз где-то что-то гроыхнуло, ветер захлопал неплотно прикрытой дверью уличного сортира.

«Палатка!» — спохватились Ирочки и снова дружно побежали.

Вокруг резко потемнело, казалось, что теперь на дороге будет сидеть не заяц, а настоящий медведь, но в этот раз обошлось. Когда мы добрались до полянки, небо уже кидалось в нас крупными холодными капля-

---

ми, почва начинала расплзаться, и колышки втыкались в нее вкривь и вкось. Однако забравшись в палатку, мы ощутили себя «в домике», запаковались в спальники и безмятежно заснули.

Не тут-то было.

Проснулась я от яркой вспышки. Затем вспыхнуло еще раз, и только тогда раздался страшный громовой раскат. Очень хотелось выглянуть наружу и увидеть эти молнии, но было очень страшно: казалось, что они бьют прямо в озеро, а то еще и прямо в наш берег. Молнии шли одна за другой, гром гремел почти непрерывно, один затихающий раскат заглушался следующим, дождь лился сплошной стеной, шумно стучал по крыше палатки, вода собиралась в плохо натянутом тенте и потихоньку начала просачиваться внутрь.

И вдруг дождь хлынул прямо мне в лицо — это полог палатки не выдержал очередного порыва ветра и взлетел практически вертикально, открывая дорогу потоку воды. Я выскочила наружу и попыталась приземлить наш парусник, но было уже поздно. Внутри образовалась огромная лужа.

— К нам пришел Онего! — медитировала Ирка, пытаясь утолкать вещи в рюкзак.

Я изолировала наши документы в кофре фотоаппарата и с этим ценным грузом снова выползла под проливной дождь. Перекошенный тент при свете молний мне удалось укрепить несколькими камнями и бревнами, но от дождя он спасти уже не мог.

— Ирка! Я ушла греться! — сообщила я подруге и «постучалась» в палатку к Скирюку: — Дима! Пусти меня погреться. У нас ветер тент с палатки сорвал. Все промокло!

— Кто это? — сурово спросил Дима, которому в его хорошо натянутой двухслойной палатке гроза была нипочем.

---

— Это я, Бацилла! — Это мой сетевой и не только ник. — Я промокла и замерзла. У нас в палатке лужа!

— Ладно, заходи!

Хорошо ему говорить «заходи», а ведь еще надо было найти вход. Но я справилась. Уфф.

— А где же вторая Ирка? — спросил Дима.

— Пока в палатке. Пытается спасти вещи из лужи. Но тут снаружи раздался Иркин голос:

— Ира! Ты где?

— Я здесь, в палатке у Скирюка.

— Можно мне к вам?

В отличие от сказочного аналога, нам даже не пришлось спрашивать «Кто ты?», мы просто дружно крикнули:

— Заходи!

Разместиться втроем в двухместной палатке не проблема — проблема была в том, что мы все при этом продолжали дышать. И в маленьком невысоком теремке очень быстро стало душно. А в любое самое маленькое приоткрытое окошко моментально начинали вливаться струи воды. И тут пришел медведь.

— Эй, кто-нибудь! Кто тут есть? — спросил медведь голосом Сергея.

— А мы тут все. Это палатка Скирюка, он в ней живет, а у нашей палатки тент сорвало, и лужа внутри. Так что тут еще две Ирочки.

— А я смогу еще там у вас поместиться? У меня тоже платку наизнанку вывернуло.

— Ну, давай попробуем.

И мы попробовали. Сергей — человек большой. Когда он начал вползать в палатку, мы сразу поняли, почему звери разрешили медведю сесть на крышу. В домике просто не осталось места. Дышалось уже совсем тяжело. Зато стало очень тепло. А все наши попытки компактно расположить четырех жителей в двухместном теремке окончились провалом.

---

Тем временем, мир снаружи опять начал понемногу изменяться. Дождь кончился, и как раз забрезжил рассвет. Как истинный рыбак, Сергей первым покинул наш теремок и отправился на утренний лов. Потом мы услышали, как из своей уцелевшей палатки выбрался Николай, охнул и взялся разводить костер. А мы дождались настоящего рассвета и вылезли сушить вещи. Но солнце было уже не то, вчерашней жары остались лишь воспоминания. Сырые дрова в костре не хотели разгораться, маленькое пламя норовило сорваться под каждым порывом ветра. Именно в этот день мы уезжали, так что досушиваться пришлось уже в Москве, вспоминая наш маленький теремок, в котором мы спаслись от разбушевавшегося грозового Онего.

А Ирка теперь любит и летнее Онежское озеро, но обязательно должна случиться гроза. Только наблюдать ее она хочет не из палатки, а из какого-нибудь старинного деревянного домика в Кижях.



**Светлана ВАСИЛЬЕВА**  
(Санкт-Петербург)

**А вёсла у вас есть?**

Я прекрасно понимала, что другого случая попасть на Кижы у меня не будет, только вот не люблю я экскурсий...

Кижы для меня всегда были где-то там, далеко, где я, возможно, когда-нибудь побываю. И вот сейчас вдруг это «когда-нибудь» стояло рядом в образе организатора Литературного фестиваля «Петроглиф» Володи Софиенко и убеждало меня туда съездить. За недорого, потому что местные ребята подхалтуривают на собственном катере. Такие у них в Карелии ребята: не на мотоциклах гоняют, а на катерах. Почему? А посмотрите на карту — леса да озера. Больше семидесяти тысяч озер: от крохотных до таких гигантов, как Ладожское и Онежское. Ну, может, и на мотоциклах тоже, но я не видела. Вот коров здесь, на Онеге, сколько угодно; бродят себе: сами на выпас, сами, когда положено, домой возвращаются. Самостоятельные такие. Кстати, и пасутся прямо в воде: забираются по брюхо в озеро и щиплют траву.

Конец июля, жара под тридцать градусов. Синяя — в цвет неба — Онега переливается на солнце, и не хочется ни на какой катер, а прямо бы в воду, как те

---

коровы, забраться и не вылезать. Впрочем, ладно, раз недорого, да еще одного человека не хватает...

Катер мне не понравился сразу: старьй, с облупившейся краской и с молоденьким «капитаном». К самым сходням подойти не получилось — мешали огромные валуны на дне. Тогда наши двухметровые богатыри Володя и Леша зашли в воду и под руководством капитана начали с диким скрежетом толкать прямо по каменюгам несчастную посудину к берегу.

Глядя на весь этот ужас, я утешала себя мыслью, что они, наверно, знают, что делают.

Дотолкали. Ну, почти. Помогли перебраться нам с Колей и Андрюхе с женой Людмилой, с тем же скрежетом спихнули катер на воду. Тот закачался, потом выровнялся.

— Правильно сели, — похвалил капитан.

Мы переглянулись. Ну да, учитывая наши комплекцию и рост, вроде распределился правильно.

— А весла у вас есть? — спросил Андрюха.

Мы привычно заржали: Андрюха, он такой, ему всегда неймется.

— Зачем? — юный командир растерялся буквально на секунду: видимо, пассажиры у него были далеко не первые — насмотрелся. Затем хмыкнул и, перешагивая через наши ноги, двинулся на свое капитанское место.

Пока раскочегаривался двигатель, я начала машинально оглядываться в поисках весел и уперлась взглядом в дыру в обшивке «салона». Ладно, главное, чтобы днище было цело.

«Господи, да не самолет же, в конце-то концов! А плавать я умею...»

— Между прочим, если чего, на воде долго не продержимся, — будто прочитав мои мысли, снова подал голос Андрюха. — Вода здесь холодная.

---

Людмила толкнула мужа в бок, мы с Колей смолчали; капитан с ухмылкой разворачивал катер. А дальше... Дальше за кормой синим с белыми барашками — синим с белой каймой по голубому — разошлась вода...

Брызги, фонтанчики отраженного солнечного света, ровный гул мотора. Редкие встречные суденышки, крохотные лесистые островки, островки заброшенных деревень, какой-то вымпел. Сначала я пыталась сфотографировать каждый проносившийся мимо катер, каждую выглядывавшую из зелени на далеком берегу избу, потом просто смотрела.

Трудно. Трудно городскому жителю вынести подобную красоту. Появилось ощущение нереальности происходящего, и казалось невероятным, что вот-вот покажутся не раз виденные по телевизору и на фотографиях луковицы старинных деревянных церквей. Вот вроде!.. Нет, обычный островок... Наконец, словно из-под воды, начали медленно подниматься купола знаменитой церкви Преображения Господня. При ближайшем рассмотрении стало заметно, что шедевр русского архитектурного зодчества был буквально вздернут на гигантские металлические опоры. Похоже, очередная реставрация.

Кизи — остров, однако в первую очередь, музей. Причем не простой, а объект Всемирного наследия ЮНЕСКО, поэтому с пристанью здесь было все в порядке: ни по каким камням перетаскивать катер не пришлось. Спокойно вышли. Договорились с капитаном, что вернемся сюда же через три часа.

Первым делом мы направили свои стопы к цивильной части — с сувенирными лавками и кафешками. Народу там было — не протолкнуться! Еще бы, у причала стоял — плохо в этом разбираюсь — чуть ли не четырехпалубный туристский лайнер. Решив выпить кофе на обратном пути, развернулись к кассам.

Билеты нам продали, а вот экскурсовода... Увы!

---

Не полагалось после семи вечера экскурсовода. Однако кассирша не знала нашего Андрюхи — от него просто так не отделаешься. В конце концов, она кому-то позвонила, и вскоре к нам подошел пожилой, но энергичный и очень представительный мужчина:

— Я уже садился в свой катер...

Ну, я же говорила, вот такие они, карельские жители! Правда сразу подумалось, что катер у нашего экскурсовода наверняка поновее и подороже. Катера я так и не увидела, зато его хозяин оказался далеко не простым экскурсоводом, а одним из тех, кто стоял, что называется, у истоков основания музея. Едва ли не бывший директор. Приехал когда-то сюда, да так и остался. Сейчас от дел уже отошел и только время от времени водил экскурсии.

Нет, я даже и пытаться не буду ничего пересказывать — на Кижии просто надо съездить. Можно даже зимой: на замерзшую Онегу спокойно садятся небольшие самолеты и вертолеты.

Спустя часа два мы распрощались, обменялись визитками и пошли пить кофе. Лайнера у причала уже не было — площадь опустела...

Капитан встретил нас, как родных. Даже катер стал будто новее, хотя дыра в обшивке вроде как увеличилась. Это показалось мне плохим предзнаменованием.

— Назад доберемся быстрее!

Лучше бы он этого не говорил...

Было все еще очень светло — что вы хотите, Север, белые ночи! И сине-голубая вода Онеги все так же искрилась и переливалась на солнце. Андрюха с Людмилой, перебивая друг друга, рассказывали, как собираются перестроить доставшийся им в наследство деревенский дом, когда двигатель вдруг чихнул...

Он глох два раза, и дважды его удавалось заве-

---

сти — на третий не получилось. Бросив это безнадежное дело, капитан вытащил мобильник. Пока шли переговоры, катер, который по инерции еще какое-то время двигался вперед, остановился, беспомощно покачался, потом его начало медленно, но верно сносить к берегу.

— Ну прямо как в тот раз в Крыму, — обрадовалась Людмила. — Помнишь, Андрюш?

— Вот были бы весла... — завел любимую песню Андрюха.

— И что? — даже с каким-то интересом вдруг спросил капитан.

— Что-что. Доставили бы до места вас и ваш катер всего за... — и «добрый» Андрюха назвал сумму чуть больше той, в которую нам обошелся наем.

Мы прыснули — капитан сделал вид, будто юмора не понял. Невыгоден ему такой юмор. Тем более, Андрюха и не совсем шутил. Забыла сказать: он ведь у нас предприниматель — вот уж умеет человек делать деньги.

Помолчали. Катер продолжал потихоньку дрейфовать к берегу. Но далеко до него еще было — ой, как далеко. И ветер вдруг поднялся...

Чего сидим? Кого ждем? Уж не ремонтников ли? В ответ на наши вопросы юный капитан лишь загадочно улыбался. Скрытный, однако, оказался мальчик.

Наконец послышался рокот мотора. Никак к нам? Мы встрепнулись и... Сказать, что вскоре подплыл катер — не сказать ничего. Не катер это был, и управлял им не просто парень с загорелым обнаженным торсом. Нет, он словно гарцевал на только что обьезженном мустанге! Вот первый парень на деревне — тут уж без ошибки! — приблизился, заглушил мотор, с шиком развернулся и протянул нашему капитану... пластиковую бутылку.

---

— Весла! — заорал Андрюха. — У него есть весла!  
От неожиданности «ковбой» едва не выронил суд в озеро.

— Не обращайтесь на него внимания, — махнула рукой Людмила.

Оказалось, у нас просто закончилось горючее.

— Что делать, выручаем друг друга, — разулыбался капитан, глядя вслед удалявшемуся приятелю.

Когда спустя минут двадцать мы — уже безо всяких приключений — подошли к родным мосткам, я поймала себя на том, что на сушу совсем не хочется. И Андрюха, перебираясь по каменюгам, ворчал: так ему и не дали погрести.

**Николай КАРПИН**  
(Петрозаводск)

**Четыре незабываемых дня**

**День первый**

24 июля чуть позже запланированных 12.00 презентабельный автобус вывез нас от железнодорожного вокзала города Петрозаводска в деревню Кондобережская, что в Медвежьегорском районе — туда, где планировался 2-й международный литературный фестиваль «Петроглиф — 2014». Его организаторы — писатель Володя Софиенко и его супруга Лена — не побоялась взять своих троих детей, включая трехмесячного Гришатку, который, надо отметить, не буйствовал. Июль не подвел. Карельское солнце баловало, незабываемо баловало нас все четыре дня пребывания на природе.

По приезде часть участников поселилась в доме, любезно предоставленном писателем Мариушем Вильком. Поначалу Вильк был неразговорчив. Не проняла его польскую душу и чарка «русской», охотно принятой им за приезд и знакомство. Он взирал на нас сквозь очки черные и круглые, как у Григория Лепса, и молчал.

После регистрации и продолжительного вечера знакомств часть участников фестиваля пожелала жить в комфорте и отбыла на машине в Великую Губу

---

в приготовленный для них коттедж. Часть приютил двухэтажный бревенчатый особняк Вилька. Остальные отправились разбивать для себя палаточный лагерь на берегу Великой Губы. Я увязался за ними. Поляна, костер, песни медвежьегогорского барда Саши Исидорова под гитару. На закате медного блина солнца в звездной сумрачности далекое очертание деревенской церкви, гладь Онего. Вместе с комарами в душу хлынули слова:

— Я сказал, не надо рая, дайте Родину мою!

### День второй

После завтрака Вера Линькова, детская писательница из Петрозаводска, провела свою любимую Бинномку — занятия с детьми по развитию их творческого воображения и восприятия мира. Дмитрий Коржов из Москвы сделал доклад на тему: «Поэт и гражданин в современной России». Затем мы устались на Мариуша в цветастой тубетейке на голове, значительно подбоченившегося на грубой скамье. Мариуш — тот еще перец — побывал в качестве журналиста на абхазской и чеченских войнах, затем девять лет прожил в Соловецком монастыре и, наконец, нашел свое счастье в Заонежье. Не влюбиться в эти места трудно, я сочувствовал Мариушу Вильку. Здесь у него родилась прелестная дочурка Марта. Мариуш оказался плодовитым писателем. На столе перед нами лежали его книги: большей частью на польском языке, но были и на русском.

Вильк повел с нами туманные беседы о бренности существования, о тщетности житейской суеты и, между прочим, сообщил, что набирает группу из трех-четырёх человек, которым готов передать весь свой жизненный опыт, в том числе и литературный. Мы тут же оживились, но сникли, когда была озвучена плата за обучение. В разговоре философ Вильк назы-



---

вал Россию не иначе как империей. При этом глаза его из-под темных стеклышек очков грозно сверкали. Как бы там ни было, но нас он приютил и безропотно терпел весь наш шум-гам все четыре дня. Не слова — поступки раскрывают человека.

Запомнилось яркое выступление Анны Матасовой о состоянии современной поэзии России и ближнего зарубежья. В обсуждении темы споткнулись на поэтах-гопниках. Откуда слово? Выручил Дима Скирюк из Перми, который пояснил нам, что ГОП — это построенные в 30-е годы XX века «государственные общежития пролетариата», где ютилась и бесквартирная творческая интеллигенция.

И Скирюк овладел нашими умами. Есть прирожденные лекторы. Дима из них. После обеда и до окончания фестиваля он поражал нас своими энциклопедическими познаниями и эрудицией. Он собирает и восстанавливает забытые настольные игры мира. Живая игра, по мнению Димы, это общение людей, где кто-то побеждает, кто-то проигрывает. Игра закаляет характер человека и много чего развивает, что немаловажно для детей. А современные компьютерные игры являются лишь суррогатом и уводят в мир иной. Тут же предлагал сыграть партейку. С собой Скирюк привез кучу досок, фигур, шашек, фишек с иероглифами. Перед нами он представил японскую игру «сёги», египетский «сенет», «мехен», африканские «оварэ», сомалийский «гобат», китайские шахматы, японские... Как он все это смог уместить, притащить на себе чудесный наш Скирюк?!

И настал день фантастики...

Светлана Васильева с Николаем Романецким, оба из Питера, рассказывали о творчестве фантастов братьев Стругацких, об их романе «Пикник на обочине», о нелегкой 10-летней истории журнала «Полдень. XXI век». Рассказывали так увлеченно, что в люльке

---

заплакал трехмесячный Гришатка Софиенко. Наверное, от обиды, что крылья не растут.

Потом Алексей Заворотный презентовал фестиваль фантастики «Летучий Фрегат», проведение которого намечалось в июне 2015 года в городе-герое Севастополе. В наших беседах они с женой Еленой подтвердили искренность радости жителей Крыма по поводу возвращения в Россию.

— С Крыма начнется новая история России! — убежденно говорил Алексей.

Чудесным образом тему фантастики на другое утро продолжил заяц странного ржавого окраса. «Ржавый» задумчиво скакал по дороге нам навстречу, останавливался, снова скакал. За его прядяущими ушами Сергей Пупышев, оторвавшийся от нас, о чем-то взмахивал руками. Двигающиеся уши зайца, вытягивающиеся вверх руки Сережи составляли некий призыв к чревоугодию. А «Ржавый» все бежал неторопко, пока не уперся в нас изумленных (я, Дима Скирюк и Саша Исидоров). Силы были неравные, и мы непринужденно двинули на него, мы проголодались, спешили позавтракать и не побрезговали бы зайчатинной — даже сырой. А «Ржавый» развернулся и преданной собачонкой бежал впереди, совсем не подзревая о наших кровожадных помыслах. Мы остановились, он встал. Мы — вперед, он — впереди. Мы прикрикнули, он скосил глаз и как-то по-медвежьки лениво исчез в густой траве...

Ирина Мамаева своей «деревенской прозой» несколько сбила сказочную романтику Заонежья. Родовой дом ее прадеда в деревне Падмозеро сгорел. Из четырех деревень, окружавших Падмозеро, не осталось ни одной. Одно слово — разруха. Удивительными оказались воспоминания ее бабушки, оказавшейся в финской оккупации. В разрез множественным рассказам о зверствах финнов русская бабушка рассказывала Ирине, как финские солдаты обнаружили их, малень-

---

ких угоревшими в избе и спасли, вынесли на свежий воздух, привели в чувство русских детишек. Много интересного Ирина рассказала о заонежских погребальных традициях, о местных колдунах и колдуньях. Творческий человек — наблюдательный человек.

Разгорелась жаркая дискуссия по поводу доклада детского писателя Елены Усачевой из Москвы.

— Детской литературы в России нет, потому что нет в России современных исследователей этой темы! — объявила Елена.

С ней решительно заспорили:

— Раз пишем для детей, значит, она (литература) есть, а раз есть, значит, литература должна четко определять для детей и юношества: «что такое хорошо и что такое плохо». Все просто. Размытым границам в детской литературе не место.

Организовали для нас и экскурсию по Заонежью: старинные крестьянские дома по берегам Онего, церкви, родники. Это трудно описать, это надо видеть, пить ту воду, вдыхать пряные запахи лета, общаться с местными. На восторженные охи-ахи я сказал, что таких мест в Карелии множество. Москвичка Ира ответила:

— Я влюблена в Онего и приезжаю только сюда!

Это хорошо, что у человека есть свое сокровенное место.

А дальше мы разделились. Одна группа поехала на Соловки, другая — вернулась домой.

Спасибо, Володя и Елена Софиенко! Вы сумели создать невыдуманную сказку под названием «Петроглиф — 2014».

Следующая, друзья мои, состоялась в Калевале и снова с супругами Софиенко, но об этом пусть расскажет мой петербургский друг Владимир Ларионов.

11.3.2016 г.

**Дмитрий КАЗАКОВ**  
(*Нижний Новгород*)

## **Свет над Белым морем**

### **Рожденные ледником**

Соловецкие острова появились на свет, если мерить по геологической шкале, несколько секунд назад. Прошло немногим более одиннадцати тысяч лет с того момента, как растаял великий ледник, покрывавший Северную Европу, и земля, избавившись от его невообразимой тяжести, начала подниматься.

Кое-где этот процесс завершился быстро, но Соловки, примерно десять тысячелетий назад показавшиеся над морской гладью, продолжают расти с удивительной скоростью — несколько миллиметров в год.

И та бешеная энергия, что тащит их вверх, начинает ощущаться с того момента, когда архипелаг возникает на горизонте. Немного усилий, и можно различить широкий столб света, вырывающийся из недр Белого моря и вздымающийся к ясным, почти белым даже ночью северным небесам.

Эта струящаяся снизу вверх сила может не дать тебе спать, исказить восприятие, вызвать недомогание, что пойдет в конечном итоге лишь на пользу, но в любом случае она не оставит гостя в покое...

---

Приехавшего на Соловки ждет настоящий маленький мир из шести больших и сотни малых островков со своими горами, озерами, лесами и тундрами, с особым христианством и язычеством, с глухими уголками невероятной красоты и оживленными туристическими объектами.

Каждый найдет здесь что-то свое.

### **Твердыня веры**

Большинство гостей посещают архипелаг ради монастыря.

Обитель на Соловках возникла в начале пятнадцатого века, а уже через столетие здесь, на границе Полярного круга, монахи под руководством игумена, будущего митрополита Филиппа выращивали виноград, а в волнах отражались башни крепостной стены.

Но спрятаться от мирских треволнений насельникам архипелага не удалось...

Тихой жизни, несмотря на расположение «на краю мира», на Соловецких островах не знали: монастырь несколько раз пытались захватить шведы, английский флот обстреливал укрепления во времена Крымской войны, войска царя Алексея Михайловича десять лет осаждали его после того, как местные старцы отказались признать нововведения патриарха Никона; и операция завершилась успешно только из-за предательства.

Забавно, что в одном из скитов на Анзерском острове и принял постриг сам Никон, будущий неистовый реформатор, споривший за первенство с царем и вздумавший перевернуть здание русского православия. Однако пробыл он на Соловках недолго, может быть, тот негасимый свет, что пронизывает здесь все,

---

и подтолкнул его к тому, чтобы вступить в конфликт с братьями и перебраться на материк.

Тюрьму в обители устроили еще в шестнадцатом веке, причем содержались в ней узники особые, опасные знатностью или влиянием для властей церковных или мирских: игумены из нестяжателей, один из соправителей Ивана Грозного, татарин Симеон Бекбулатович, аристократы из Верховного тайного совета, последний атаман Запорожской Сечи, старообрядцы, члены тайных обществ и наполеоновские шпионы.

В двадцатом же столетии монастырь и вовсе был превращен советскими властями в лагерь для политических заключенных, и эков, прошедших через него, насчитывают тысячами.

В их числе оказались и такие известные люди, как академик Дмитрий Лихачев, философ и мистик Павел Флоренский, писатель-фантаст Сергей Снегов, поэт-биокосмист Александр Ярославский.

Монастырь очень долго был и цитаделью и темницей, поэтому не кажется странным, что даже соборы здесь имеют воинственный, суровый вид, что не миром и покоем веет от них, а грозной мощью.

Стены укреплений сложены из громадных валунов, что вполне по руке гигантам из древних мифов, прищур бойниц-глаз в приземистых башнях остр и внимателен. Заглядывая в огромную трапезную, где вполне могло уместиться несколько сот человек, в исполинскую комнату печи, с помощью которой обогревали здание в несколько этажей, разглядывая иконостас Преображенского собора или посещая крохотное кладбище, ты почти слышишь гневный ропот тех, кто некогда либо сражался здесь, либо мучился в неволе.

Самое удивительное, что это не портит общего светлого впечатления.

---

Да, тут веками страдали и лили кровь, и намного больше, чем в каком-то другом месте. Но все это происходило не просто так, не ради торжества мрака и злобы, а с глубоким смыслом, для искупления грехов или очищения кармы, так что в конечном итоге хрустальное сияние, что просвечивает на архипелаге через земную плоть, стало еще ярче, еще пронзительнее.

Условия заключения на Соловках были очень суровыми и в царское, и в императорское, и в советское время. Но многие из узников, что получали свободу, выражали желание остаться на островах, и это несмотря на проведенные во мраке, холоде и тесноте годы мучений, на постоянный голод и издевательства охраны!

Желание поселиться на архипелаге, провести здесь несколько лет, а может быть, и остаток земной жизни посещает и каждого гостя монастыря, и это несмотря на бурную, тревожащую ауру.

### **Венеция у Полярного круга**

Мир и покой, которых не чувствуется в монастыре, можно поискать либо на одном из меньших островов, где еще в древности были построены скиты, либо двинуться в глубь Большого Соловецкого.

Но путь даже во втором случае, когда ты безо всякого сомнения удаляешься от моря, будет пролегать по воде.

Озера, большие и малые, общим числом более трех сотен, имелись тут до того, как на архипелаге высадились монахи Савватий и Зосима.

Но только неутомимые труженики в рясах связали их сетью настоящих каналов, превратили в транспортную систему, намного более удобную, чем ухаби-

---

стые, кривые и не во всякое время года проходимые дороги. Сколько при этом было стерто в кровь рук, сбито заступов, можно только догадываться, но в каналах вполне может течь не вода, а пролитый при их строительстве пот.

В конце девятнадцатого века по ним ходили даже крохотные парходики, тащившие за собой вереницы плотов и лодок.

Сейчас на каналах тишина и умиротворение, лишь шумят растущие по берегам леса и крикают утки. Сохранились укрепленные камнями и деревянными столбами берега, кое-где видны остатки настоящих, пусть и маленьких шлюзов, наполовину сгнившие, ушедшие под воду пристани.

Порой ширина водного пути такова, что веслами цепляешь в землю с одной и с другой стороны, и тогда приходится орудовать одним из них как шестом, отталкиваясь от дна. Один толчок, другой, заросли разбегаются, и ты оказываешься на глади озера, достаточно большого, чтобы по нему ходили яхты, и солнце весело играет на синевато-серых волнах.

Минут пятнадцать гребли, и ныряешь в очередное устье: тебя вновь окутывает безмолвный сумрак, где царят запахи хвои и свежей зелени, небо закрывают сомкнувшиеся над головой кроны, а видимость ограничивают два ряда стволов, похожих на серые и белые колонны.

Это настоящий лабиринт, протянувшийся на километры и километры, и без проводника тут заблудиться не сложнее, чем в джунглях. Погода меняется стремительно, солнце исчезает, словно его выключили, начинается моросящий дождь, затем налетает промозглый ветер с Ледовитого океана, а потом опять становится тепло и сухо, и все это за каких-то полчаса.



---

Здесь вместо гондольера песню тебе сплет лесная птица, над головой окажется не старинный изящный мостик со спешащими туристами, а ветки с сидящими на них белками, место зданий занимают густые заросли и вообще на суше очень редки следы человека.

Но паутина каналов ничуть не менее живописна, чем в Венеции, воздух и вода намного чище, и сквозь меняющиеся друг друга пейзажи, точно сошедшие с полотен русских живописцев девятнадцатого века, проглядывает все тот же свет, исходящий из глубин...

И крик диких гусей, что пролетают над головой, звучит похоже на молитву.

### Пути шаманов

Совсем другой пейзаж встречаешь, отправившись на Заяцкие острова.

Здесь нет настоящего леса, деревья растут только карликовые, березы и рябины высотой в полметра, из строений лишь церковь Святого Андрея, возведенная во времена Петра Великого, а также пристань и несколько лабазов из той же эпохи.

Большую часть острова занимает тундра, и в ней прячутся каменные лабиринты. Выложенные из серых, обкатанных временем и бурями камней, утопающие в ярко-зеленом мху спирали, все разные по структуре и виду, огромные, до нескольких десятков метров в поперечнике.

Причем устроены они так, что ни с одной точки нельзя охватить лабиринт взглядом. Некоторые имеют центр, отмеченный валуном или даже несколькими, положенными друг на друга, другие лишены такого элемента.

Компанию лабиринтам составляют кучи камней,

---

размещенные в аккуратном, почти математическом порядке. Обычно их называют могилами, а место, где они расположены, кладбищем, хотя кости найдены далеко не под всеми, причем не только человеческие, но и животных, и птиц.

Местами лежат отдельные валуны, пятнистые, мощные, оставленные тут ледником.

Совершенно языческий, дикий пейзаж, картинка из тех времен, когда монахи еще не пришли на Соловки, и таким он остается, несмотря на церковь и на кресты, что поставлены в разных концах острова.

Люди постоянно здесь никогда не жили, но тем не менее остров активно использовался, и сомнений нет в том, что для первых обитателей архипелага, заселивших его еще пять тысячелетий назад, он был не просто клочком суши, а сакральной территорией, где правят законы иного мира, населенного богами, духами и предками.

Сюда прибывали шаманы и их ученики, и именно они оставили после себя и «кладбище», и лабиринты.

Кучи камней и в самом деле обозначают места захоронений, только не самых обычных, а таких, когда человека погребают живым и на ограниченный срок — с целью ритуального очищения, постижения неких истин, посвящения. Подобные практики известны до сих пор среди американских индейцев, и наверняка они были некогда и у народов Севера.

Найденные здесь кости остались от жертвоприношений, что иногда, но далеко не всегда, сопровождают шаманские ритуалы.

Лабиринты же построены так, что человек, идущий по ним, вынужден концентрировать внимание: крутой поворот, второй, в другую сторону, третий, снова со сменой направления, и нужно еще следить за

---

тем, чтобы ни в коем случае не ошибиться и не вступить в соседнюю канавку!

Тогда ритуал окажется нарушен и все придется начинать сначала!

Шагая по узкой тропке меж двух рядов камней, шаман впадал в нечто вроде транса, его восприятие постепенно сдвигалось с уровня на уровень, и если входил он в каменную спираль в одном мире, то выходил через те же ворота уже в другом!

Что он там видел, какие вещи мог творить — мы можем только догадываться.

Сознание начинает ощущать плыть, если просто созерцать один из лабиринтов некоторое время. А уж если пустить в дело эту своеобразную «магическую машину», живую, несмотря на века простоя, насыщенную энергией того света, что проходит через землю и устремляется в зенит...

Для человека, что не прошел специального обучения, это просто опасно.

Кто знает, куда тебя забросит простая на вид спираль из камней?

## Прощание

Корабль неспешно выходит из бухты Благополучия, монастырь с его соборами и крепостными башнями остается прямо за спиной, чуть левее прячутся в гуще леса каналы Большого Соловецкого, а если же поглядеть в другую сторону, то на горизонте темнеют Заяцкие острова с их лабиринтами.

Затем это все уменьшается, удаляется, и ты видишь архипелаг целиком.

Вновь встает над морем колоссальный столп из света, и тут же, словно по сигналу, по правому борту

---

на водной глади возникает белоснежное пятнышко — провожать гостей явился кит-белуха, древний хозяин местных вод, легендарный хранитель глубин и рыбных богатств...

И одновременно вспыхивает под лучом солнца, что прорвался через сизые тучи, титановый крест на Преображенском соборе.

Соловки прощаются и в то же время намекают, что будут рады видеть тебя снова.

Что ты видел и открыл далеко не все чудеса этого края...

## ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*«Петроглиф — 2015». Хайколя, Калевала,  
национальный парк Паанаярви*

**Вера ЛИНЬКОВА**  
(Петрозаводск)

### **И радуга в лодке с острова Луотосаари**

#### **1. Размышления в маршрутке**

«И ничего-то в жизни выдумывать не надо. Всё и так есть. Поискал — нашёл. Посмотрел — увидел. Вот бежит дорога. Кругом сосны и белый мох. Белый-белый, будто снег выпал. Интересно, а как эта дорога войдёт на остров? Ведь вокруг острова вода... И что же такое Хайколя?..», так рассуждал маленький Гена, сидя на первом сиденье маршрутки и опустив ноги на большую картонную коробку с красками, кисточками, фломастерами, листами ватмана... Старший брат Саша сидел рядом с водителем... Не поговорить. Ехавшие на фестиваль писатели тоже рассуждали о том загадочном месте, где они сейчас окажутся.

— Вообще-то Хайколя — это хутор. Древняя деревня рунопевцев и сказителей. На карте её нет. Нежилая она теперь. Зато сын Ортьё Степанова Михаил вместе с женой Ольгой создали там мемориальный комплекс, известный во всей Европе. И ездят теперь

---

туристы на остров Луотосаари. Там постройки сохранились ещё с XVII—XIX веков...

— А как же на остров-то на маршрутке попадём?

— Так Ортё Степанов на свои гонорары от книг перешеек сделал... Насыпь... появилась дорога...

— Надо же, такие гонорары в ту пору у писателей были! Озеро можно перегордить!

Гена слушал и сидел тихо, потому что папа так велел. А папа его — самый главный писатель, потому что именно он создал этот литературный фестиваль «Петроглиф». Папа с мамой и годовалым братиком Гришей ехали в других маршрутках с другими писателями и другими детьми. Некоторые писатели брали с собой детей для общего развития и участия в студии «Биномка».

У Гены это была третья дорога на писательский фестиваль. На первый он ездил, когда был ещё совсем маленьким. И запомнил только странное место — Бесов Нос. Там был маяк, розовые скалы... А на скалах — рисунки древних людей: рыбы, лебеди, олени, лодки... А на одном большом камне — огромный бес. Папа говорил, что это и есть «петроглифы»... Так древние люди изображали свою жизнь. А там, где жили древние люди, остались и древние духи. В Хайколя, значит, тоже есть древние духи... А прошлым летом в Медгоре фестиваль проходил. И жили они в старинном доме писателя Мариуша Вилька, тоже прямо на берегу озера... Там, наверно, тоже жили древние духи, только они себя никак не показывали...

Размышления Гены прервали оживлённые голоса в маршрутке:

— Хайколя! Хайколя! Въезжаем! Вот, оказывается, какую дорогу на остров Ортё Степанов построил! Сколько же земли пришлось завезти сюда...

Теперешний хозяин острова, Михаил Степанов — это сын знаменитого карело-финского писателя Ор-

---

тьё Степанова. Ортёе приезжал в деревню на летнее время. Здесь же и написал свою знаменитую книгу «Родичи».

Остров утопал в кострах иван-чая и был похож на загадочное живое существо. Гене даже показалось, что он дышит. Дышит травой, это когда маленький ветер... Травой он дышит тихо. Шумно дышит соснами... Это когда ветер большой... И всего несколько старинных домов в закатном солнце...

— Это и всё? — выходя из маршрутки, спросил Гена у старшего брата.

— Что всё? — переспросил Саша.

Саше было уже 10 лет, и он умел сочинять сказочные истории. На «Биномке» научился. А Гена на «Биномке» научился фантазировать красками. И завтра прямо с утра начнутся фантазии «Петроглифа». Но этого «завтра» надо ещё как-то дожидаться...

Сам остров показался слишком маленьким...

— Вот это, всё?! — обведя рукой пространство Луотосаари, как бы уточняя вопрос, немножко растерянно произнёс Гена.

— Ну, сразу всего не увидишь, подожди, — успокоил его Саша. — Первый взгляд всегда поверхностный. А тайны любят прятаться глубоко... К тому же пора размяться! Побежали другие маршрутки встречать!

И они первые побежали по дороге в высокой траве, пока взрослые писатели выгружались...

## 2. Привидение старого дома

«Если свои рисунки на скалах рисовали древние люди, то древние люди, значит, жили не только на Бесовом Носу, но и по всей Карелии. А духи древних, про которые я слышал из разговора взрослых писателей в маршрутке, никуда не исчезают, сегод-

---

няшных людей караулят, подсматривают... Значит, и в этом старом-старом... наверно, столетнем доме, живут духи. И они бродят здесь, как таинственные привидения...»

С такими мыслями проснулся Гена, глядя в маленькое окошко, зовущее к себе небо из-за бревенчатых стен... Старый дом дышал каким-то новым, необыкновенным утром. Живой дом. Наверное, каждый день своего столетия помнит... И, наверно, древние духи его сейчас на всех смотрят. Вот дядя Дима Скирюк разбирает свой рюкзак. У него там тысячелетней древности игры... Вот дядя Андрей Коровин со своей женой Ганной к берегу озера идут умываться. Они поэты. Тётя Лена с мамой спешат на кухню под брезентом завтрак для всех готовить. Мама тоже поэт. Только она на финском языке стихи пишет. Не всем понятно... Дядя Коля Карпин садится в лодку и ещё с кем-то отправляется рыбу ловить... Дядя Серёжа Пупышев тоже со спиннингом к озеру пошёл... Девочка Кристина всех фотографирует... Брат Саша тоже проснулся... И уже на берегу... Значит, мы все живём сегодня. А духи Хайколя на нас смотрят... А что бы такое сделать, чтобы всех удивить?

Так он подумал и нашёл коробку с красками, которая всё время поездки лежала у него под ногами, а теперь покоилась без присмотра на скамье в столовой. В столовой пока ещё никого не было. Гена тихо подкрался к коробке и разрисовал свою ладонь красной гуашью так, будто он и есть дух древности, привидение этого дома. Руку раскрасило себе... А другая рука — синяя... Бревенчатые стены улыбнулись в ответ на его творенье, и сам дом будто шепнул:

— Ты, Гена, молодец! Ты так здорово изобразил выражением лица моё привидение!

— А знаешь, дом, — мысленно ответил Гена, — я тебя слышу. Ты тихий, но много всего держишь в своих стенах. Сейчас посмотришь, как я всех сумею уди-



---

вить! Хотя, сам понимаешь, этих взрослых писателей удивить не просто.

— Удивление, — сказал дом, — это самое серьёзное творчество! — Конечно, дом не вслух об этом сказал, но Гена его голос почувствовал...

И вот все участники фестиваля собрались на свой первый завтрак в Хайколя. Раскрашенный в духи древности Гена смотрел на них из-за приоткрытой двери и думал:

«Вот у этих взрослых великие мысли в голове. А что они на самом деле хотят? Просто поесть! Мама и тётя Лена из Крыма уже приготовили всем завтрак... Писатели большие и думают о чём-то великом, а на самом деле — все они обычные люди. И по утрам просто кушать хотят... Надо подождать, когда они рассядутся за столами, уткнутся в свои тарелки... И тут выйду я — дух древности, привидение этого дома...»

Окошко в том месте дома, где стояли длинные дощатые столы, было совсем крохотным, и свет в него почти не заходил. Так, только подкрадывался. Покажет кусочек своего солнышка и снова тучами укроется или побежит с облаками в озеро нырять... Свет, он ведь тоже живой и со своим характером... А большая часть дома и вовсе утопала в полумраке. Особенно, на выходе из комнат, откуда все к завтраку спускаются...

И так стоял Гена за углом приоткрытой двери и всё смотрел, как несут свои тарелки проголодавшиеся гении литературы. Смешные люди. Мысли у них высокие, а есть хотят, как маленькие. И его мама с тётей Леной старательно наполняли их тарелки... Желание поесть, пожалуй, это самое серьёзное желание у любых людей: как у древних, так и современных. И вот только они все погрузили ложки в тарелки, как над столами пронеслось привиденческое:

— У-гу-у-у-у!..

---

И кто в этот момент хлеб надкусывал и ложку ко рту занёс — замерли.

И только тётя Люда Сеницына из журнала «Наука и жизнь» привидение в этот момент сфотографировала. У неё ведь фотоаппарат всегда наготове... Всегда всякие моменты подкарауливает.

Конечно, пугающее «угу» длилось не долго. Ведь живые привидения тоже хотят завтракать... И Гена нашёл местечко за столом и свою миску...

\* \* \*

Вот завтрак закончился. На столах появились листы ватмана и краски. Свет теперь бился в окошко с особым любопытством. И духи дома, кажется, замерли. Раз деревня эта рунопевческая, значит, стены старинного дома много лет слышали, как сочиняются песни. А вот как сочиняются современные сказки, стены дома ещё не слышали. Как водятся хороводы, стены дома знают, а как разыгрываются сказки в экспромт-театре, ещё ни разу не видели. Как сами дети сочиняют сказки, разыгрывают, а потом рисуют, духам и привидениям дома любопытно было поглядеть. И Гена первым вызвался утолить их любопытство.

### **3. Про коровушку Мани и холодильник**

Началась игра по «Грамматике фантазии» Джанни Родари. Фантазии же не имеют границ, вот и приёмы, придуманные итальянским сказочником, чудесным образом вошли в древний карельский дом. В сказке-биномке Гене выпало играть роль коровушки Мани. Коровушка бегала за холодильником и всё просила у него чего-нибудь вкусенького. Роль холодильника играл Богдан Селезнёв. На этот фестиваль он приехал с мамой уже из Москвы. А ещё на прежнем фестивале

---

был таким же карельским мальчиком. Как всё в жизни меняется иногда...

И вот бревенчатые стены дома неслышно засмеялись, глядя на то, как большой холодильник Богдан убегает от коровушки Мани. Наконец, коровушка догнала его, остановила и спрашивает:

— У тебя есть что-нибудь вкусенькое?

— Сгущёнку не хочешь? — предложил холодильник.

— Мне бы травы холодненькой... — попросила коровушка Мани.

— А трава у меня просроченная... — ответил холодильник и захлопнулся.

Стены дома, кажется, засмеялись ещё громче, когда увидели, как изобразил эту сцену «корова — холодильник» брат Гены Саша.

#### 4. Налим, объевшийся мороженого

Скажи кому, не поверят, что стены дома умеют смеяться. Но Гена всё это видел и слышал, потому что дом доверял ему свои тайные чувства. Посмотрев на рисунок брата, Гена тоже улыбнулся. Но больше снисходительно. Ведь рисунок напоминал комикс, а не петроглиф. И пока все продолжали играть в «биномку», Гена склонился над листом ватмана, запустил кисточку поглубже в баночку с синей гуашью... Духи древности зависали на его локтях, а привидение дома с любопытством заглядывало через плечо и жарко дышало в спину...

Пока рисовал, вспомнилось, как дядя Серёжа Пупышев на каждом фестивале щук ловил. И на этот раз к завтраку без добычи не пришёл... А дядя Коля Карпин только хвост от рыбы в лодке привёз... Получилось два петроглифа. Пусть потомки знают, что

---

древние люди XXI века так же, как и их предки, занимались рыбалкой.

— Что это? А это что? — собрались все вокруг творений Гены. Игра в «биномку» закончилась, и всем стало интересно, что же такое нарисовал Гена?

— Петроглифы! Не видно разве? — со знанием дела ответил Гена.

И все стали гадать, что же на этих петроглифах изобразил Гена.

Гора синей гуаши, обведённая белой гуашью, сразу же вызвала фантазию у тёти Ани Сосновой из Кондопоги:

— Это налим, объевшийся мороженым! — воскликнула она радостно.

«Хоть и взрослая, а фантазирует, как ребёнок, — отметил про себя Гена. — Такой вот взросло-детский ребёнок...»

Духи дома, услышав его мысль, одобрительно хихикнули. А привидение даже похлопало его по плечу, когда он с видом заправского художника, создавшего шедевр, важно произнёс:

— Так древние люди рассказывали о рыбалке...

## 5. Стол-сороконожка и гребцы...

Потом все стали придумывать название ко второму рисунку, по-всякому его переворачивая. Лучше всех снова оказались придумки тёти Ани Сосновой:

— Это стол, который работал расчёской. Или стол-сороконожка!

Названия, конечно смешные. И всё-таки, если ближе к теме, то... И тут Гена выдал основное название своему петроглифу:

— Если «стол-сороконожку» перевернуть, то получится петроглиф: гребцы, которые переправляются на другую сторону жизни. Как в «Калевале». Вот!

---

«Калевалу» ему мама читала. Там есть такая огненная подземная река, которая отделяет живых от мёртвых.

\* \* \*

Духи древности продолжали ходить по пятам в каждом уголке острова. Вот дядя Дима Скирюк собрал всех на завалинке и стал показывать, как играют в древние игры Китая, Египта, Африки... Удивительно, эти игры делал он своими руками и правила изучал, наверное, по каким-нибудь старинным рукописям. Во всяком случае, он так много всего знал о древности... И даже судьбу по рунам предсказывал вместе с писателем Казаковым.

## 6. Духи древнего амбара

Занятия следующего дня проходили прямо на берегу озера. Когда все подошли к берегу, то открылась удивительная картина: старинный трёхсотлетний амбар, берёза, лодка...

Духи амбара сразу позвали его к себе:

— Посмотри, Гена, — говорили они неслышно. — Мы триста лет живём здесь. Представляешь, триста лет! И помним все берестяные туеса с морошкой, черникой, брусникой... Помним кадушки с солёными грибами, ухваты, которыми достают глиняные горшки с хлебами из печей...

— Смотри, Гена, — шептала лодка, почти прибывшая к берёзе у берега, — я хоть и не триста лет живу, как амбар, но тоже древняя... И помню, сколько плотвы, судака, корюшки, лосося, налима... Сколько вообще всяких рыб во мне перебивало...

---

— Всё! Всё! — сказала руководитель студии. — Располагаемся где кто может. Сочиняем сказки озера Хайколя с острова Луотосаари!

## 7. Про медведя Тойво и Радугу в лодке

Кто-то разместился на пенках. Кто-то на скамейках. К биному «Радуга — Медведь» примешались ещё и шкаф, и холодильник, и пикник... Пикник — это уже финские девочки придумали. К дяде Мише, хозяину острова, внушки на остров приехали. По-русски они ничего не понимали, и поэтому дядя Миша Степанов вместе с их мамой все значения игры переводили. Девочки рисовали свои сказки и тоже их рассказывали. Вообще это интересно, когда кто-то думает на совсем другом, непонятном тебе языке...

Девочек звали Магдалена и Амалия. А их маму звали Матильда.

И вот все стали рисовать свою сказку про радугу и медведя. Гена забрался в лодку и стал рисовать свою сказку. В его сказке не было пикников и медведей.

— Медведь здесь лишний, — зашептал Гена припустившимся рядом духам озера. — У меня просто Радуга в лодке... Она путешествует по озеру сама по себе. Многие её не видят и думают, что лодка пуста... А кто умеет видеть, встречают её и радуются... Радуга в лодке встречным рыбакам приносит удачу...

А Магдалена с Матильдой рисовали свою сказку, и дядя Миша переводил сказку своих финских внушек на русский язык.

«Бесцветные существа собрались на пикник. Радуга тоже пришла посмотреть, что такое пикник. Бесцветные существа прыгали по Радуге в солнцезащитных очках и наперебой жаловались:

— Ах, почему в Радуге столько цветов, а мы совсем бесцветные?

---

— Снимите тёмные очки! — предложила им Радуга.

Существа сняли тёмные очки и удивились:

— Ой, какие мы теперь яркие! Спасибо, Радуга!»

Сестрёнка Магдалены — Амалия по-своему завершила сказку:

— И когда все бесцветные существа наконец-то обрели цвет, на пикник пришёл медведь и взвалил Радугу на плечи:

— Буду Радугой лесные ламбушки красить, — сказал медведь Тойво и унёс Радугу.

## 8. Как Радуга загнала медведя на дерево

А Саша и Богдан устроили сказочный турнир прямо на скамейке у берега озера. Свою сказку они стали вместе сочинять. И вот какой эта сказка получилась.

«Шкаф летел на самолёте в Италию. И вдруг упал в озеро. В это время в озере медведь Тойво гонялся за лососем. Только медведь собрался схватить лосося, как увидел перед собой шкаф.

— Ничего себе! — воскликнул мишка. — Рыба в шкаф превратилась! — и кинулся удирать.

А шкафу интересно стало, почему медведь Тойво от него удирает, и шкаф погнался за медведем. Так шкаф загнал пугливого медведя на дерево.

Загорающему на травке холодильнику тоже стало любопытно, что там на дереве медведь делает и зачем с Радугой разговаривает. Так любопытно ему стало, что он захотел наверх залезть, посмотреть... Но застрял в дереве.

Шкаф долго караулил медведя под деревом, пока они не договорились, что медведь будет делиться со шкафом своим мёдом.

---

— И со мной тоже, — предложил застрявший в дереве холодильник».

### 9. Если заглянуть в дома...

Чтобы почувствовать жизнь острова, недостаточно просто взглянуть на его дома. В них обязательно надо войти и всё рассмотреть... А то стоят они одиноко среди полян, по которым раньше кони гуляли, коровушки... Жители траву им косили. Странно, что все жители деревни носили только две фамилии — Степановы и Кузьмины... И все они были «родичи», как в романе у Ортьё Степанова написано. А название своё деревня получила от правнука первого поселенца и сначала называлась Гайколя.

Обо всём этом Гена узнал из рассказов хозяев острова, когда те пригласили приехавших литераторов заходить в эти ставшие музеями старинные дома. В одном находился старинный ткацкий станок, и Ольга Степанова показывала всем, как раньше ткали на нём дорожки, половики такие разноцветные... Лучина под потолком, узорные полотенца... И пока тётя Оля показывала, как работает ткацкий станок, духи дома рисовали в воображении Гены такую уютную картину: печь топится, лучина горит или лампада... Женщины в карельских одеждах ткут, песни за ткачеством поют старинные, половики готовые на длинных дощатых лавках выстилают...

Какую одежду древние карелы носили, Гена видел уже в другом доме. Одежда висела на вешалах. Длинные сарафаны, расшитые рубашки. Ещё интересно тётя Оля говорила, что прежде чем перейти за первую балку дома (балка — это такие перекрытия на потолке), гость должен своё приветствие хозяевам сказать. И теперь все писатели входили, кто с песенками,



---

кто со стихами, кто с шутками-прибаутками. Так тётя Оля велела, чтобы лучше обычаи рунопевцев почувствовать...

В другом доме на полочках красовалась старинная посуда, тарелки с узорными каёмочками, чашки, миски, блюда, туеса всякие, ступы, чтобы кору сосновую толочь и в муку добавлять для хлеба. И на каждой вещи был свой налёт долголетия... Где-то что-то подтёрто, где-то что-то подзакопчёно... Но от этого вещи не теряли своей привлекательности.

...Вообще интересно, как так получается, что сначала люди живут в доме вместе со своими вещами. Когда люди умирают, вещи остаются. Значит, вещи живут дольше людей... И руки своих хозяев помнят... И все праздники, наверно, тоже помнят... Помнят, только рассказать не могут... Или они могут, но не все язык вещей понимают. Вещи, как и люди: сначала работают, а потом на «пенсию», получается, выходят... Их показывают, не трогают, оберегают, рассказывают про них... Зачем-то человеку надо знать и помнить, как всё раньше было...

А к огромному камню на берегу озера будто прислонилась сколоченная из досок эстрада. Её ещё пирсом называют. И здесь, на пирсе, приехавшие на фестиваль писатели рассказывают какие-то очень необыкновенные вещи. Конечно, всё, что они рассказывают, ему, Гене, понять пока трудно... Он посидел немного на солнечном камне, послушал и пошёл дальше с берегами острова знакомиться.

## 10. В Калевале

В последний день фестиваля все поехали в Калевалу, ту самую родину карело-финского эпоса «Калевала». Там устроили праздник встречи с местными

---

жителями во Дворце культуры. И хотя беспрерывно лил дождь и дул ледяной ветер, все, проделав долгий путь по улицам города, всё-таки дошли до той сосны, под которой сам Лёнрат писал «Калевалу». Конечно, теперь это была уже не сосна, а только памятник тому историческому дереву. По его голому стволу с давно уже безжизненными сучьями, которых и не видно даже, словно стекало небо вечности. А в сам разбитый ствол колотился дождь. Дождь словно пытался озвучить собой давно уснувшие в дереве древние руны... Он словно пытался достучаться до человеческой памяти...

Особенно запомнился этнографический музей. Сколько там было всего необыкновенного! Гена попросил купить ему корзинку для грибов. Папа купил карельскую рубаху с расшитым поясом. Мама с Сашей ничего покупать не стали. Наверно, деньги для семьи сэкономили. Но и они с папой тоже для семьи... Раз папа карельский писатель и создатель такого фестиваля, то ему и «прикид» соответственный нужен... А корзинку он, Гена, тоже не для одного себя купил. Грибы-то в неё для всей семьи собирать будет. И он прямо из музея выбежал с корзинкой в городской сквер. Там, под дождём, уже хорошо подрастали грибы. И Гена сорвал первую жёлтую сыроежку... Потом вторую... Корзинка быстро наполнялось, потому что дождя было много... А где много дождя, там много и грибов...

### 11. «Отвальная»

Ну и напоследок, «отвальная». Так у писателей называется праздничный ужин перед отъездом. Все собрались за нарядными столиками. И хозяйева острова, дядя Миша с тётей Олей, тоже приехали прово-

---

дить гостей и поучаствовать в празднике. Зал был украшен гирляндами из разноцветных шаров.... Столики накрыты белыми скатёрками. Лимонада и мороженого — не меряно! Говорили торжественные речи, папа с мамой вручали участникам фестиваля дипломы. А когда заиграла музыка, все пошли танцевать.

Смешные они, эти взрослые. Когда радуются, то прыгают, как дети. Рожки друг другу строят... Они так радуются, наверно, потому, что основное время пишут свои книги, устают очень. А потом на фестивале «Петроглиф» соберутся все из разных городов и «отрываются» по полной. Но вот, если серьёзно об этом подумать, то получается, что вся их жизнь и всё, что они пишут, — это тоже Петроглиф. Такой вот петроглиф времени. Сейчас скажут, радуются... А потом время пришлёт им большую лодку... И лодка отвезёт каждого в путешествие через реку жизни. Из одного времени в другое... И для каких-то других, новых людей они тоже будут выглядеть, как древние духи. А написанные ими книги станут считаться петроглифами. И петроглифы расскажут новым людям про таинственный уголок карельской земли, где когда-то на острове Лоутосаари, на хуторе Хайколя собирались древние писатели XXI века. И, наверно, это будет ещё через две тысячи лет, как папина фантастическая книга, которая называется «Ожидание в 2000 лет». На фестиваль «Петроглиф» соберутся совсем новые люди. Всё в их жизни будет совсем по-другому. Прежним останется только ожидание встречи и радости познания. И кто-нибудь даже увидит рисунок Гены... и скажет удивлённо:

— Ой, какой-то древний мальчик изобразил налима, объевшегося мороженым!

И какая-нибудь девочка вдруг, улыбнувшись, спросит:

---

— А что такое «мороженое»?

...На утро, когда все уезжали, с озера на остров Лоутосаари наплывал густой туман. Будто все духи древности вышли проводить писателей в обратную дорогу... И словно привидения из своих домов тоже вышли... Они были невидимыми в тумане. Но они перешёптывались маленьким ветром в траве. И большим ветром с сосен доносили до Гены свои пожелания:

— Не забывай нас! Помни, как мы тебе доверяли...

— Не забуду, — тихо прошептал Гена в ответ. — До следующего фестиваля! Прилетайте в Нюхчи! Там встретимся...

А ещё ему показалось, что из лодки Лоутосаари выглянула Радуга. Нет, он не мог видеть её с того перешейка, где стояли маршрутки. Но точно чувствовал, как вырастает она из лодки и кланяется ему вслед всем своим сияющим существом. И её светящаяся душа будто улыбалась ему полосками радужной палитры острова... Брусникой, черникой, морошкой, зелёными листьями кувшинок на воде.

Гена помахал рукой древним духам, привидениям, Радуге в лодке. И маршрутки тронулись...

Ещё долго, незримо, бежали по белым мхам лоси, лисы, олени, белки... Всё-всё, что живое сейчас... И что обязательно надо запомнить и сохранить в памяти... Петроглиф такой для вечности нарисовать надо и сохранить...

**Юрий КУЗНЕЦОВ**  
(Реутов, Московская область)

**Бобровые лапы**

Лодка по инерции подошла к берегу и врезалась килем в донный ил. Коренастый мужчина в рыбацком плаще, зюйдвестке и высоких сапогах перешагнул через борт в воду, подтянул лодку к берегу. Склонился над ней, одной рукой достал подсачек с рыбой, другую спрятал за спину. Выйдя на берег, он подошёл к нам и... вытащил из-за спины две крупные бобровые лапы.

— Где взял? — ахнула Света.

— На том берегу лежали! — махнул Николай на противоположную сторону озера. — Артемьич сказал, там с утра клёв будет, да куда там... Не та погода, верно!

— А того, кто лапы потерял, не видел? — не отставала Света.

— Бобра, что ли?

— Да не бобра, а того, кто его оприходовал! — фыркнула женщина.

— Не! Пустая палатка стоит. Костровище холодное, похоже, утром не разжигали. Топор в пеньке торчит. Кровь на нём. Наверно, на этом пеньке бобра и разделали. А людей никого! Скорей всего, рыбак подался на другую сторону озера. Если он местный, то знает, где рыбу взять.

---

Николай положил бобровые лапы на прибрежную траву и понёс улов на кухню. Я подошёл поближе к находке. Крупный был зверь! Лапы длиной сантиметров двадцать походили на пятипалые руки. Явно хватательного типа. Большой палец укорочен, его функцию выполняет мизинец, отставленный далеко в сторону. Когти уплощённые, сильные...

— Ребята, обе-едасть! — с крыльца гостевого дома раздался призывный крик дежурной по кухне.

Послеобеденные мероприятия «Петроглифа — 2015» проходили на прибрежной веранде. Узнал много нового и интересного: Андрей сообщил о грядущем Волошинском конкурсе, Дмитрий поведал о мистическом общении с камчатским туманом и упомянул о взаимоотношении сознания и движения. Последнее меня особенно заинтересовало. Я ещё в семьдесят восьмом году писал о роли отражения в развитии мира. А когда проездом с Ловозера зарулил Тишинин с компанией, стало ещё любопытней. Ведь именно это мистическое место в моей сказочной истории «Там, где встречаются миры» стало прототипом Явр-Урта: плато, где обитали биармы...

Слушая, я время от времени с грустью поглядывал искоса на бобровые лапы, смиренно лежащие на травке. Хозяину-то уже не до них...

К ночи с озера на берег напал туман, дрожащей зыбкой медузой накрыв и траву, и бобровые лапы. Но вот взобраться на крыльцо дома силёнок уже не хватило, улёгся у порога. Потемнело. Пришлось перебраться под крышу. После экскурса в карельский эпос и декламации стихов, уже далеко за полночь, мы вышли на улицу, чтобы разбрестись по домам, выделенным для ночлега.

Стояла ватная тишина. Я посмотрел на берег, но разглядеть, на месте ли бобровые лапы, сквозь сырую

---

слизь не смог. По высокой росистой траве добрался до стоящего на отшибе дома, срубленного почти на самом берегу озера. В темноте, на ощупь, пробрался в свою комнату и рухнул на топчан...

\* \* \*

Лежащие на берегу бобровые лапы вздрогнули, пальцы судорожно сжались, разжались... Цепляясь за траву когтями, попятились к воде. Словно кто-то невидимый потянул их на себя, ступайте домой, мол. Ишь разлеглись!

Подле плотины, расположенной неподалёку от моего ночлежного дома и возведённой между материком и островом Луотосаари ещё Ортёе Степановым, началась ожесточённая возня. Кто-то, укрытый тёмной водой, старательно вгрызался в основание дамбы, выковыривая из ила камень за камнем. После часа стараний антикаменщика между двумя давным-давно отделёнными друг от друга частями озера появилась протока. Сначала узенькая, в полметра, она постепенно становилась всё шире и шире. И если бы не туман, надёжно спрятавший остров от посторонних глаз, к утру можно было бы с удивлением убедиться, что от полувековой плотины и следа не осталось. Словно не трамбовали её из года в год путники, телеги, автомашины... А если бы какой-нибудь сумасшедший аквалангист вздумал с утра пораньше погрузиться в воду, то заметил бы фигуру громадного, метра под три, бобра, с усмешкой потиравшего передние лапы. То ли устали они от тяжёлой работы, то ли ныли в тех местах, где были отрублены живодёром-рыбаком.

«Пусть он теперь в хатке посидит, подумает над своим поведением! — всплеснул двухметровым плоским хвостом Орт. — И с островом давненько нуж-

---

но было разобраться. Надо же, тринадцать тысяч лет жил себе не тужил. А в последнее время железные сухопутные лодки начали беспрестанно сновать: туда-сюда, туда-сюда. Иной раз чуть ли не каждую неделю! Бензин угарный газ выделяет, дизельное топливо всю дымит. Ох, зря на мою голову Ортё эту запруду соорудил! А его родственничек Михаил Артемьич ещё и этнокультурную деревню устроил. Дело-то, конечно, неплохое. Нельзя, чтобы люди о своих предках и устоях забывали. Но на машинах-то зачем? Пешочком, пешочком!

\* \* \*

На следующий день нам истопили баньку. И хотя остров пронизывал холодный колючий дождь, а вокруг сплошной стеной висел туман, это только усугубляло удовольствие. Знаете, как здорово выскочить из парной, да напрямик в озеро! Разогревшись так, что стал красным как рак, я опрометью бросился из бани в их родную стихию — в озеро. Зашипев от удовольствия при соприкосновении с обжигающе холодной водичкой «рак» нырнул глубже и... столкнулся с подводным препятствием.

«Может, Платон следом нырнул, — успел подумать я, прежде чем почувствовал, что меня ухватили две мохнатые лапы и стремительно поволокли на глубину. — Ну, всё, приплыл», — мелькнуло в голове.

Воздуха хватило всего на пару минут, после чего пришлось хватануть ртом водички, судорожно побахтаться и, наконец, потерять сознание.

Очнулся оттого, что кто-то делал мне искусственное дыхание, ритмично и больно нажимая на грудную клетку пятипальными когтистыми лапами. Это ещё можно бы вытерпеть, но когда к лицу приблизилась оска-



---

ленная пасть с оранжевыми резцами-лопатами, с очевидным намерением дополнить процедуру оживления приёмом «рот-в-рот», пришлось отбросить нахального лохматого спасателя, сильно смахивающего на чёрта, вскочить и ужаснуться: «Значит, всё-таки в ад попал!»

Озираясь по сторонам, куда бы сбежать, я обнаружил, что нахожусь в просторном круглом помещении с куполообразным потолком.

«В церкви, что ли? — мелькнуло в затуманенной голове. — Но откуда тогда чёрт здесь взялся?»

— Сам ты чёрт! — прозвучал протяжный вибрирующий стон. — Я скорей уж дух. Можешь называть меня Великий бобр Орт...

Я покрутил головой, пытаюсь найти источник звука. О... Великий бобр! Передо мной стоял трёхметровый монстр, раза в три увеличенная копия обыкновенного бобра. Мощное тело каштанового окраса. Круглая голова. Морда, приветливо скалившая двадцатисантиметровые оранжевые резцы. Приветственно протянутые ко мне метровые пятипалые лапы с внушительными когтями. Бобр слегка присел на мощные задние лапы, удерживая равновесие метровым плоским хвостом, распластанным по глиняному полу. Такие громадные ископаемые бобры, пожалуй, только в плейстоцене водились. Нет, видно не зря мне остров Луотосаари на карте похожим на распластавшегося по воде бобра показался!

— Слабаки вы, люди! — как ни в чём не бывало продолжил Великий бобр. — Пять минут под водой выдержать не можете, сразу задыхаетесь. А ещё царями природы себя мните. Да я за это время могу километр проплыть и не запыхаться...

— А давай мы с тобой по пересечённой местности этот километр пробежим, посмотрим, кто кого, — огрызнулся я.

---

— Смотри-ка ты, ожил! — обрадованно простонал Орт. — А я тебя, Человек с рюкзаком, ещё тогда заметил, когда ты на отрубленные бобровые лапы смотрел! Видно было, что тебе это совершенно не по душе! Ну, добро пожаловать в хатку! — повёл он перед собой передней лапой и вразвалочку отошёл в сторону, описывая размашистые полукруги задними.

Немаленькая такая хатка! Если у обыкновенных бобров она высотой до трёх метров, а диаметром до десяти, то хата Великого бобра возвышалась метров на десять. Не зря я её за церковный зал принял.

Оказалось, что мы с Ортом в хате были не одни. Передо мной, прижавшись к стенке, стоял ещё один человек, дрожа не от холода, не то от страха.

— Уж не тот ли это пропавший рыбак, который у бобра лапы отрубил и выбросил?

— Тот самый! — прищурил маленькие круглые глазки Орт, прижав к голове едва заметные уши.

По всему было видно, что бобр едва сдерживает злость.

— Он же, садист, лапы ему ещё живому отрубил! У, гад!

Великий бобр, повернувшись к рыбаку и задрав хвост, метко выпустил в него зловонно пахнущий секрет — бобровую струю.

— Получи, фашист! Теперь с этой меткой вся живность в окрестностях озера тебя будет за километры обходить.

И, обратившись ко мне, добавил:

— Забирай его и уходи с глаз долой, пока я не передумал. Только теперь всей вашей шатии-братии вплавь с острова придётся эвакуироваться! И передай людям, чтобы впредь никаких двигателей внутреннего сгорания!

— А дамба? — заикнулся я.

---

— Неужели ещё не заметили? Нет её больше. Нечего воздух Хайколя дымом вонючих автомашин портить! Правильно, что следующий Петроглиф решили не на моём острове, а в поморском селе Нюхча да на островах Кузова в Белом море провести. Передавай привет зрителю реки Володе и нерпам от Великого бобра Орта!

С этими словами он ухватил нас с рыбаком за шкирки, как провинившихся котят, и отшвырнул в сторону, где, надо полагать, находился подводный выход из хаты. Мы не стали протестовать, безропотно нырнули в чёрную воду и поплыли восвояси. Прошла минута, другая... Подводный лабиринт всё не заканчивался и не заканчивался. Воздух в лёгких булькнул последним пузырьём. Я попытался в очередной раз вынырнуть, но снова упёрся руками в потолок и принялся из последних сил колотить по нему кулаками. Бесполезно!

— А-а-а! — заорал я в полном отчаянии и почувствовал, что кто-то трясёт меня за плечи.

— Чего раскричался? И харэ по спине барабанить!

Я приоткрыл глаза и в сумраке рассветного утра разглядел склонившегося надо мной... К счастью, не Великого бобра Орта, а Лёху, соседа с верхнего яруса кровати.

— Приснилось чего?

— Да уж, такое пригрезилось, — облегчённо выдохнул я, — что нарочно не придумаешь!

Но на всякий случай обвёл глазами комнату, не притаился ли где-то поблизости Великий бобр Орт. И боковым зрением успел заметить, как в окне мелькнул знакомый оскал оранжевых резцов. А может, это солнечные зайчики? На улице-то с утра распогодилось...

## ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

*«Петроглиф — 2016». Нюхча, Кузова*

**Людмила СИНИЦЫНА**

*(Москва)*

### **Поморский характер**

— Что такое «поморский характер»? — настырно допытывалась Иоганна, моя давняя подруга из Германии. — Чем он отличается от других?

— Я же писала, что фестиваль «Петроглиф» связан с темой Русского Севера, проходит в Карелии, поэтому рассказы, присланные на конкурс, должны показывать особенности этих мест и характера людей, которые здесь живут. Ты же всегда требуешь пояснить, какой корень у слова, вот и подумай.

— По-моры... Значит те, кто живут у моря.

— А Белое море — это тебе не Средиземное...

Вот уж никак не думала, что нам на собственной шкуре предстоит понять, в чем разница между тем морем и этим. А пока колеса электрички отстукивали медленный ритм — так осторожно и аккуратно ехал состав в сторону села Нюхча, где и должен был проходить фестиваль.

---

© Людмила Сеницына

---

Наши соседи, заметив с каким любопытством вглядывается гостя из Германии в окно, посоветовали пройти в кабину машиниста.

— А пустят? — засомневалась я.

— А почему же не пустят?

По моим представлениям поморский характер обязательно должен был быть суровым. И нас должны были выставить по вполне понятным причинам — нечего мешать, когда люди заняты делом. Тут не до сантиментов.

Но главный машинист Сергей Иванович, уже пожилой мужчина с сединой на висках, и его помощник, совсем молодой парень Константин, приняли нас вполне доброжелательно. Даже не нахмурились, вопреки моим ожиданиям.

— Насыпь такая высокая, потому что вокруг болота. Из-за этого и электричка идет медленно, — не сколько застенчиво объяснил Сергей Иванович.

Наверное, ему казалось странным, что такие простые вещи непонятны приезжим. Ведь сразу все видно.

Электричка и вправду на высокой насыпи даже слегка переваливалась, словно корабль на волнах.

— А эти красные ленточки?

— Разметка. По этой линии будут срезать все деревца, чтобы не мешали движению...

Какими бы наивными ни выглядели вопросы Иоганны, Сергей Иванович отвечал — правда, после короткой паузы — все с той же почти стеснительной улыбкой, с которой нас встретил.

— А ты говорила, что поморы молчат всегда, говорить не хотят, — укорила меня Иоганна, когда мы вернулись на место.

— Так мы себе это представляли, — оправдывалась я. — В общем, сама все увидишь.

---

\* \* \*

Интерес и любовь к России у Иоганны с детских лет. После окончания войны ее мать, чтобы прокормить оставшихся у нее на руках троих детей, начала фотографировать. А русские солдаты, служившие в гарнизоне небольшого городка Штансдорф, с удовольствием фотографировались, чтобы отправить весточку родным. Вместо платы солдаты чаще всего приносили продукты — самое ценное для послевоенного времени. И чем могли старались побаловать маленькую девочку. Особенно Иоганне запомнился Михаил, который приходил чаще других и уже не только для того, чтобы сфотографироваться. Сохранилось даже несколько снимков Иоганны, сидящей на руках Михаила.

— Наверное, просто соскучился по своей маме, сестрам и братьям. И ему хотелось побыть в семье, — объясняла Иоганна.

В школе она с удовольствием стала заниматься русским языком. И пронесла этот интерес до сегодняшних дней. Ее любимые писатели — Паустовский и Чехов. Но вот авторы, которые описывали Русский Север, ей не попадались...

\* \* \*

В окнах электрички, наконец несколько раз мелькнули серебристые края ленты — извилистой реки Нюхчи, а потом показался вокзал. Вся наша группа, быстренько сбросив чемоданы, рюкзаки, сумки, покинула уходившую дальше электричку.

Надежда, заведующая этнографическим музеем «Хламной сарай» в Нюхче — именно благодаря ее усилиям фестиваль прошел именно в этом поселке, — все так замечательно и ловко устроила, что большая

---

группа участников рассосалась довольно быстро. Всех расселили и разобрали по домам — гостиницы в Нюхче пока нет.

Уже после завтрака фестиваль начал работу.

Мне показалось, что самые теплые заседания проходили у Надежды в «Хламном сарае». Там все выглядело, как в избе середины прошлого века. Попахивало сухими травами, чаем, вареньями... Даже критические разборы творений авторов в этой атмосфере приобретали какой-то домашний характер.

Именно там выступила Иоганна с чтением стихов и получила в конце фестиваля от Лены Софиенко почетную грамоту «За мощного Гете».

Не все приехавшие на фестиваль ходили на встречи и заседания. Некоторые поставили перед собой непосильную задачу: победить давнего врага человечества — зеленого змия. И так усердно и самоотверженно с ним боролись, что возле стен клуба можно было время от времени наткнуться то на одного, то на другого изнемогшего в неравной борьбе героя.

Ну, вот опять...

Мы остановились возле очередного поверженного богатыря. Мне показалось, что это сражение закончилось весьма печально, и, глядя на бесчувственное тело, я размышляла, не вызвать ли «скорую»...

Проходившая мимо жительница поселка задержалась, прислушиваясь к нашему разговору, покачала головой:

— Мы думали, что наши, местные мужики пьют, но куда им по сравнению с вашими... Так ведь и помереть недолго.

К счастью, наш борец с зеленым змием в этот момент шевельнулся, посмотрел невидящим взглядом и попытался сесть.

Мы облегченно вздохнули...

---

Вот так случайно выяснилось, что «наши» превзошли поморов, хотя те должны были быть более закаленными.

Но если отбросить шутки в сторону, то наиболее сильное впечатление о поморском характере мы получили не здесь, у стен клуба.

Возвращаясь домой — вернее туда, куда нас определила Надежда, — мы всякий раз обращали внимание на очень красивый, не так давно отстроенный и свежевыкрашенный веселым сиренево-белым цветом дом.

— Как у нас, — неизменно отмечала Иоганна, когда мы проходили мимо.

Рядом с домом, в огороде постоянно хлопотала хозяйка, не такая уж пожилая на вид. Многочисленные внуки то крутились у кустов смородины, то играли во дворе. И со стороны казалось, что все в этом доме благополучно.

Однако впечатление оказалось обманчивым.

Жительница поселка, которой было по пути с нами, при виде этого домика, вздохнула:

— Вот ведь как бывает. Год прошел, а Мария так и не знает, жив муж или нет.

— Как так? — удивились мы. — Бросил ее? Ушел к другой?

— Кабы так... Очень хороший муж был. Все своими руками делал. Хозяйственный. Видите — домик, как игрушка.

Мы согласились. Да, домик выделялся из ряда других. Все в нем было как-то особенно ладно. И деревянная «дорожка», по которой, судя по всему, обитатели дома ходили зимой, когда наметала много снега, и постройки во дворе — баня, сарай, детские качели....

— А что же случилось?



---

— Заболел. Рак. Операцию сделали. Лечили. Вроде поправился. Но силы-то уж не те. Сам он по дому уже ничего не мог сделать. И вот, ни слова никому не говоря, собрался, вроде бы как в лес, на охоту... И исчез. Сколько ни искали, так и не нашли. Не захотел быть в тягость домашним.

Иоганна даже остановилась:

— Он хотел умереть один?

Наша попутчица кивнула.

Мы не сразу смогли осознать случившееся. И несколько раз Иоганна с немецкой дотошностью пыталась выяснить у меня, как такое могло произойти.

— Наверное, это и есть поморский характер, — пришла она, наконец, к выводу.

И долго качала головой, не в силах осознать, каким мужественным должен был быть человек, принявший подобное решение.

Впрочем, самое сильное испытание ожидало Иоганну — как и всех нас, — впереди, когда мы отправились на небольшом корабле к островам Кузова.

\* \* \*

Вроде погода не обещала ни шторма, ни бури — только солнце время от времени перемежалось легким дождем. Но на второй день дождь пошел не на шутку, и капитан отменил запланированный поход еще на один остров, решив править сразу к главному причалу.

— Лучше бы в Кемь, — со знанием дела заметила Надежда. Все-таки отец у нее был настоящим помором, постоянно ходил в море.

— Почему? — спросила я.

— Между островами не так трепать будет.

«Ну, покачает немного, — подумала я тогда, — не развалимся».

---

Однако «покачало» так, что забыть это плавание никто из нас не сможет.

Стоило отойти от островов, которые прикрывали кораблик от разбушевавшегося моря, как оно показало свой грозный нрав.

Два молодых парня — капитан и его помощник, — которые уже десять лет ходили в море, признались потом, что такой шторм они пережили в первый раз.

Нам, собравшимся в каюте на корме, я считаю, повезло. Нас все же качало чуть-чуть меньше тех, кто оказались на носу... Вот кому досталось по полной! Богатырского сложения Софиенко лежал пластом, не в силах даже голову повернуть, только время от времени издавал рык: «ВЕДРРРО!!!!»

Надежда — хоть и ходила в море не раз — тоже страдала морской болезнью. К счастью, оба сына Володи и Лены держались молодцами.

В нашей каюте ведро никому не требовалось. Всем хватало силы подняться, раздеться до пояса — все равно промокнешь, — сунуть босые ноги в ставшие общими резиновые сапоги, накинуть на плечи единственный подходивший всем плащ и, крепко держась за поручни, добираться до заветного места.

И, видя, как серые валы, пенясь, наваливаются, а потом перекатываются по палубе, я думала (как позже выяснилось и не я одна): «Мы-то что, мы хоть пожили на свете, а вот детишек жалко...»

Судно все-таки добралось до причала. Но войти в узкий канал капитан не решился. Могучие валы могли разнести корабль в щепки. И он принял решение идти назад. Каким-то чудом удалось развернуться. Через тринадцать — в общей сложности — часов мы вернулись на прежнее место, под прикрытие островов.

---

После пяти часов отдыха — когда оба капитана отсыпались, а мы даже смогли поесть, — корабль тронулся в обратный путь.

Море уже поуспокоилось, и мы даже выходили на палубу. Трудно было поверить, что не так давно громокипящие валы перекатывались по тем местам, где мы стояли и сидели...

Время от времени я посматривала на Иоганну:  
«Как она?»

Все-таки и лет ей немало, и она уже давно привыкла к комфортной жизни, к удобным гостиницам. Общая каюта, где мы лежали вповалку, семибальный, совсем не запланированный организаторами путешествия шторм — все это должно было ее просто ужасать.

Но Иоганна держалась стойко. Только время от времени при особенно сильной качке лицо ее приобретало землистый оттенок. Тем не менее, ни слова упрека или жалобы я от нее не услышала.

А когда мы, почти в полночь, шагнули на пристань, где уже ждал автобус, Иоганна задала последний вопрос:

— Но теперь можно сказать, что мы прошли поморское испытание?!

Я не успела ответить, как кто-то в темноте подхватил:

— Ага! Надо попросить Лену Софиенко написать еще одну грамоту: «Настоящим поморам!»

**Андрей КОРОВИН**  
(Москва)

### **Штормовое предупреждение**

— Вот этот закат и даст нам завтра прикурить, — сказал боцман Дима, щелчком отбрасывая бычок в море.

Из-за Немецкого острова поднималось в небо что-то ярко алое, доходящее до кровавого, будто море за островом кто-то зарубил топором. Закат был живописен и зловещ одновременно.

Неделю назад организаторы литературной экспедиции Володя и Лена Софиенко встретили нас в Петрозаводске на железнодорожном вокзале. Путь предстоял неблизкий — северная оконечность Карелии, поморские места, деревня Нюхча на речке Нюхче, что впадает в Белое море, а затем — архипелаг Кузова.

Компания была разношёрстная, частично знакомая — писатели, редакторы, журналисты и мы с Фаготом, легендарным музыкантом знаменитых рок-групп.

С трудом засунув все наши рюкзаки и сумки в небольшую газельку, тронулись в путь. Дальняя дорога настраивала на лирический лад. Выдержав паузу, карельский прозаик Серёга вытащил из-под сиденья канистру разливного коньяка.

---

— Нормальный! — отрекомендовал коньяк Серёга и разлил по пластиковым стаканчикам. Автобус проснулся, загудел, засмеялся. Рядом с Фаготом сидела незнакомая девушка со снежно-белыми волосами. Общительный Фагот передал ей стаканчик и заодно познакомился. Наташа, переводчица с карельского. Представил ей меня. Наташа сверкнула глазами в мою сторону так, что у меня мурашки побежали по коже. И выпила коньяк одним глотком.

— А коньяк-то детский! Раз его даже ребёнок пьёт, — пошутил про Наташу сибиряк Стрельцов — такой юной и хрупкой она казалась. Писатели в разных концах газели дружно засмеялись, одобряя шутку. С этого момента разливной коньяк так и прозвали — «детский».

В Нюхче мы провели несколько незабываемых дней, подкреплённых местным суровым гостеприимством, баней и купанием в торфяной речке Нюхча. На вторую часть маршрута из Нюхчи до Беломорска добирались на электричке времён покорения целины. Часть экспедиции, и Серёга в том числе, вернулись в Петрозаводск. А детский коньяк (в размере двух канистр против пяти изначальных) по наследству достался сибиряку Стрельцову.

Порт Беломорска казался руинами из фильмов Тарковского — остовы того, что когда-то было портом пяти морей. Трёхэтажные здания с пустыми чёрными глазницами, смятые морем причалы, ржавые скелеты кранов-погрузчиков.

Пришедший за нами катер оказался небольшим, переделанным из рыболовецкого в прогулочный, с командой из двух человек — капитана Лёши и боцмана Димы. Вещи грузили нервно и суетливо, будто рейс и мы сами были вне закона. Бросали рюкзаки,

---

спальники, палатки в чрево кубриков, не глядя, внавал — потом разберёмся.

К Кузовам, разбросанным тут и там, нашему самому северному пункту пути, подходили в сиреневых сумерках. На вершины островов сели облака, похожие на шапки-ушанки. Катер оставлял в море такой след, будто кто-то играл на гуслях, и звук от них расходился веером по воде.

— А почему острова называются Кузова? — спросил боцмана общительный Фагот.

— Так они похожи на перевёрнутые кузова, посмотри, — отозвался Дима. — Вон тот — Немецкий, у которого мы встанем на ночёвку, по преданию, в начале семнадцатого века был занят шведами с намерением напасть на Соловецкий монастырь. Наши их выследили и нанесли упреждающий удар. От внезапности нападения шведы окаменели. Поэтому монахи для строительства никогда не брали камни с Кузовов. А остров, с которого наши атаковали шведов — вон он, будто зависший в воздухе — называется Русским. На Олёшином острове находится знаменитый древний лабиринт. А остальные острова безымянны.

Высадившись на берег, группа разбрелась по острову в поисках сотовой связи, которая не ловила в море. Кто-то начал разбивать лагерь. В бухте, кроме нас, было ещё несколько групп. Весёлая студенческая компания с гитарами, водники на катамаранах и какие-то художники.

Когда выяснилось, что палаток и спальников на всех не хватит, было решено, что несколько человек заночуют на катере. Вызвались мы с Фаготом и ещё человек пять, среди которых была и Наташа.

С палубы мы видели костры, слышали звуки ги-

---

тары, знакомые с юности песни и смех. На катере веселье только разгоралось. Женщины в камбузе гремели посудой, готовя нехитрую закуску, а мужчины на корме разлили по стаканам огненной воды, примостив рядком на лавке экспедиционную тушёнку. На море начал опускаться, будто занавес, густой белый туман, пряча от нас остров Немецкий.

Из тумана вынырнула моторка, в которой стояли двое мужчин. Один на руле, в форме МЧС, второй на носу, одетый в заляпанную спортивную форму, выдававшую лучшие времена.

— Привет, туристы! — поздоровался тот, что стоял на носу.

— Привет, мы не туристы, мы — писатели, — отозвались наши мужики.

— Ого! — удивились гости. — Каким ветром в наши края?

— Да вот, изучаем Карелию. — А вы?

— Рыбачим, — вступил в разговор второй и показал ведёрко с уловом.

— Класс! Это треска? И камбала... А на что идёт? — как заправская рыбачка поинтересовалась Наташа, заскучавшая в камбузе и присоединившаяся к нам.

Моряк поднял на неё сальные, слегка пьяные глаза и, пряча улыбку в речь, начал объяснять:

— Треска идёт на морского червя. А камбала на морскую змейку.

— А что это? — продолжила расспрашивать Наташа.

— Червь, он возле берега живёт, песок через себя прокачивает в поисках пищи. Когда отлив, тогда и копаем его, да вон там, — махнул рыбак влево. — А змейку надо на кошку ловить. Бросаешь кошку на дно, потом вынимаешь, а змейки вокруг неё обвилились. Только они кусаются больно. Показать?

---

— Ага! — с авантюрной ноткой выпалила Наташа. Рыбак полез на дно лодки, достал большую банку с ползающими в ней тварями. Зачерпнул их горстью и протянул Наташе, ожидая обычного эффекта — звонкого девичьего визга. Но ничего подобного не произошло. Ойкнули и отодвинулись от борта наши мужики, а Наташа с интересом разглядывала скользких блестящих змеек. Они разевали пасти и извивались, пытаясь выскользнуть из шершавых, мозолистых рук рыбака. Тот удивлённо наблюдал за Наташей, а Наташа с интересом наблюдала за змейками.

— А хотите водки? — спросил рыбаков общительный Фагот.

— Почему бы и нет! — радостно отозвались в лодке.

— Тогда давайте к нам! — предложил Фагот.

Рыбак кинул змеек в банку, вытер руки о штаны и только закинул ногу к нам на борт, как раздался грозный окрик капитана:

— Кто разрешил?

— А чего? — замерев между лодкой и катером, спросил рыбак.

— Я — капитан, — с вызовом сказал Леша, — и без моего разрешения никто не может подниматься на борт моего судна.

— Такой молодой, а уже капитан... Ну так можно, капитан, подняться на борт? И выпить по чарке за знакомство...

— Я вас не знаю, вижу в первый раз, поэтому — нет, — отрезал Леша и угрожающе затянулся папирсой.

— Ну нет так нет, — сглатывая слюну и перебираясь назад в свою моторку, сказал рыбак.

— Будь здоров, капитан!

— Вот рыбу возьмите на ужин, мы ещё поймаем, — сказал рыбак в форме МЧС и протянул ведро с уловом Наташе. — Только ведро верните.



---

Наташа перевалила рыбу в какую-то кастрюлю и вернула ведро.

— Спасибо! — улыбнулась она. И неожиданно заинтересовалась:

— А ночуете вы где, на острове?

— Какой! В лодке! — отозвались рыбаки.

А тот, что был кое-как одет, философски заметил:

— Рыбное дело — водяное.

Устав от общения и выпив всё, что позволила совесть, мы стали расходиться по кубрикам, но кто-то ещё оставался на палубе с сигаретой, кто-то посещал галльон на сон грядущий. Я вглядывался в очертания острова в тумане и думал о том, что за цивилизация жила здесь раньше? Из капитанской рубки вышел боцман Дима и попросил закурить.

— Сигарет тут купить негде, — оправдываясь, сказал он, — особенно нормальных. В Беломорске одно говно продают.

Помолчали, облокотившись на перила, постреливая струями сигаретного дыма в ночь.

— Как на море-то попал, боцман? — спросил я.

— Да занесла судьба. Я вообще на радио диджеем работал.

— Занесла так занесла! Диджей и боцман — два конца света. Наверняка и сам что-то пишешь?

— Да пишу немного, — усмехнулся Дима.

— Выступал где-нибудь?

— Выступал, когда жил в Архангельске, у меня группа своя была.

— О как, сыграешь что-нибудь?

— Можно, — согласился Дима, бросил огонёк за борт и пригласил меня в капитанскую рубку. Там стояла электрогитара и усилочек.

Он пел старые, хорошо знакомые песни «Наутилуса Помпилиуса», Цоя, что-то своё, а я смотрел на

---

почти скрывшийся за стеной тумана остров, и мне казалось, что он качается, как огромный кит или ладья со шведами, собирающимися захватить Соловки.

Утром высадились на берег и отправились исследовать остров. Поднимались вверх мимо древних сейдов, попадавших тут и там в зарослях незнакомого кустарника и черники. Сейды — это огромные камни, стоящие на камнях поменьше, порой совсем крохотных. Для чего они предназначались, никто точно не знает. Одни считают, что это были места поклонения духам, другие, что здесь приносили жертвоприношения, возможно, и человеческие. Непонятно только, как им удалось сохраниться за столько веков, ведь на острова неоднократно высаживались отряды головорезов и путешественников. Впрочем, местные знатоки утверждают, что есть сейды настоящие и ненастоящие, созданные любителями не так давно. Но отличить одни от других трудно.

Подъёмов на вершину острова было несколько, но мы, вероятно, сбились с туристской тропы, потому что вскоре упёрлись в высокую отвесную стену, к которой были приставлены короткие деревянные лесенки. От мысли, что по ним нужно карабкаться вверх, захватывало дух. Общую неуверенность нарушил сибиряк Стрельцов:

— Да чего тут подниматься-то? — сказал он и полез первым.

— Всего делов-то! — донесся его голос уже сверху.

И следом за ним, будто отвечая, откуда-то снизу послышался девичий голос:

— Эй, люди, вы где?

Это запоздавшая Наташа нашла нас каким-то чудом на дикой горе. Через минуту она поднялась на площадку, где мы замерли в нерешительности, и тут

---

же — будто взлетела по лесенкам — присоединилась к Стрельцову наверху.

Мы были поражены этой легкости и неутомимости. Пока мы, старые экспедиционные зубры, медленно, но верно брали свою высоту, какая-то малолетка одним махом преодолела самый трудный участок пути, даже не задумавшись об опасности.

Наконец все собрались на вершине. Здесь тоже были сейды — большие и маленькие. И ещё пирамидки, сложенные из камней. Скорее всего, творчество уже наших современников.

Кузова — самые высокие острова в Белом море, и вид с них открывается необыкновенный. Ты будто паришь, и земля сверху приобретает контуры шара, закругляясь у горизонта.

На горе люди толпились, фотографировались, мешались друг у друга под ногами. Каждому хотелось урвать, унести кусочек этой красоты в чём-нибудь — если не в сердце, то хотя бы в фотоаппарате.

Спускаться решили другой тропой, без крутых спусков и ненадёжных лесенок.

Пока шли, наши организаторы, Софиенко, рассказали о древних обитателях этого края.

— В этих местах, как говорят, жили саамы, — начал рассказ Володя, — это финно-угорское племя. Порусски их называли лопари, жители окраинной земли.

— Ещё их называли лапландцы, — вставила своё веское слово Лена.

— Ну так во-о-от, — продолжил глава семьи, — саамы были кочевниками и скотоводами. Они поклонялись духам охоты, рыболовства, оленеводства и духам предков. Считалось, что предки оказывают влияние на существование живых — влияют на погоду, помо-

---

гают на промысле. Саамы умерших кормили, то есть приносили жертвы. Видимо, сейды и были местом жертвоприношения. Вокруг них обычно сооружали ограду.

— А жертвы были только из животных или из людей тоже? — спросил любознательный Стрельцов.

— Возмо-о-ожно, — с растяжкой ответил Софиенко, — и человеческие. Но вообще скотоводы не были слишком кровожадными. Так что всё это только предположения.

— Здесь жили саамы и каждый встречал другого надменной улыбкой, — громко резюмировал сибиряк Стрельцов. Узнавшие цитату из Блока засмеялись.

По левому склону спустились к бухточке, как раз туда, где отлив обнажает морское дно, и рыбаки собирают морских червей. Наташа шла впереди, собирая в куртку рыжие смешливые лисички, похожие на нее. Они прятались в траве возле самой тропы.

Кто-то ещё из наших тоже насобирал грибов, поэтому на обед была картошка с грибами. Мужики разлили по стаканам то, что нашлось в запасах, и затянули беседы о чудесах Карелии. Наташа сидела рядом и смотрела в сторону моря.

Взмокшая от восхождения душá Стрельцова жаждала дúша, но его не давали. Поэтому наш сибиряк разделся до трусов и вошёл в холодное Белое море. Женщины вскричали «ай!». А сибиряк Стрельцов, как ни в чём не бывало, проплыл вперёд, назад, вышел, отряхиваясь, как большая добродушная псина, и коротко резюмировал:

— Хорошо!

Между тем наши соседи по лагерю, катамаранчики, сосредоточенно собирались в дорогу. Одни поставили белый парус, вторые — синий. Проходя мимо них, Стрельцов задал вопрос одному из мужчин.

---

— Эти говорят, будет шторм, — сообщил он, подойдя к нам и жажнув водки из стакана, — срочно уходят, чтобы успеть до большой земли.

— А мы? Остаемся? — спросил я.

— Ну, у нас-то вон какая посуда, а у них всего лишь катамараны, их порвет в клочья.

В нашем лагере началось веселье. Это причалили к берегу вчерашние рыбаки и наконец смогли отметить знакомство. Рыбаки подняли тост за Наташу. Оказалось, после возвращения с утренней прогулки, Наташа успела сплавать с ними на рыбалку и наловить несколько штук трески и камбалы.

Рыбаки травили морские байки, рассказывая о невероятных встречах с обитателями моря и фантастических уловах. Писатели слушали, развесив уши, а Софиенко хитро улыбался, склонив голову.

Стремительно кончалась закуска, наконец остался только хлеб. Рыбаки занюхивали рукавами. Мы рвали последнюю буханку руками.

После очередного тоста воодушевленная всеобщим вниманием Наташа бросила мимоходом:

— Здорово! Вот бы ещё и в шторм попасть!

— А это уже не смешно! — заметил как-то сразу напрыгшийся Фагот.

Стрельцов же, прогулявшийся в свою палатку и отхлебнувший из припрятанной там канистры «детского» коньяка, вдохновился и выдал с разбега:

Кузова ты ни с чем не спутаешь  
и дама твоя тиха  
напрасно бережно кутаешь  
ей попу и грудь в меха  
напрасно знаки игривые  
на камнях о пылкой любви  
как я знаю эти ревнивые  
сексуальные игры твои

---

Наташа хихикнула и зарделась. Веселье за столом затухало. Закат начал окрашивать небо в розовый цвет с подпалинами возле островов. Водка кончилась, и мужики грустно смотрели на пустые бутылки, брошенные под столом. Поняв, что здесь больше не наливают, рыбаки засобирались. Фотографировались, обнявшись, прощались со слезой.

— Надо уходить, будет шторм.

— Куда пойдёте?

— На соседнем острове пересидим.

— Откуда про шторм знаете? — поинтересовался я. — Из интернета?

— Походи в море с наше, и ты бы знал. Без всяких интернетов, — ответил рыбак и грустно посмотрел на пустые стаканы на столе.

После того, как рыбаки ушли на своих моторках прятаться от шторма, мы собрали совет. Что делать: сниматься немедленно и уходить или оставаться до утра? Решающее слово было за капитаном. Он сказал, что предупреждений о шторме от МЧС не поступало, поэтому выходим рано утром, как и планировали. По его расчетам, мы должны были успеть дойти до большой земли с запасом, чтобы успеть на вокзал Петрозаводска к нашим поездам, откуда разъезжались по разным городам.

Лодку с катера за нами обещали прислать часа через полтора. И мы с Фаготом решили посмотреть неисследованную нами часть острова. Пошли вдоль берега вправо от нашего лагеря, перепрыгивая с камня на камень, местами наступая сапогами прямо в воду, чувствуя через резину холодок воды, потом стали подниматься вверх. Сибиряк Стрельцов легко нагнал нас и убежал вперёд.

— Эй, мужики, идите сюда. Смотрите, что я на-

---

шёл! — раздался минут через десять откуда-то сверху крик Стрельцова.

Вскоре мы нашли его возле рукотворной каменной стелы в виде столба. Я навёл на неё фотоаппарат и вдруг увидел в объективе парящие прямо над ней необычные облачка. Они были похожи на человеческие рёбра, просвеченные на рентгене.

Чуть поодаль нависал над обрывом огромный камень, который, казалось вот-вот рухнет в пропасть. Стрельцов с Фаготом стали позировать мне, изображая, как они толкают камень. И это было ошибкой, нельзя шутить на саамской земле со священными камнями. В моем фотоаппарате неожиданно села зарядка.

А вид с этой нехоженой стороны открывался потрясающий — на гряде небольших островков, на пролив между нашим и соседним островом, по которому тархтел небольшой, похожий на наш, катерок. На островке прямо напротив было гнездовье гагарки. Гомон на этом птичьем базаре стоял такой, что долетал до нас.

Налюбовавшись видами островов и Белого моря, мы потихоньку пошли обратно в сторону лагеря. Фагот завернул куда-то влево, вдоль моря, собирая с кустов чернику, а я свернул вправо от тропы. Неожиданно что-то меня остановило. Я не мог понять, что именно. Огляделся вокруг. И тут взгляд мой упал на глубокие трещины на большом камне, с меня ростом, их узор был похож на какой-то символ. Я окликнул Фагота, который нехотя оторвался от своей черники и подошёл к моей находке.

— Поздравляю, ты нашел свой петроглиф! — Фагот похлопал меня по плечу. — Интересно, что он означает?

Я сфотографировал загадочную фигуру на телефон, чтобы показать в лагере.

---

Под ногами плотно стлалась черника, которую мы с Фаготом автоматически обрывали по пути. Иногда попадались причудливые засохшие ветки и корни деревьев, неизвестно как занесённые в черничники. Я показывал их Фаготу и фотографировал на телефон. Небо становилось всё более алым, низко летали птицы, перекликаясь между собой.

— Андрей нашёл петроглиф! — объявил Фагот, вернувшись к нашим.

— Не может быть! — воскликнули знатоки. — На этом острове нет петроглифов!

Я гордо продемонстрировал фото.

Володя Софиенко посмотрел, откинул со лба прядь и сказал:

— Так-то сложно сказать. Посмотреть бы надо...

И я готов был вести знатоков к своему камню, как вдруг с катера раздался плеск спускаемой за нами лодки и звук мотора.

— Эх, не успеем! — огорчился Софиенко. — Дай-ка ещё раз посмотреть, — сказал он.

Повертев в руках телефон, выдвинул предположение:

— Это больше похоже не на петроглиф, а на руну. Ну-ка, Лена, что скажешь?

Лена Софиенко взяла телефон и задумчиво произнесла:

— Что ж, это, действительно, не петроглиф, а руна. Похожа на руну альгиз, предупреждающую или предостерегающую от чего-то. Куда она указывала?

— В сторону моря, — ответил я.

— Могу точно сказать, что это знак, а знаки не появляются просто так и не ко времени... — глаза Лены загадочно сверкнули и потемнели.

После слов Лены возникла пауза. И я вспомнил,



---

как меня что-то будто направило в сторону от тропы, а потом остановило именно перед этим камнем. Каждый прислушивался в этот момент к морю, ветру, своим предчувствиям. Тишину нарушил крик боцмана, приплывшего за нами на лодке:

— Эй, писатели, кто хочет назад, поднимайтесь на борт!

Из кубрика доносился глухой звук электрогитары. Это Дима играл свои «хиты» Наташе. Наша переводчица покорила и его морское сердце. Я курил возле капитанской рубки, думая о Наташе. Но вот гитара смолкла, и Дима присоединился ко мне с сигаретой.

— Какой красивый закат, — сказал я, снимая на телефон огненное небо вокруг Немецкого острова.

— Хреновый закат! Он-то и даст нам завтра прикурить, — Дима щелчком отбросил бычок в море.

Казалось, что за островом произошла кровавая битва и это взлетают в небо обгагрённые кровью тела убитых воинов.

— Думаешь, успеем до шторма? — спросил я его прямо.

— Главное — нужный ветер, — уклончиво ответил он.

Под утро зарядил дождь. Косой, упругий, он стоял сплошной стеной. Мы начали готовиться к отплытию.

Наша моторка сновала как челнок между берегом и катером, привозя на корабль насквозь промокших писателей и их вещи, которые мы без разбора забрасывали в кубрики. С последней партией прибыл сибиряк Стрельцов. Он стоял на носу лодки, держа над собой чей-то разноцветный зонт.

— Мэри Поппинс, бля! — сказал, глядя на него, капитан и улыбнулся.

---

Выйдя за границы архипелага, катер сразу попал в окружение шквального ливня и беспросветной мглы и взял курс на Беломорск.

Мы разошлись по кубрикам и думали только об одном: скорее бы добраться до большой земли, в тепло. Катер раскачивало из стороны в сторону. Через дверь, в которую изредка нырял кто-то из второго кубрика, в каюту залетали брызги. Фагот поднялся по ступенькам и выглянул за дверь. Там бесновалось море.

Наш корабль казался крохотной щепкой в этой бушующей стихии. Бешеные волны, скалясь белой пеной, толкали наш катер в бока, перелетали через палубу, смывая с неё все, что не было надежно закреплено. Старый катер глухо стонал и кряхтел под ударами волн. Белое море было чёрным от волнения. С неба сплошной стеной шёл дождь. Вода была всюду, и нигде не было видно никакого берега. Было чувство, что весь мир стал водой. И что мы тоже станем рыбами, как только вода окончательно примет нас за своих. Наверно, что-то подобное испытывали обитатели легендарного корабля Ноя во время всемирного потопа. А ещё я почему-то подумал, что этот шторм экзистенциален, что его причина лежит в нас самих. Мы — это и есть шторм. Просто обычно мы его не замечаем.

— Двери не открывать, на палубу не выходить! — перекрикивая шум моря, проорал с палубы, приоткрыв дверь в кубрик, боцман. Он был в насквозь промокшей тельняшке и в одном тапке. Он вошёл внутрь, плотно прикрыв дверь. С него текли ручьи.

— Смело за борт, — хмуро сказал Дима, поймав мой взгляд на своей босой ноге. — Чуть самого не смыло. И, обращаясь ко всем, добавил:

— На палубу не ходить ни при каких обстоятельствах! Смоят! Ссать по углам.

---

Я решил лечь спать, чтобы не думать о шторме и о том, что нам может грозить. Заснуть было сложно, думалось о том, что успел в жизни сделать хорошего и что не успел. Постепенно грань между сознанием и подсознанием поплыла, растворяя меня в тяжёлом сне. Когда проснулся, почти вся имеющаяся тара была уже полна, и в кубрике плотно стоял запах мочи и рвоты.

Море ломилось в стены кубрика, но громче моря был храп Софиенко, во сне он ревел диким туром. Кто-то стонал, кто-то плакал. Плохо было всем, кроме нашей троицы — сибиряка Стрельцова и нас с Фаготом. Стрельцов даже попытался закурить, приоткрыв дверь кубрика, но я его за это чуть не убил. Только сигаретного дыма не хватало добавить в этот сгустившийся в кубрике смрад. Тогда он ядовито сказал:

— А ведь это всё она виновата.

— Кто? — удивился я.

— Тссс... Наташа. Это же она сказала, что хочет в шторм попасть. А карелки — они все ведьмы. Вот мы тут и мучаемся...

— Да и помимо неё были знаки, — попытался защитить её Фагот — катамаранщики ушли. И рыбаки. И боцман шторм предсказывал. И Андрей предупреждающую руну нашёл.

— Знаки знаками, а карелки — всё равно ведьмы!

Фагот со Стрельцовым разлили детский коньяк (надо же, еще остался!). А я и без него опять провалился в сон.

И мне приснилась смеющаяся Наташа, убегающая от нас куда-то вперёд по острову. Её белые волосы развевались на ветру и затмевали солнце. И казалось, что день сменяется ночью. В её волосах плыли звёзды, и неожиданно откуда-то, будто из пещеры, выплыла луна.

---

— А-а-а-а, видишь, она ведьма! — кричал бегущий за нею следом Стрельцов. — Хочет нас сбить со следа! Держи её!

Я бежал и смеялся, думая, что это игра. Что это Стрельцов ухаживает за Наташей таким нетрадиционным образом. А Наташа уже не просто бежала, она слегка приподнялась над землёй и полетела, изредка оглядываясь на нас и смеясь своим звонким, колокольцевым смехом. В какой-то момент она зависла в воздухе, разглядывая что-то вдаль, и Стрельцов успел добежать до неё и схватить за ногу. Наташа испуганно дёрнулась и попыталась освободиться. Но хватка у сибиряка Стрельцова была отменная. За ногу он притянул её к земле. Наташа вырывалась, но продолжала смеяться. Кажется, что её смех был уже не озорным девичьим смехом, а рыдающим плачем. Даже голос изменился и стал больше похож на старушечий.

— Ведьма! — кричал Стрельцов. Он обхватил тонкую талию Наташи, схватил в охапку и понёс к обрыву.

— Что ты делаешь? — я неожиданно очнулся и понял, что всё это уже не игра, что сейчас случится что-то невозможное.

— Её надо утопить, — чеканным голосом сказал Стрельцов, — иначе она нас всех погубит.

— Ты с ума сошёл, Стрельцов! Надо меньше пить детского коньяка!

— Детский коньяк тоже она отравила, — ответил Стрельцов.

— Да ты совсем с дуба рухнул?!

Я попытался отбить у него Наташу.

— Отойди, а то и тебя убью! Я хочу вернуться домой! Меня там внуки ждут!!! — и Стрельцов пустил неожиданную слезу.

Наташа уже почти не сопротивлялась. Казалось,

---

она была согласна со всем, что говорил этот безумец.

— Наташа, — горло у меня будто перестало подчиняться, вырвался только какой-то сип, — Наташа!!! — позвал я её.

Она подняла на меня свои большие глаза, они всё ещё негромко печально смеялись. И помотала головой. «Не надо, ничего не надо!» — прочитал в них я.

Стрельцов подошёл к обрыву и бросил Наташу вниз. Над островом вдруг взошло яркое, как бывает после дождя, солнце.

У меня подкосились ноги, но через мгновение я бросился к обрыву и чуть не нырнул вниз вслед за Наташей. Её лёгкое тело ещё летело вниз.

«Только бы не на камни», — успел подумать я.

Неожиданный порыв ветра подхватил Наташу и отбросил от камней прямо в море. Плеска слышно не было, но, когда она снова появилась на поверхности, я успел разглядеть в морских волнах блеснувший на солнце рыбьей чешуёй хвост.

Когда я опять очнулся, катер по-прежнему рычал и рвал волны. Мне казалось, что проспал целую половину вечности.

— Где мы? — спросил у бодрствующего Фагота.

— Плывём назад к Кузовам.

— Как?! Зачем?!

— А вот так, — развёл руками Фагот, и очки его зловеще блеснули. У Фагота было усталое помятое лицо. Я посмотрел на часы и ужаснулся. Мы были в море уже десять часов.

В этот момент пришло на ум, что если бы что-то пошло не так, спастись никому из нас не удалось бы. Лодка всего одна, да и что может моторка в шторм,

---

если корабль не справился. По испуганным глазам я понял, что у всех в головах те же мысли.

В знакомой бухте Немецкого острова было тихо, будто мы пересекли невидимую границу двух сред — волнения и спокойствия. Люди высыпали на палубу — вдохнуть свежего воздуха, размять затёкшие ноги, сходить по-человечески в галюн.

— Что случилось, Лёш? — я постучался и зашёл в рубку капитана, который был бледен как мел. Рядом сидел Дима в одном тапке.

— Не смогли пристать в Беломорске, — ответил за него Дима, — нас бы о причал разбило. Пришлось разворачиваться. А разворачиваться в шторм — это триндец, перевернуть может влёткую, — для наглядности Дима покрутил в воздухе одним тапком, — Вот и болтались, как идиоты.

— А почему в море-то вышли в шторм?

— Штормовое предупреждение от МЧС пришло только когда к Беломорску подплывали, — ответил капитан. И добавил, глядя куда-то в глубь острова или сквозь него: — Семь баллов...

Я знал, что его дома ждали жена и маленькая дочка.

— А вы раньше в такой шторм попадали?

— Нет, — не сговариваясь, ответили они.

— Рассердились на нас за что-то духи острова, — сказал всезнающий сибиряк Стрельцов.

— Ну что, дуэт, придётся вам заговаривать духов Немецкого острова, чтобы они наспустили, — сказал Софиенко.

Фагот вздохнул и полез в кубрик за инструментами. На палубу он вынес кантеле и окарину. Подёргал струны кантеле, подумал, пошентался сам с собой, отложил инструмент в сторону. Потом взял окарину,

---

продул. Люди, собравшиеся на палубе, наблюдали за его общением с инструментами, затаив дыхание. Голос мексиканской окарины поплыл над водой залива, как джонка индейцев, спокойно и уверенно. Фагот кивнул, он выбрал инструмент. Повернулся ко мне, сказал глазами «читай». «Что?» — глазами спросил я. «Ты знаешь», — бесслвно ответил Фагот и заиграл.

Я вслушивался в музыку и листал книгу стихов. И вдруг понял. Конечно! «Мазурку», что же ещё?! В ней же практически говорится обо всём, что с нами произошло. Море-море, поиграй да отдай нас берегу! Фагот — окарина — Мазурка.

Вот тебе мир весь как на ладони  
весь он открыт для тебя  
столько тебе городов построили  
и лесов посадили  
столько родили для тебя женщин  
столько зренья дал тебе бог  
люби эту жизнь  
пей эту чашу пока не придёт срок  
твоей кукушки прокричать тебе  
*время вышло*

Звук стелился над водой как покров, достигал берега и священных сейдов. Казалось, сама земля и море стали вслушиваться в музыку и слова.

Когда мы закончили, глубокий звук мексиканской окарины продолжал висеть в воздухе. Потом он плавно опустился на воду и растворился в ней.

— Духи приняли нашу просьбу, — с абсолютно серьёзным выражением лица сказал Фагот. — Можем плыть.

И улыбнулся.

**Ирина ДЕНИСОВСКАЯ**  
(Санкт-Петербург)

**Музыка над морем**

Звуки плыли над морем, множились среди камней, с эхом отскакивали от «бараньих лбов». Музыка разбудила русалочку Марианну, спящую в неглубокой пещерке, пробитой волнами и приливом в основании одного из островов, что поднимали темные бока у западных берегов северного моря. Дочка беломорского царя часто бывала на этих скалах, сглаженных тысячами бурь.

Местные обитатели были ей рады и не чурались морской девы. Птицы приносили красивые камешки, раковины и цветы. Зверушки — ягоды и грибы. Люди... Большинству русалочка старалась на глаза не попадаться, хотя и подглядывала за ними, а часто и подслушивала. Некоторым даже являлась под водой в облике большой голубой рыбы с красными плавниками. Как потом они потешно пытались убедить остальных, что видели царь-рыбу. А русалочка веселилась, слыша их рассказы.

Творить такое на соседних островах Марианна не решалась. После одного случая, когда страшный волосатый монах в черном, заметив ее тень на подводных камнях, начал бить по воде громадным блестящим крестом. Вреда то битие ни русалочке, ни волнам



---

не нанесло. Но было неприятно слышать непонятные слова и угрозы. Она же ничего плохого не делала, просто решила подпеть, когда вся эта компания людей, похожих на темных нахмуренных птиц, под предводительством человека в сияющих на солнце одеждах обходила остров. Голосом своим Марианна гордилась. Получить вместо заслуженного одобрения такое никак не ожидала. Обиженная морская дева десяти лет отроду решила, что к тем островам она больше ни плавником. И дружбу заводить здесь ни с кем не стоит. Хотя нравились ей тамошние скалы. А уж мощные стены под цвет моря, ловящие блики заката, и белые башенки над этими стенами — будто паруса таинственных кораблей, притягивали неимоверно. А макушки у тех башенок — совсем как чешуя и так же матово поблескивают. Но раз решила — значит, решила. И уже больше пяти лет этому решению следовала.

Здесь же ее всегда привечали и пение слушали с удовольствием. Хотя в истинном облике показывалась Марианна только двоим. Они обитали на втором по величине острове постоянно, найдя здесь последнее пристанище. Монах Иннокентий даже изредка подпевал приятным тенорком. Но совсем слабеньким. Русалочке казалось странным, что он носит те же черные одежды, но не чурается ее пения. Вначале. Потом поняла: те, на островах — живые и боятся, а Иннокентий — мертвый.

А уж та мелодия, которая разбудила Марианну, должна ему обязательно понравиться. Что касается второго, то он больше любил не песни слушать, а наблюдать, как русалочка играет с набегающими на берег валами и волночками. Сравнивал ее то с быстрой ладьей, то с морским зверем — дельфином.

Играть с волнами и с рыбами Марианна любила. Не меньше чем петь. Вот бы встретить того зверя мор-

---

ского и с ним поиграть. Но не заплывали в Белое море дельфины. Только нерпы и белухи. Неждан говорил, что холодно им здесь. Еще мишка иногда плавал, но с ним не поиграешь. Плывет, пыхтит озабоченно — до берега бы далекого добраться. Сил тратить на игры не хочет.

Кормщик Неждан обретался на островах уже лет пятьсот, монах Иннокентий присоединился к нему меньше ста лет назад, а самой русалочке едва минуло пятнадцать. Даже по человеческому счету она была очень молода, а в своем народе считалась ребенком, но уже самостоятельным, не требующим ежечасного присмотра. Именно поэтому она проводила очень много времени вдали от родного дома. Морские глубины и отцовский дворец надоели ей так, что заманить ее туда можно было лишь чем-то необыкновенным. Но чаще это самое необыкновенное ожидало Марианну вблизи островов и прибрежных отмелей.

Вчера она впервые рассмотрела катамаран. Слышала о них и раньше, но увидеть получалось только издали, а вчера проплыл, можно сказать, рядом с хвостом. И встал в заливе, почти напротив ее пещерки. Он еще там, как и присоединившийся к нему собрат чуть поменьше. Сейчас они лежали на песке выше уровня прилива, издали похожие на диковинных рыб... или птиц. Русалочка задумалась. Определение точно подобрать не получилось. Ну, на что-то похожие — на диковинное и нездешнее. Но музыка звучала не оттуда и не из разноцветных палаток на берегу.

Музыка стелилась над водой, мешалась с шорохом волн и криками чаек. Поведя чуткими ушами, морская дева обнаружила источник звуков — маленький кораблик, ставший на якорь почти посередине бухты. Кораблик был знаком, он часто приплывал на Острова,

---

и музыку, вот такую — рукотворную, русалочка слышала часто. Гитара — называл этот инструмент Иннокентий. Сам когда-то на таком играл. Из его рассказа Марианна поняла, что на гитаре играли многие. Некоторые из селившихся в палатках гостей на ней тоже, по словам монаха, «брякали». Эта же мелодия будоражила по-особенному. Хотелось подхватить ее и вести с переливами, вторя голосом гитарному перебору.

И голос зазвучал. Но не ее. Услышав, вздрогнула: с музыки и голоса начиналась та давняя легенда. Русалочка поспешила забиться поглубже в пещерку, чтобы не слышать чарующих, волшебных звуков. Ей совсем не улыбалось повторить судьбу двоюродной пра-пра... неизвестно сколько раз прабабки. В семье матери Марианны с той поры сменилось уже несколько поколений. Печальную историю вдалбливали всем русалочкам с рождения, причём каждый рассказчик норовил вставить побольше ужасающих подробностей и присоединить нравоучительный вывод.

От музыки было не спрятаться. А проводить в пещерке весь такой чудесный день русалочке не хотелось. Фыркнув обиженно и вильнув хвостиком, она подплыла к узкому лазу, выходящему на другую сторону гряды подводных скал. Может, Неждан придумает, как ослабить наваждение.

Из короткого туннеля выбралась с трудом. Пролезать сквозь него с каждым годом все сложнее. Скоро вырастет она из уютной норки, и придется искать другое убежище. Потеряв несколько чешуек, которые серебристыми искорками запорхали между камней, русалочка выплыла наружу. Потерла ободранный бок и, поправив сбившиеся украшения-раковины, серебристой рыбой метнулась через залив к другому острову. Если старый кормщик и не поможет, в компании легче не поддастся колдовскому очарованию.

Неждан сидел недалеко от всевидящего камня и слушал музыку. Мелодия затухала. Гасла, будто сгорающая в лучах солнца. Когда взлохмаченная остроухая головка показалась над водой, звучали уже последние переливы.

— Неждан, а Неждан! — шепот русалочки больше напоминал плеск волн.

И старый кормщик его не услышал. Сидел, смотря вдаль. За горизонт, туда, где будто плыли над водой дальние острова. Думал о былом. Вспоминал, как сам ходил между этими «летающими» островами на лодье и пел вместе с ветром, звеневшим на струнах канатов. И просто — слушал. Мелодия, парящая над волнами, была слышнее для людского уха, чем зов морской девы, похожий на плеск ласкающей берег волны.

Кормщик закончил дни во время шторма, погубившего его лодью. Случилось это при прадеде той морской девчонки, чья увенчанная маленькой короной головка торчала над камнями. Если бы не ее дед, незаметно ставший для Неждана другом и побратимом, так бы и остался кормщик пленником в подводном дворце. Подобно доброй сотне сотоварищей тешил бы морского царя, сказывая о земной жизни правду и небылицы. Умолил-таки сын отца, и отпустил тот Неждана. Но не восвосяи. Кабы так вышло, не было бы меры Неждановой благодарности. Но по иному решил морской царь: должность новую учредил. Сделал сынова друга смотрителем Островов. А потом и всего Беломорья приказчиком стал Неждан. Но до этого...

Эх! Сколько прежде всякого бывало!

Поначалу сильно одиноко жилось Неждану. К островам лодьи в те древние времена плавали ред-

---

ко, поморов заносило сюда нечасто, саамы оставляли «духу Островов» в подношение еду и шкуры, годные на пошив одежды. Плохо то, что покинуть эти места Неждан не мог. С одного берега на другой кое-как перебирался, но дальше ни-ни. Зато здесь сохранял облик себя сорокалетнего, не меняясь и не теряя былой силы. Прожил на подножном корму и подношениях без малого пятьсот лет.

Летели над водой звуки мудреной мелодии. Навевали думы о прожитых временах. Вспоминалось многое: и прежняя жизнь, и поклонения саамов, и моления прежних друзей и их потомков, занесенных бурей иль просто ветром к его обиталищу. Хоть и Христу поклонялись поморы, но и веры прадедов не забывали. Молились и островному владыке саамов и хозяину морских просторов. Чтобы лодьи между островов от непогоды укрыл и в открытом море защиту дал. Только и владыки не все могут.

В недобрые времена гражданской войны погиб его друг, тогдашний хозяин Белого моря, от английской подводной стрелы — торпеды, так назвал эту напасть новый обитатель острова — Иннокентий. Целились-то те англичане совсем не в морского царя, но так уж вышло. А Неждан все жил. Правил Беломорьем теперь сын друга — отец...

— Неждан, а Неждан! — пронеслось над камнями уже громче.

Дольше не откликаться на призыв Неждан не мог. Пусть увели думы и музыка далеко в прошлое, туда, где тело было видимым, а хотения исполнимыми. Ответил:

— Что, морская дева, тревожит тебя напев?

— Тревожит...

— Не бойсь — сдюжим.

Ответил не только для девы, но и для себя.

---

Песня закончилась громким аккордом. Но тут к голосу вместо перебора струн присоединился новый инструмент. А русалочка поняла, что эти звуки ее и разбудили.

— Фагот! — выдохнул кто-то рядом непонятное слово.

Русалочка аж подпрыгнула, хвост дернулся, вода смыла Марианну с камня. От неожиданности морская дева окунулась с головой, а когда вынырнула, услышала голос Неждана, с возмущением бросившего:

— Труба Иерихонская! Слышишь, как скалы загудели?

Отфыркавшись, хоть вода и родная стихия, но неприятно, когда она вот так неожиданно заливается в нос, русалочка закрутила головой. И только тут заметила монаха. Туманная дымка, почти невидимая в узком проходе, ведущем к пещере, потайному убежищу Неждана, отозвалась добродушным тенорком:

— Еще скажи, сейчас камни с кручи поскачут.

Пока скакали звуки. Если такое вытворяла труба?! Русалочка дернула плечами, и ракушки ее ожерелья застучали так же, как летящие над водой ноты. Мелодия? От разбудившего русалочку плавного перелива не осталось и следа. Труба не пела, она бросала звуки на берег, подобно волнам прибоя в узкой протоке между островами. Звуки-волны кололись на мелкие части и бились друг о друга, о скалы, лизали песок короткими мазками, падали на камни и рассыпались брызгами, пятная серые валуны, и вдруг покатались на берег мощными тяжелыми валами. И снова короткая острая толчея. Подхваченная звуками, одетая их пушистой пеной, русалочка забыла, как дышать воздухом. Опустилась под воду, но и здесь мелодия не отпускала ее. Когда головка, увенчанная жемчужной короной, вынырнула на поверхность, труба выдала

---

пароходный гудок, и ее сменил новый инструмент: пена рассыпалась хрустальными брызгами. В ушах русалочки зазвенело. Да что ж это такое?

— Треугольник или камертон, — заметив недоумение Марианны, подсказал Иннокентий.

Никогда прежде не видела морская дева у монаха особой любви к музыке. Или ее пение не пробуждало желания поделиться сокровенными знаниями?

А труба... нет, фаягот — труба даже деда Борея так не умеет — выводил новую мелодию. То ударяя по волнам мощным басом, и волны гудели в ответ. То прыгая по скалам короткими аккордами, будя в ущелье такое же короткое эхо.

Блеснув радужным ореолом в лучах яркого солнца, полупрозрачная фигура переместилась на громадный валун у подножия горы, которую русалочка привыкла считать Неждановой.

Гора эта называлась иначе, но здесь почти на самом верху стоял камень, благодаря которому Неждан мог видеть далеко окрест и подмечать незамеченное даже шустрой русалочкой. А большой валун, сотни лет назад сброшенный ударом молнии с самой вершины, был облюбован Иннокентием. Точнее — не облюбован: к подножию этого камня прибило чуть больше века назад тело бывшего монаха, бывшего офицера, бывшего брата и сына, погубленного английской пулей и чувством долга перед предавшей его родиной. Зарыли не здесь, хотя и могли просто завалить камнями изъеденный рыбами и избитый волнами неизвестно чей труп. Зарыли на песчаном берегу подальше от линии прилива, булыжники насыпали потом, чтобы медведи, заплывавшие иногда на острова, не раскопали и не осквернили неопознанное тело, которому и так крепко досталось. Похоронили без молитвы, без отпущения грехов, и

---

штабс-капитан Иннокентий Смолянинов, выросший в поморской семье, принявший постриг в восемнадцатом году в Соловецкой обители, не смог покинуть этот мир. И не смог покинуть остров. Вода не пускала его, а небо не принимало. Привязала Иннокентия к ничем не примечательному валуну. Привязала, похоже, навечно.

Русалочка узнала эту печальную историю от кормщика, которому поведал ее сам Иннокентий, а что тот знать не мог, Неждан от людей услышал и через глазкамень углядел.

Мелодия оборвалась. Сменилась громким голосом и смехом. Застучал мотор.

— На берег высаживаются, — пояснил Неждан, — сейчас палатки ставить начнут и еду готовить.

— Вчера. И уже приготовили, — бросил Иннокентий.

— Что — вчера? — спросил Неждан.

— Что — приготовили? — чуть отстала от него русалочка.

— Вчера высадились и палатки поставили. Поздно. Вечер, пока темнеть не начало, по острову шастали. Костров не жгли. Решили — не положено им. Оголодали совсем, уже на подножный корм переходят. Грибочки, ягодки из леса таскают, — пояснил Иннокентий и улыбнулся русалочке. — А приготовили еду. На корабле. Сейчас ее на берег везут. Вон — у палаток, что рядом с катамаранами, народ мисками да ложками гремит.

— Когда высадились? А я почему не заметил? — удивился Неждан и возмутился: — Почто мне не сказал?

— Я тоже не видела, — поддакнула русалочка, — ночью вернулась. И уснула.

— Ты, Неждан, — усмехнулся Иннокентий, — так



---

своим дальним зрением увлекся, что под носом ничего не замечаешь.

Неждан смущенно провел пальцем по усам, будто расчищая там пространство для лучшего наблюдения. Действительно, с тех пор как люди начали ставить глаз-камень где ни попадя, число мест для наблюдения у Неждана прибавилось. Если раньше старому кормщику была дарована способность видеть окрест островов, смотря в единственный, поставленный еще в незапамятные времена глаз-камень, но не дальше, то отец Марианны открыл около сотни глаз по берегам Беломорья, чем расширил и возможности, и обязанности старого зрителя. А последние годы уже сами люди стали открывать такие «глаза» повсеместно.

Если раньше считалось дурной приметой использовать при строительстве куски гранита с полупрозрачными кварцевыми жилами в форме глаза, то теперь об этом «суеверии» забыли. Вместо того чтобы раздробить глаз-камень на мелкие кусочки и гравий этот использовать, ставили такие куски гранита, куда в дурную голову взбредет. Да вдобавок и шлифовали их, чем облегчали наблюдение за своей жизнью таким, как Неждан. А он и рад. Часами сидел у своего менгира, вглядываясь в происходящее за многие сотни километров от островов. А последнее время и вслушиваясь. Научился читать по губам неслышные речи старый кормщик. И слов новых нахватал. Только вот, оказывается, не все ухватывал. Спросил требовательно:

— Кто они такие?

— Писатели, поэты, — пожал призрачными плечами Иннокентий, — творческие личности. Разные люди. Интересные...

— Ты, давай, не больно вокруг этих «интересных» людей мельтеши, — у кормщика к подобным лично-

---

стям доверия было мало. Фагот этот опять же. — Спасу нет от этих новомодностей. То ли дело раньше: рожок да балалайка, а какие наигрыши Пряха выдавал. Ноги сами в пляс просились...

Воспоминания Неждана могли растянуться на час, а может, и больше. Если Иннокентий еще спорить начнет о саксю... сако... Никак не давалось русалочке название той трубы. Фагот запомнился сразу. Иннокентий спорить не стал и мысли Неждана на иное перевел быстро. Проговорил:

— А много они за вечер обежали. Впечатлениями делятся.

Хоть и далеко был пляж от всевидящего камня, долетали сюда громкие голоса. Неждан постарался. И дед русалочки. Слова слышались отчетливо, если в правильном месте стоять. Именно туда переместился радугой расцвеченный, перламутром ракушек сияющий в лучах утреннего солнца силуэт Иннокентия.

— Тем, что из леса натаскали, хвалятся. А другие, что с корабля приплыли, обещают на обед жареные грибы приготовить.

Горло Неждана дернулось, словно он проглатывал любимую некогда еду. Но проговорил удовлетворенно:

— Хоть это не пропадет. Сколько я их растил, а собирать — охотников нет.

— Еще они рыбу ловить собираются. За треской пойдут, — передал Иннокентий услышанное и попросил: — Ты уж, Марианна, подгони им какую рыбку попрличнее. А то прошлый раз...

Русалочка шлепнула хвостом по воде. Полно уж Иннокентию вспоминать ее весенний розыгрыш. Ну, не понравились ей те рыбаки. Хвастались сильно. И Неждана обидели. Он-то их простил. Но Марианне

---

было за него обидно. Это надо же! Заявить, что остров совсем неухоженный. Сами же те бумажки и банки железные разбросали. А старый кормщик так старался им угодить. На лодье же пришли. Ответила коротко:

— Подгоню.

— Компания вроде неплохая. Не мусорят. Даже детишки бумажки от конфет подбирают, — задумчиво произнес Неждан. Вздохнул о чем-то и добавил: — Подгонять-то подгоняй, но аккуратно. На глаза не попадайся. И давайте так, вы оба держитесь от них подальше. Люди они, кажись, с фантазией неумемной. Увидят вас — напридумывают невесть что.

— А тебя? — Иннокентий отвернулся, спрятал улыбку.

— Меня? А меня — что? Я позже к ним сам наведаюсь, — изредка, накопив силы, мог Неждан принимать старый облик и выглядел при этом совершенно нормальным пожилым рыбаком, мало отличавшимся от местных — поморов. Он, бывало, и на других берегах в таком виде появлялся. Только нечасто — сил на это нужно немерено. Дело в том, что после смерти друга стал он невидим для всех, кроме морских обитателей и второго пленника острова.

Марианна знала, что сотворил эту невидимость беломорский царь лишь по одной причине — слишком часты стали гости на водах его царства. Незачем им было встречаться со старым кормщиком. А корабли, кораблики, лодки, лодчонки так и шныряли. Люди возили грузы. Рыбу ловили, зверя по берегам стреляли немерено. Воду пачкать начали незнамо чем. Отец опасался, что его богатство на нет сойдет. И вдруг лет за десять до рождения Марианны все разом исчезло. Будто кто мощные чары навел. Почти пропали корабли, меньше стало корабликов, сгнули

---

большие лодки, только лодчонки всех мастей мельтешили у берегов и потихоньку собирали дань с подводных обитателей. И еще. Вода стала чище. Этому все радовались.

\* \* \*

Неждан не отрываясь смотрел на происходящее на пляже. И читал по губам слова, которые ветер относил прочь, лишая Иннокентия, прячущегося среди папоротников, возможности услышать все реплики говорящих. Ближе подойти монах не мог: солнце освещало пляж, и появление на нем сгустка тумана в такую погоду выглядело бы странно. Русалочке тоже не удалось подобраться ближе из-за мальчишек, носящихся по песку и прыгающих по камешкам у самой кромки прибоя. Притаилась она в кустах, нависающих над морем, рядом с источником пресной воды. Далеко. Да и сложновато разобраться, когда больше пятнадцати человек говорят одновременно и сразу о многом.

Поняли подслушиватели только одно. Вечером их ждет концерт. И устроить импровизированную сцену приехавшие собирались на склоне соседней горы — прямо напротив всевидящего камня.

— Я у вас ночевать останусь, — заявила русалочка.

— А батька твой не рассердится? — Неждан с сомнением взглянул на Марианну. Злить беломорского царя не хотелось, а что выйдет из затеи чешуйчатой вертихвостки, никому не известно. Задумала что-то морская дева — и без слов понятно. Достаточно в ее озорные глазенки заглянуть.

Та упрямо дернула плечиком:

— Я же не первый раз на островах задерживаюсь. Привыкнуть должен.

---

Весь день троица наблюдала за гостями, русалочка сплавала следом за лодкой с рыбаками и загнала на крючок таких рыбин, что Неждан одобрительно поцокал языком, когда довольные гости хвалили на пляже улов. Понравились ему и те, кто не побоялся искупаться в холодных морских водах. И русалочке эти понравились. Особенно ребятишки. Но мальчишки, они такие всегда. Неждан рассказывал, как в детстве он и другие поморские ребята влезали в воду, едва та успевала очиститься от последних льдинок. Иннокентий недоверчиво усмехался, сам он подростком на спор тоже влез, но на опору железнодорожного моста. И сорвался в ледяную реку. Ощущение не из приятных. На берег выбрался чудом и долго провалялся с простудой. Хорошо, без воспаления легких обошлось...

Гости побывали везде, даже к всевидящему камню добрались. Неждан, правда, глаз прикрывал. Один разочек только не уследил. На мальчишку и женщину засмотрелся. Но надеялся, никто не поверит, если только одна та женщина о глазе упомянет. Иннокентий, услышав это, недоверчиво хмыкнул:

— Размечтался! А что в руках в той женщины видел?

— Коробочек махонький. Что в нем опасного?

— Эта штука, — невеселый смех монаха, мелкими камешками заскакал по берегу, шорохом, слабым ветерком колыхнул листочки берез, — изображение записывает, картинку рисует на специальной бумаге. Фотоаппарат называется.

Невеселым смех был потому, что за долгие годы Иннокентий этих машинок много навидался. Разных. Сам несколько раз в кадр влезал. Надеюсь...

Только напрасно все. Туманная дымка, что просто так, что на фотобумаге ясным днем незаметна.

---

А вот камень та коробочка легко в памяти сохранит.  
Так кормщику и сказал:

— Увидят твой глаз на фотографии. — А вот его —  
Иннокентия — никто не увидит. И не вспомнит, не  
помолится за потерянную душу, чтобы ей покой об-  
рести.

— Ну так пусть! — беспечно махнул рукой Не-  
ждан. — Кто ж в глаз-камень поверит, ежели свойства  
тех глаз позабыты вместе с верой старой, еще во вре-  
мена, когда я по Белу морю ходил.

Женщина та и березу Нежданову запечатлела. Бе-  
резку эту старый кормщик в память своей жены поса-  
дил. Почти сразу как хозяином островов стал.

\* \* \*

Коричневая вода плескалась у «бараньих лбов»,  
волны шлепали по поверхности камней. Звуки дро-  
бились, отскакивали эхом от берегов, и чудилось, что  
сотни гигантских рыб бьют хвостами. Коричневые с  
рыжим камни, коричневые валы, бегущие к берегам,  
серо-коричневые тучи, подсвеченные низким солн-  
цем. Почему называли это море Белым, а не коричне-  
вым? Из-за льда, затягивающего зимой всю его по-  
верхность? Но тогда все северные моря заслуживают  
это название. Чем хуже другие прибрежные части  
Ледовитого океана? Сколько морей вдоль северной  
границы материка от Мурманского берега до длин-  
ного двойного острова, чьи скалы будто взламывают  
ледяные поля и тянутся далеко к северу? А дальше на  
восток опять лед и лед, острова и русла могучих рек,  
несущих песок и пресную, зеленоватую воду далеко в  
океан, но не имеющих силы нарушить белизну зим-  
них покровов.

Русалочка с первых осознанных лет гадала, поче-

---

му люди дали ее родине такое странное имя. Отец в ответ на расспросы лишь усмехнулся и посоветовал спросить у людей. Хороший совет! Никого из них она в отцовском дворце ни разу не встречала. Люди в подводный дворец не хаживали. Вот в прежние времена такое частенько случалось. Дед, в молодости будучи, как отец объяснил Марианне, очень романтичной личностью, любил людей расспрашивать про их жизнь-бытьё на суше. И с Нежданом через те рассказы подружился, а после уговорил Беломорского царя отпустить пленника на волю. Тот внял просьбе сына, отпустил, но решил с пленника хоть рыбью чешуйку, как говорится, получить и назначил Неждана смотрителем островов, а потом и всего беломорья. Дед о людских делах многое узнал. Только вот деда русалочка не застала, не могла его о тех знаниях расспросить. Отец, в ответ на сетования о том, что не восполнить, ей напомнил: Иннокентий и Неждан рядом. Вот к ним русалочка и пристала с этим вопросом.

Иннокентий лишь хмыкнул и подергал себя за ухо. Белое и Белое. Никогда вопрос «почему?» его особо не занимал, хоть и рос на южном берегу этого моря.

А Неждан вздохнул тяжело и с тоской посмотрел на голубые водные просторы, окружающие острова, и на чистое голубое небо, в них отражающееся. Ну как объяснить морской девчонке то, что видеть она никогда не видела и вряд ли увидит? Сказал:

— Тебе бы с палубы корабля да при волнении на эти воды глянуть. С берега да из-под воды такое не увидишь. Твой батька в детстве тоже думал, что белее нашего льда нигде нет, потому и море так зовут. И сейчас, поди, так считает. Но ежели из-под воды, да по весеннему солнышку на него глядеть, все не так видится. А если зимней ночью да под сполохами, лед

---

серый, либо узоры небесные и по нему скачут. А по весенней заре лед розовый и оранжевым отливает. То же и осенью. Белого льда поморчанин, считай, и не видит. Только его осколки, когда ледоход или ледостав идет. А Белым зовут наши люди это море из-за убора его пенного. Стоит ветру по волнам пройтись да макушки их вспенить, оно бело-коричневым становится. Сама, небось, не раз видела, как волны этой пеной песок мажут. На просторе под серым небом, когда солнце в облачной дымке спрятано, показывает наше море свой истинный цвет. А на солнышке пена эта, к берегу прибитая, белее льда и снега. Куда до нее жемчугам и кварцам, что в кладовых твоего батьки пол укрывают.

После этого рассказа и Марианна, и Иннокентий улыбались, слыша недоуменные разговоры посетителей острова, дивящихся на краски, будто растворенные в воде заливов и проток. Коричневое, голубое, зеленое, серое, все оттенки оранжево-розового на восходе и закате... а белого совсем чуть-чуть — тонкая полоска между песком и водой. И нет у них, бедных, Неждана, чтобы секрет раскрыть.

\* \* \*

Люди долго сидели у костра, некоторые уплыли на кораблик, русалочка с нетерпением ждала их возвращения. И обещанного концерта. Она даже сплавила к своей пещерке за чудесной раковинной, привезенной с дальнего моря. Раковина эта усиливала звук и, приставленная к уху, позволяла слышать на многие мили окрест, стоило же в нее подудеть, и странный напев гулял над волнами долго-долго. Представила Марианна, как подпоет ее раковина тому фэготу. Вот люди удивятся!



---

Когда лодку подняли над водой, что всегда делали перед ночью, морская дева разозлилась. Не знала она, что эта ее злость заставила напрячься Бореевы струны. Труба северного ветра издала длинный, тягучий звук. Струны лопнули. Туман расслоился на полосы, горбом встал над самым большим островом. Где-то далеко струны ударили по воде, и пенные гребни побежали в разные стороны.

Сползли с берега и растаяли в туманной дымке катамараны, уплыл в темную ленту, протянувшуюся по восточному горизонту, второй кораблик.

С моря напознала морось. Воздух напITYвался сыростью. Неждан с подозрением поглядывал на морскую деву. От костра летели возгласы. И слова «слишком влажно», что-то там «может испортиться». Очень уж нежным оказался этот «фагот». Куда уж ему до пастушьей дудки. Или балалайки.

На гитаре тоже никто не сыграл. Люди строили планы: рано утром собирались на Олёшин смотреть лабиринт, вот там они уж обязательно устроят концерт. Но Неждан знал — не устроят. Утром, судя по закату, туман падет. Скалы станут мокрыми, к лабиринту люди не попадут.

Закат золотил скалы, волны накатывались на песок, солнце висело над протокой и мостило по воде оранжевую дорожку. Ветер почти стих. На востоке серая полоса наливалась синью. Не просто так сорвались с пляжа диковинные птицы — катамараны. Непогода шла к островам.

Иннокентий презрительно поджимал губы. Неждану и Марианне до Олёшина добраться — пустяк, а ему с Немецкого туда дорога заказана. Даже те несколько миль, что отделяют дальний остров от его нынешнего обиталища, непреодолимы для призрачного тела. Только здешние скалы поддерживают силу

---

в легком мареве, оставшемся от бравого офицера и смиренного монаха. Способен он сейчас на малое, но сил отомстить обманщикам хватит. Если он музыку не услышит — не услышат ее и другие.

Ночью к островам подкралась морось, белесое марево укрыло палатки плотным покрывалом, теперь даже кораблик в заливе не увидеть, а уж плыть между островами и скалами никто не решится. Одно не учел Иннокентий: глаза, чтобы вести корабль, людям сейчас не особо нужны. У них приборы есть, что и над водой, и под водой видят.

Неждану, так же как и монаху, ночной сон был не нужен. Он смотрел на ползущие с моря серые полосы и вспоминал шторм, погубивший его корабль. Тот тоже начался с густого тумана. Ох! Рассердится морской царь на непутевую дочку. Когда, опережая восход солнца, хлынул дождь, старый кормщик разбудил Марианну.

— Шторм идет, — сказал он. — Если хочешь музыку послушать, плыви домой. Уговаривай батьку море успокоить. Только...

Неждан замешкался — просить о таком душа морехода противилась. Но иначе уплывет кораблик, увезет и людей, и песни, и... фагот этот Иерихонский.

— Надо, — выдавил Неждан, — чтобы волны их сюда обратно развернули, а море утихло.

— Сделаю, — не задумываясь, бросила русалочка, скользнула в воду, и только хвостик блеснул сквозь серое марево.

А Неждан с тоской смотрел на берег, где люди спешно сворачивали палатки и паковали вещи. И проклинал эту быстроту. Если бы помедлили, не торопились, совсем бы от островов отойти не смогли. А теперь в разгар шторма в самом опасном месте окажутся. Больно у них маленький кораблик. Ненадежен. Не погубит ли он людей своей просьбой?

---

Нырнул в пелену дождя маленький кораблик, и Неждан огляделся, ища соседа. Но где ж его углядишь? Один туман среди другого не распознать. Только тут старый кормщик вспомнил, что монах ушел, едва люди разбрелись по палаткам. Буркнул что-то и исчез среди валунов. А обратно не вернулся.

Не привык кормщик следить за другом, но на душе было беспокойно. Всевидящий камень позволял многое, но и ему надо подсказать, куда смотреть. Или на кого. Только вот этим «кого» Иннокентий уже не был.

Нескоро Неждан отыскал пропажу.

Иннокентий стоял на самой высокой скале в странной позе. На коленях, голова запрокинута, обе руки вздернуты к небу. Молится? О чем может просить Бога монах, не наученный смирению? Монах, в сердце которого живет память офицера.

— Ты что творишь?! — раздался громкий шёпот в ушах.

Иннокентий вздрогнул и невольно оглянулся. Здесь, на вершине острова, в такую погоду не должно быть никого. Не доберется сюда человек. Человек! Но Неждан давно перестал быть просто человеком. Он стоял у кромки скалы, тридцатиметровым обрывом уходящей вниз. К тому месту, где люди собирались устроить сцену. Где вчера должна была звучать музыка. Музыка над морем. Которая не зазвучала. Злость поднималась в душе. Не будет больше этой музыки. Ни для кого!

— Ты что творишь? — повторил Неждан, и странные нотки в его голосе удивили Иннокентия.

Прежде он не видел старого кормщика в таком гневе. Даже когда два года назад глупенькая русалочка начала допытываться, почему тот не заходит в гости во дворец. Неужели непонятно — не осталось там

---

у Неждана ничего притягательного, только отталкивающее.

Видно этот гнев и помог старому кормщику влезть по почти отвесной скале. Немолод Неждан. Но та женщина из гостей, которая вчера здесь поднималась, старше смотрителя острова, сохранявшего силы пятидесятилетнего все долгие годы.

Иннокентий опустил руки и поднялся на ноги. Не стоять же на коленях перед кормщиком. Монах надеялся, что молиться можно перестать, произнесенных слов должно хватить, чтобы Бог его понял. И исполнил мольбу.

— А женщины? А ни в чем не повинные ребятишки? — спросил Неждан. — Их чуть больше двадцати — мужчины, женщины, дети. Ты хочешь их смерти. Чем они тебе не угодили?

— Они дали слово! — выкрикнул Иннокентий. — Их долг...

— Их долг — хорошо выполнять свою работу. А твой? Реши наконец, кто ты. Долг офицера — это одно. Долг монаха — совсем другое.

— Но есть у всех один долг! СЛОВО надо держать! — голос Иннокентия опять сорвался на крик.

— Держать? Перед кем? Передо мной? Перед тобой? Кому они давали СЛОВО? Поговорили и забыли.

— Как можно забыть...

— Я с самого начала сказал, что они — странные люди. А главное — сюда отдыхать плыли. И концерт этот для них — развлечение. Они не ярмарочные скоморохи. Те будут играть на... дуде, балалайке... На чем угодно — хоть на собственном голосе. Лишь бы зрители остались довольны. А этим не нужны зрители. Петь будут — для своего удовольствия. А больше всего им нравится придумывать разные истории.

---

— Как нашей русалочке?

— Понял наконец, — Неждан опустил на камни и тяжело вздохнул.

Где-то далеко маленький кораблик боролся со штормом, но именно в эту минуту многим стало легче. Будто тяжелый груз упал с души. Странные сны обрели счастливый конец.

— Но она же совсем ребенок, — выдавил Иннокентий, — нельзя с ней взрослых людей сравнивать.

— Нужно. Современные люди сильно похожи на детей. Своенравных, капризных детей. Они ждут, чтобы им дали, научили, поиграли с ними. Они хотят нравиться. Ими управляют слова не «нужно» и «должен», а «хочу» и «надо». И чаще это — «я хочу» и «мне надо». Иногда в «я» вмещаются друзья и родственники. И они очень любят словечко «бы», упускаемая из виду, что ведет оно корни от слова «было».

Неждан смотрел на темный горизонт, где только начал зарождаться рассвет. Туманный столб, чуть колышимый ветром, замер рядом. Иннокентий думал. Солнце пробило тучи острым лучом, разорвав оковы непогоды, повисшей над Белым морем.

— И откуда ты такой мудрый? — тихий голос, как шелест ветерка в листочках маленькой березки, угнездившейся в камнях на самой вершине.

— Проживешь с мое, и не таким мудрым станешь. Ты ведь у нас человек ученый. Но лучше не надо.

— Что — не надо?

Неждан промолчал. А когда второй луч поднимающегося из серой дымки светила мазнул по вершине, проговорил:

— Надо уметь оглянуться. Они оглянулись, — и совсем другим голосом. — Они возвращаются. Пошлика домой.

Домой означало вниз. К своим камням.

«Ты вот что, Беломорочка, не гони волну», — вспомнилась любимая присказка Неждана. Сейчас русалочка именно гнала волны, а те несли кораблик обратно к островам.

«Беломорочка»... нравилось ей это прозвище. Как хорошо, что она родилась именно здесь, в Беломорье. Хорошее имя дали люди ее дому! Звучное, напевное. Не то что какое-нибудь Северное. Северных морей много, даже если это слово написано с большой буквы, от него веет безразличием и холодом. А могла родиться в Желтом море. Ее мама чуть не отправилась в жены к тамошнему царю. Желтоморочка... Бр-р-р! Не хотела бы Марианна так прозываться. А вот имя маминой родины ей нравилось — Балтика. Сильное звучное, как удар колокола, висевшего в самой высокой башне соседних островов. Еще хорошее прозвище у троюродной сестренки — Черноморочка. А вот дом ее русалочке не понравился. Черный, мрачный, прячущийся в струях черной воды. Это хорошо, что в струях. Не будь этого движения, ко дворцу черноморского царя было бы не добраться. Но проход был — один и очень узкий.

Так же, как и проход в порт, куда не смог попасть маленький кораблик. Спокойная вода — вот она, совсем рядом, а путь к ней преграждают гигантские валы, несущие кораблик к скалам. Будто скорлупу южного ореха. И способные расколоть его, как эту хрупкую скорлупу.

— Как тебе удалось заставить их вернуться? — спросил Иннокентий, когда довольно улыбающееся личико показалось над поверхностью.

Русалочка рассмеялась, серебристое тело блестело на солнце. Кусочки пены зацепились в ожерелье и сияли подобно алмазам.

---

— Я ветер попросила. Он тоже трубу, что звучит красивой Бореевой, послушать хотел. Ветер тучи нагнать и волны поднять без отцовского приказа смог. Ветру никто не указ.

Неждан окинул внимательным взглядом морскую деву с ног... хм!.. с хвоста до головы. Умнеет на глазах. Под руку разозленного чем-то отца, а разозленного крепко — буря к островам ползла нешуточная, не полезла. Сама справилась. И все как надо устроила.

А может, не нужно было ей плавать к отцу? Старый кормщик взглянул на гордо улыбающуюся русалочку. Ох! Необычная буря родилась сегодня. Не сама ли Марианна ее устроила?

Плавный речитатив вплетался в мелодию. Музыка заполняла паузы между словами, оплетала фразы. Тихо переговаривались волны между камней на берегу, чуть слышно шлепали пенными плавниками о камни. Ветер едва касался листочков, проросших в трещинах березок, и листочки шептали: слыш-шим, слыш-шим.

Слушала мелодию и русалочка. Слушала и вздыхала.

**Михаил СТРЕЛЬЦОВ**  
(Красноярск)

**Шутки Севера**

Север начал над нами шутить почти сразу. Хотя в Москве ничто не предвещало. Вернее как. Мы совсем ничего не знали о том, как и куда едем и что с нами приключится. Но и до этого мы с Татьяной Шнар покоряли вдвоём черноморское побережье как участницы «Волошинского сентября». И на Петроглиф знакомых тоже ехало. Оттого витало спокойствие — на этот раз не вдвоём, а в группе. При помощи душного летнего вагона поезд нёс нас от Москвы хорошей компанией. И незнакомые ранее писатели, встреченные в Петрозаводске, весьма быстро становились близкими, потому как Север расслабляться не давал.

Оказалось, что ехать до Беломорска где-то часов пять. В трех микроавтобусах, заказанных для нас от вокзала, и сами, и сумки разместились с трудом, в случайном порядке. Что потом и сказалось. От Беломорска в определенное время отходила единственная на тот день электричка до села Нюхча, где нам предстояло жить несколько дней, и непременно надо было на неё попасть. И, казалось бы, всё распланировано. Но Север уже начал шутить...

Избалованные мы, короче, в сибирях наших. И такое скажу: у нас, если есть желание по дороге пе-



---

рекусить и бензина в бак набулькать — проблемы по трассе не представляет. Тут либо Карелия — совсем медвежий уголок, либо трасса от Петрозаводска до Беломорска такая. За пять часов пути было только одно кафе, где нам предстояло подкрепиться, а бензоколонок на всём протяжении трассы оказалось только две. Что и стало проблемой, когда началась гроза. Во время которой единственная оставшаяся на пути бензоколонка отключила свет. И среди прочих жажущих топлива для баков застряли в неопределённости. По ходу дела мы должны были полюбоваться на наследия древних людей: наскальную живопись — петроглифы, а на обратном пути — посетить древние лабиринты. И в обоих случаях погода нам яростно мешала.

Получив всё же необходимое топливо, понеслись на нужную электричку, чтобы не опоздать. Тем временем выяснилось, что автомобиль организаторов сломался в дороге, и они подсядут в электропоезд на другой станции. Перепутались по авто вещи и их хозяева. И тут надо отдать должное ответственности петрозаводчан Сергея Пупышева и Дмитрия Скирюка, с которыми мы организовали и погрузочные дела и организацию участников фестиваля, оставшихся временно без руководителей. Совершенно уверен, что так же слаженно внедрилась в электропоезд и отставшая группа. С которой мы встретились уже в вагонах, под стук колёс переселяясь на несколько дней в загадочное селенье Нюхча.

О значимости и важности мероприятий, которые проходили во время фестиваля — уверен — основательно расскажут другие. Мне же хотелось бы пояснить, что «Петроглиф — 2016» предложил его участникам-писателям всевозможные испытания, проверки на прочность. Возможно, от этого станет

---

ценнее то, что они рассказывали на встречах с желающими их услышать; то, с чем они посетили Поморье. К примеру, самолётом, метро, поездом, автомобилем, электричкой мы, красноярцы, добирались в Нюхчу почти двое суток. И не предполагали, что обратный путь будет ещё сложнее. Но — парадокс — легче. Потому как Север — место силы. Шутя, он многих под дружил, спаял, соединил в единое целое.

Коммунизм начали строить непосредственно в Нюхче. Проживая в частных домах, большинству предстояло самостоятельно заботиться о своём быте. Ну тут — кто как сумел. При том вкуснейшими обедами и ужинами питались опять-таки сообща в столовой местной школы. Но в целом Нюхча — посёлок крепких и зажиточных людей. Зарплаты и пенсии там платятся по северным меркам. Живёт в Нюхче триста человек с небольшим. Разумеется, есть и брошенные дома, но очень немного. На лето в Нюхчу съезжаются дачники из Петрозаводска, где и проживают подолгу. Как правило, это пенсионеры с внуками. Вот и нашим хозяевам четверых внуков подкинули. И дом, где мы разместились, как раз являлся расстраивающимся под дачу их сына объектом. То есть из старого дома достраивался в более большой. Хозяева наши жили отдельно, неподалеку. Так что мы обитали собственной небольшой коммуной. Другим повезло меньше. Или больше. Как посмотреть. Они жили непосредственно с хозяевами.

На самом деле каждый из гостей для меня стал открытием. В знакомых в экстремальных условиях раскрывались удивляющие стороны характера, незнакомцы ранее — очаровывали. Про любого хочется написать не то чтобы рассказ, но целую повесть. Но даже эпитетами я бы исписал несколько страниц. Оттого поверьте на слово: среди ярких, обаятельных,

---

энергичных, самоироничных людей находиться было и непросто, но и невероятно весело и приятно. Но, пожалуй, только гостеприимная наша хозяйка Надежда Семёнова, всегда мудро улыбающаяся, словно воспитательница детского садика, наблюдающая за малышами, единственная знала, что происходит на самом деле. Как ни старался заранее предупредить нас основавший фестиваль Володя Софиенко, да кто ж ему поверил бы за сотни, а то и тысячи километров от Поморья и Севера? Да и разве объяснить словами? Север надо почувствовать, ощутить всеми порами. И только тогда осознать, что это уже названное — Место Силы.

Да, каждый любит свой город, знает о нём многое, вырастает в него. Но нас собрали (хочется даже сказать — выбрали, отобрали), чтобы показать ненасытному Северу, чтобы он каждого рассмотрел и дал главное, что нам было нужно. Недаром чуть выше я пошутил про коммунизм. Отсеяв основную группу, отправив её (так же не без приключений) в Петрозаводск, а позже — по домам, прибывшим на архипелаг Кузова — было подарено, на мой взгляд, давно утерянное. Общность, сообщество. Оказавшись вне цивилизации, люди не рассорились, не передрались за воду (которая была в дефиците), за пищу, за сахар с кофе, а проявили невероятную сплоченность. Каждый старался быть чем-то полезным другим. Наловили рыбы, собирали грибов, нашлись умелые кашевары. Мне же как-то выпала добыча воды. И группками, общностями, тем не менее, путешествовали по Немецкому Кузову, ещё не веря, но уже затягиваясь в исследование этой невероятной Силы, некогда притянувшей древних людей и заставившей сотворять их рукотворные чудеса. Плато сейдов, обелиски на горе. Пока я проходил по огромным валунам (попутно не забывая нагибаться за вкуснейшей черникой), взбираясь по

---

отвесной скале, меня не оставляло удивление, что всё это могу, что не устаю. Там, Красноярске, уже примеривая возраст на болячки, и представить себе не мог, что ещё способен на такие физические нагрузки.

Кончилось всё как водится — дождём. Он коварно залил мне палатку, под ним — нудным и ехидным — на шлюпках погрузились на наш пароходик и двинулись навстречу вообще не поддающемуся объяснению. Это надо было же так умудриться совершенно сухопутному человеку из середины Сибири оказать в шторме посреди Белого моря! Можно рассказывать с ужасом, но проще с иронией, как нас проболтало десять часов, а всего в море провели около двадцати. Как ко всякому явлению выше собственных сил, к этой ситуации можно отнестись по-разному. Позже говорили, что мы могли погибнуть. Но я в это ни секунды не верил. Наверное, потому, что жизнь и так постоянно трясла и качала, что даже морская болезнь не взяла. Вот если бы взяла, возможно, был бы более пессимистичен. Однако вместе со всеми принялся увещевать морского духа: концерт на палубе после шторма останется одним из самых ярких воспоминаний.

Когда же вернулись в Петрозаводск на какое-то время перебазироваться до отбытия из города на квартире у Софиенко, Север пошутил ещё разок. Чисто по мелочи, мол, показать: я вас отпустил, но я вас запомнил. Лифт ненадолго взял да и перестал работать. Оглядывая свой скарб, понимали, что бессильны его задрать на высоченные этажи. Но шутка была пусть и вредненькой, но короткой.

Позже я ещё четыре дня провёл в Москве, решая всевозможные деловые вопросы. Очень много гулял. Не уставая. И потом до ноября ещё удивлялся своей физической прыти, пока пропитавшая меня сила Севра не начала иссыхать.

## Ольга РОГОВАЯ

(Дзержинский, Московская область)

### Запах вечности

Маша медленно шла по старым улочкам Праги, разглядывая и фотографируя здания. Она свернула за угол барочного дома с богато отделанным фасадом и оказалась в переулке — таком узком, что две машины не смогла бы разъехаться. Тихая улочка Маше понравилась, захотелось немного пройтись по ней. Вскоре высокие нарядные здания с яркими вывесками сменились низкими, будто вросшие в землю домиками с лавочками под сенью старых лип. Маша остановилась перед витриной магазина. На широком подоконнике вплотную и без всякого порядка были выставлены разные предметы. Бронзовые подсвечники, старинные лампы, очки, фарфоровые чашки и даже облезлое чучело совы, которое едва ли кто-то купит. На некоторых предметах белели бумажки с цифрами. Цены показались приемлемыми, и девушка толкнула дверь.

— Hello, — поздоровалась Маша. — Can I come in? <sup>1</sup>

— Good afternoon. Please come in, <sup>2</sup> — ответил низкий мужской голос, и из-за прилавка поднялся высокий крепкий мужчина.

---

© Ольга Роговая

<sup>1</sup> Здравствуйте! Можно войти?

<sup>2</sup> Добрый день. Входите, пожалуйста.

---

Матово-бледное лицо, прямой нос, жгучие пронизательные глаза, окладистая черная борода и крупные брови произвели на Машу приятное впечатление.

«Ему бы с такой колоритной внешностью в театре играть», — отметила она про себя.

Помещение оказалось значительно просторнее, чем можно было предположить, находясь на улице. Большая комната вся заставлена шкафами, полками, забитыми всевозможными предметами и книгами, на плечиках красовались старинные платья, на полу лежала домашняя утварь, бывшая в обиходе сотню, а то и более лет тому назад, на стенах висели картины и портреты. В одной из витрин размещались ножи, кинжалы, шпаги, мечи; всё потемневшее от времени, в ржавых пятнах, похожих на запекшуюся кровь.

Маша подошла ближе, и ей почудился шум битвы, стоны жертв. С первого же взгляда становилось ясно, что это не декоративный изыск, а настоящее боевое оружие. Маша поспешно прошла вперед, не желая слушать его кровавые истории. Остановилась у темного, сильно попорченного по краям, с опаловыми разводами зеркала в великолепной резной раме.

— Работа флорентийского мастера, семнадцатый век, подлинный шедевр раннего барокко, — сразу подсказал продавец на хорошем русском языке. — А вы не суеверная, не боитесь смотреться в старинные зеркала.

— В детстве я читала сказку «Аленький цветочек». Так вот, в этой сказке одна из дочерей просит отца привести ей из заморских стран зеркало, чтобы глядя в него она не старилась и красота ее девичья прибавлялась. Это потому, что зеркало отражает образ, делает из одного два — иными словами приумножает. Зеркало, что висит у вас, за свой век видело множество

---

красавиц, значит, запечатлело, накопило их красоту и вполне может поделиться немного со мной.

Маша кокетливо повертелась перед зеркалом. Ей нечего было стесняться. Высокая и стройная, она выглядела великолепно даже в шортах, футболке и кроссовках. Очаровательные ямочки на щеках, светлые волосы, которые подчеркивали глубокую синеву глаз, обрамленных темными ресницами. Продавец раскатисто рассмеялся. Было заметно, что он оценил шутку.

— Как вы догадались, что я из России?

— Я давно стою за этим прилавком, вижу много людей, делаю выводы.

— Вы очень хорошо говорите по-русски. Учились у нас?

— Нет. Я говорил на вашем языке с рождения; моя бабушка из России, а много лет тому назад мне повезло работать в Хорезме с археологической экспедицией. В те годы Узбекистан входил в состав СССР, и все говорили на русском. Раньше я раскапывал старинные вещи, теперь вот продаю, — продавец широким жестом указал на витрины.

— А я учусь на историческом отделении пединститута.

— Любите историю?

— Да, но еще больше красивые и редкие вещи с историей.

— Тогда вам непременно надо посмотреть мой товар. В жизни вещей случаются события более интересные, чем в судьбах людей. Ведь вещи живут дольше и успевают много чего повидать. И у них много предназначений. Я заметил, вы поспешно прошли мимо витрины с оружием, вас пугает его вид? Но ведь оружие может вершить судьбы, спасать жизнь, избавлять от гибели.

---

— Это не меняет его сути: так или иначе, оно предназначено убивать.

— Вы по-своему правы. Так какая эпоха вас интересует?

Он сделал движение к шкафу, где были выставлены старинный фарфор, кубки и кувшины из драгоценных металлов.

— Я студентка, денег у меня мало, если что-то... скромное. Вот, например, я вижу у вас старинные пузырьки.

Маша подошла к витрине, где красовались флаконы. Стекланные — различных форм, стилей, размеров, с этикетками и без, с красивым орнаментом, гербами; а также из чистого хрусталя — с золотыми или серебряными пробками, украшенные драгоценными камнями или обрамленные в бронзу. У самой стены стояли амфоры из золота и серебра со сканью и эмальями. Маше понравились пузырьки в стиле «Модерн». Их стенки были украшены изображением нимф, русалок, различными реальными и вымышленными узорами, жучками, птичками, бабочками.

— Это флаконы от духов?

— Женщины, что заходят в мой магазин, всегда пахнут духами. Причём, духи обычно те, что модны в данном «сезоне». Также следуя моде, женщины охотно покупают у меня старинные флаконы и ставят на свои будуары между современной косметикой. В этом есть определенный шик. Но что современная молодежь знает о духах? Вот вы?

Маша неопределенно пожала плечами:

— Разве это плохо — приятно пахнуть?

Продавца такой ответ, видимо, не удовлетворил, и он продолжил:

— Запах у каждой женщины должен быть свой, индивидуальный, подходящий только ей. Духи — это



---

тайна; они могут обольщать и дарить наслаждение. Духи — это загадка: они пахнут по-разному на разных людях, в разное время, при разной погоде. Духи могли быть ядом, как во времена царственных отравителей семейства Медичи, и приворотом — греческие и римские красавицы древнего мира использовали сладостный аромат как магию. Запах влияет на людей так же, как и звук, цвет, объем. Таинственный, сладостный мир запахов манит к себе. И у этого волшебного мира есть своя история.

Маша указала на небольшой пузырек из белого матового стекла с бронзовым распылителем, аккуратным поршнем и ручкой. Вещь была изящной и красивой.

— Сколько? — не удержалась Маша.

— В тысяча восемьсот семидесятом году Брийя Саварен изобрел пульверизатор. Этот — один из первых. Прошу двести евро.

Маша взяла в руки флакон. Перед глазами предстали белые мосты, розоватый дворец Дожей, кирпично-красная Кампанелла, широкая лента Гранд Канала, пароходы с желтыми бортами, курсирующие в Лидо, Мурано и Кьоджа, и бесчисленное множество гондол, барок и лодочек.

Венеция. На залитой солнцем площади толкался народ: гондольеры в черных штанах и белых рубахах, подпоясанные цветными поясами; женщины, одетые пестро и нарядно; карабинеры в огромных треуголках с трехцветными помпонами; кавалеры в своих колпачках и полицейские в мрачно-черных костюмах, с черными касками на головах.

Молодая красивая венецианка пересекает площадь, сворачивает к каналу. На ней чёрное платье из плотного шелка, талия затянута корсетом. Она припудрена, завита, в перчатках, в шляпке, с веером. На ней

---

великое множество драгоценных безделушек: серьги, кольца, колье, брошка, браслет. У пояса висят мешочки из плюша, зеркальце, флакончики и еще что-то, приделанное к кушаку на длинных серебряных цепочках. Маша где-то читала, что венецианки в прошлом веке, выходя из дома, всегда одевались как на праздник.

Венецианка идет по пустому переулку. На противоположной стороне канала возвышается стена, вся поросшая плющом. Каменные ступени, размывые водой, искрошились, покрылись плесенью, как и столбы для причаливания гондол. Взгляд женщины непроизвольно задерживается на витрине со всевозможными флаконами, амфорами, серебряными сосудами. Подумав немного, она заходит в лавку. За закрытыми решетчатыми ставнями темно и сыро, как в погребе, душно пахнет фиалкой и чем-то сладким, восточным. С улицы доносится плеск весла, затем какой-то странный гортанный звук.

— Гиа е... гиа е...

Этот крик, предупреждающий о столкновении лодок, похожий на крик ночной птицы, издает гондольер, стоящий на узкой и высокой корме своего черного суденышка. Венецианка держит в руках тот же самый флакон.

Маша открыла глаза:

— Для меня это дорого. Хотя вещь интересная.

— Тогда обратите внимание на этот пузырек из до-революционной России.

Продавец открыл флакон, на дне которого еще сохранились остатки духов, закрыл рукой этикетку.

— Как же замечательно пахнет весной, сиренью, — восхитилась Маша.

Продавец убрал руку, показал название. «Персидская сирень», «Брокер и К°».

— Это произведение по достоинству оценили

---

французы: духи получили не только популярность, но и наивысшую награду — Большую золотую медаль по разделу изящной и гигиенической парфюмерии на Всемирной выставке в Париже.

— А-а, вспомнила, — улыбнулась Маша. — Это тот Брокер, который устроил фонтан из одеколона на Всероссийской промышленно-художественной выставке в Москве. Вот уж удивил, так удивил. В газетах того времени писали о фонтане, как о чуде из сказки о царе Салтане. Люди собирали дармовой одеколон в банки, а самые смелые снимали с себя верхнюю одежду и окунали в фонтан. Дело дошло до конной полиции.

— У вас прекрасная память. Этот запах вы тоже должны узнать.

Продавец открыл темно-красный флакон с портретом русской императрицы на этикетке. Он был полон. Маша вдохнула нежный аромат:

— Что-то очень знакомое, из детства. Кажется, у мамы были такие.

Маша говорила, а сама сомневалась в правдивости собственных слов. Родители антиквариатом не интересовались. К маминым духам, которые стояли на стареньком трюмо, Маше строго не разрешалось прикасаться. Но когда дома никого не было, она открывала крышки, нюхала и ставила на место. Душиться боялась: вдруг мама заметит. Теперь ей казалось, что такие духи у них точно были.

— Вполне возможно, — неожиданно развеял ее сомнения продавец. — К трехсотлетию дома Романовых фирма «Брокер и К<sup>о</sup>» выпустила духи «Любимый букет императрицы». После революции их выпуск продолжили в Советской России, только название поменяли. «Красная Москва». Кстати, в этом флаконе находится именно «Красная Москва». Я купил их в

---

Узбекистане, а потом перелил в дореволюционную упаковку.

— Верно, такие духи у мамы были. Вы так много знаете о нашей стране, — поразила Маша.

— Я же сказал, моя бабушка — русская. Она девушкой уехала из России после революции, поэтому меня всегда интересовала ваша история.

— Сколько же вам лет? — удивилась Маша.

Мужчина выглядел самое большее на пятьдесят. Продавец рассмеялся:

— Я живу среди редких вещей. А пространство и время для предметов старины не существует.

— Извините, — смутилась Маша, — как-то случайно вырвалось.

— Если сказать правду, то мне больше нравятся запахи другой русской фирмы, — продолжил продавец. — Вот, рекомендую. — Он вынул из шкафа изящный флакон. — Вы слышали про такую парфюмерную фирму «А. Ралле и К<sup>о</sup>»?

— Если не ошибаюсь, после революции это предприятие было национализировано и переименовано в фабрику «Свобода». Но там выпускали только мыло, зубные порошки и никаких духов и одеколонов.

— Я не знаю, что у вас выпускали на этом заводе после революции, но товарищество «А. Ралле и К<sup>о</sup>» в свое время было известно на весь мир. Компания имела шестьдесят высших наград на международных выставках. Многие современные парфюмерные фирмы могут только позавидовать подобному успеху.

Продавец протянул пузырек. Маша с интересом разглядывала нарядную этикетку, на которой были изображены парящие ласточки, царский герб, подтверждающий, что производитель является официальным поставщиком Двора Его Императорского Величества, два букетика цветов.

---

— Цветочный одеколон «Веяния Весны», «А. Ралле и К<sup>о</sup>», Москва, — вслух прочитала Маша. — Ой, как интересно, здесь герб не только на этикетке, но и на пробке.

— Это обычный флакон, так сказать массовое производство. Но фирма создавала и эксклюзивные духи, которые выпускались малыми сериями, а то и просто в единственном экземпляре по специальному заказу. У таких духов и упаковка была соответствующая. Высокохудожественные произведения, изготовленные на ювелирных фирмах Карла Фаберже, Ореста Курлюкова, Якова Мишукова. Флаконы Михаила Перхина и Генриха Вигсрема я могу показать вам только в каталогах или копиях, но кое-что у меня есть. Полюбуйтесь — «Букет Наполеона».

Продавец достал пустой флакон с портретом французского императора на этикетке.

Маша вынула стеклянную крышку, понюхала. И вдруг ясно представила молодого мужчину, мчавшегося во весь опор на коне. Воротник его шубы был надушен духами «Букет Наполеона». Мороз сделал запах более сухим, дерзким. Поземка переметает дорогу, почти заносит ее. Видно плохо.

«Как бы пурга не разгулялась...»

Мужчина посмотрел на небо. Между тем, снеговая белая туча быстро поднималась, росла и вскоре заволокла все небо, закрыла густой пеленой последний свет вечерней зари. Раньше времени наступила ночь. Пошел сильный снег. В привычном завывании ветра теперь слышались то плач ребенка, то вой волков. Кажалось, снег не только падал сверху, но и поднимался с земли, превращая все вокруг в сплошную белую кашу, скрывая горизонт, и уже трудно было понять, где небо, а где земля. Пурга засасывала мужчину, топила в черной пучине.

---

«Заблудиться я не должен, — с отчаянием подумал он, — поместье недалеко».

Но дороги нет, под копытами лошади хрустит наст или преграждают путь высокие сугробы.

Мужчина спрыгнул с лошади, сделал несколько шагов в одну, затем в другую сторону, пытаясь нащупать ногой в мягком снегу жесткую полосу дороги. Все безрезультатно. Сердце учащенно забилось. Сколько раз он слышал, что в пургу люди погибают не от холода, а от страха. Буран свирепел, ветер со страшной силой нес снег, сбивая с ног.

«Я выберусь. Я сильный. Меня дома ждут».

Эти мысли и будоражащий запах духов придали ему силы. Он пошел вперед, и вдруг ноги почувствовали твердую дорогу.

Вскоре он подъехал к крыльцу своего дома. На встречу выбежали люди, узнали, обрадовались. Мужчина вошел в слабо освещенную переднюю. Двери на втором этаже с шумом распахнулись, в ярко освещенном проеме появилась молодая женщина. Невысокая, тоненькая, прелестная шатенка с огромными темными глазами. Мужчина бросился к ней бегом по лестнице, шуба упала с плеч...

— Пахнет, — изумилась Маша. — И как приятно. — Она зашмыгала носом, будто собиралась вынюхать все до конца. — Неужели запах сохранился по прошествии стольких лет?

Продавец ухмыльнулся, забрал пузырек, плотно закрыл крышку:

— Конечно. Ведь создал эти духи великий парфюмер Эрнест Бо. Тот самый, что изобрел «Шанель № 5».

— Не может быть, — несказанно поразилась Маша; от удивления у нее даже глаза расширились.

— Вы не знали, что «Шанель» создал русский?

---

— Я была уверена, что парфюмер — француз.

— Он и был немного французом: его предок — Жан-Батист Бо, наполеоновский солдат, попавший в плен и осевший в России.

С тысяча девятьсот седьмого года Эрнест Бо становится главным парфюмером фирмы «Ралле и К<sup>о</sup>». После революции он продолжил заниматься любимым делом — парфюмерией — на заводе Ралле в Грассе. Фаворит Габриэль Шанель Дмитрий Романов — к слову сказать, представитель царского рода, великий князь, внук Александра II и соучастник убийства Григория Распутина — знакомит её с бывшим придворным парфюмером семьи Романовых Эрнестом Бо. Габриэль даёт согласие на проект, и Бо принимается за работу. Он создаёт ряд пробников под номерами, с разными комбинациями ингредиентов, но во всех присутствовали альдегиды. В пятом пробнике он сумел соединить в одной парфюмерной формуле рекордное количество различных альдегидных молекул. Коко выбирает именно его. Так появились духи под названием «Шанель №см 5». Великая Габриэль первая выпустила духи под своим товарным знаком. Так аромат духов дополнил линию одежды.

— Я, честно признаюсь, не знаю, что такое альдегид.

— В те времена для изготовления духов использовали только натуральные ингредиенты: спиртовые вытяжки и настойки всевозможных цветов, листьев, корней, мускус, амбру. Поэтому все ароматы были достаточно предсказуемыми, нестойкими и в большинстве своем обладали запахом, абсолютно идентичным запаху конкретного цветка. Альдегиды — это искусственные химические соединения, которые разнятся по химическому строению и, как следствие, по запаху.

---

— Я люблю эти духи. Запах свежий, интригующий, так и веет тайной.

— Вы правы.

Продавец загадочно улыбнулся и подошел к шкафу, где на полках теснились старинные тома в кожаных переплетах, а наверху стояли темные бронзовые скульптурки. Машу поразили черные, с зеленой патиной головки богов, возможно, позднеантичные, с глазами, инкрустированными ониксом. Продавец достал журнал, положил его на низенький столик, придвинув два стула.

— Садитесь, — гостеприимно пригласил он. — Я принесу кофе.

Маша опустилась на стул. Только теперь после разговора о духах она почувствовала, как замечательно пахнет в магазине. Это и сухой запах книг, так любимый ею; и что-то цветочное от женских платьев; и мускатное, терпкое от старых флаконов; амбровое, будоражащее, призывающее к действию от оружия; и нежное восточное от персидского ковра. Ко всем этим ароматам прибавилось благоухание черного кофе, который хозяин магазинчика принес в чашках тонкого фарфора. Продавец сел напротив, показал название журнала — «Industrie de la Parfumerie» за октябрь тысяча девятьсот сорок шестого года — и стал читать, переводя на русский:

— «Меня часто спрашивают, как мне удалось изобрести "Шанель № 5"? Отвечаю: я создал эти духи в тысяча девятьсот двадцатом году, когда вернулся с войны. Часть моей военной службы прошла на Севере, за Полярным кругом. Во время летнего полярного дня озера здесь излучают особую свежесть. Этот характерный запах я сохранил в памяти, и после с большим трудом мне удалось воссоздать его, хотя поначалу альдегиды новой композиции были очень неустойчивы...»



---

— «Шанель № 5» пахнет так же, как озеро? А в каком районе он воевал? — спросила Маша.

— Архангельск, Мурманск...

— Кольский полуостров?

— Что вас так удивило? — спросил продавец.

Он закрыл журнал и с нескрываемым интересом смотрел Маше в глаза.

— Это необычное место. Многие ученые считают, что на Северном полюсе существовала высокоразвитая цивилизация Гиперборея — прародина современной цивилизации. Причина гибели Гипербореи доподлинно неизвестна. Но после того, как их остров ушел под воду, люди перебрались на близлежащие земли, в первую очередь на Кольский полуостров.

— Вы в это верите?

— Да, и меня поддерживают ученые древней Индии, Греции, Персии. О Гиперборее писал Плиний Старший как о реально существующей стране, — бойко защищала свою теорию Маша. — И все они считали, что после катастрофы гиперборейцы переселились именно на Кольский полуостров.

Продавец улыбнулся.

— Поиски Гипербореи неоднократно предпринимались в России, — не сдавалась Маша, ей очень хотелось убедить продавца. — В начале двадцатого века на дне Сейдозера Кольского полуострова российскими исследователями под руководством Барченко были найдены остатки древних строений и подземных ходов, а в окрестностях озера — многочисленные петроглифы на древнеиндийском языке. А совсем недавно на полуострове нашли пирамиды.

— Я обо всем этом читал. И тоже верю в существование древней цивилизации, — произнес продавец и снова улыбнулся.

— А я была участницей Международного литера-

---

турного фестиваля «Петроглиф», который проводится в Карелии.

— Вы пишете стихи?

— Да, — засмушалась Маша.

— Не сомневаюсь, что Карелия вас покорила.

— Вы не представляете, как там было здорово. Мы не только принимали участие в мастер-классах, семинарах, но и знакомились с культурой народов Севера, видели выступление фольклорных коллективов, нам читали карело-финский эпос «Калевала», — выпалила Маша, довольная, что ее старания не пропали даром. — Были на Сейдозере, Левозере и еще несколько озерах.

— И чем там пахнет?

Маша сдвинула брови, вспоминая.

— У меня не такое тонкое обоняние, как у Эрнеста Бо, но воздух в горах почему-то пах арбузом, а сами озера свежестью. Эти озера не только пахнут, но и светятся, звучат и... — Маша немного замялась, — очень сильно пугают.

— Пирамиды видели?

— Нет, только читала в интернете об экспедиции Демина, а вот каменные ступени, кубы, шары на постаментах, шаманские сейды, огромные монолиты на ножках, гигантские пещеры, при входе в которые сердце цепенеет от страха, да.

— Не каждому посчастливится увидеть своими глазами места обитания древних гиперборейцев. Вам повезло. Я только внимательно изучил книги французского оккультиста и эзотерика девятнадцатого века Сент-Ив Д. Альвейдра, где он описывает Великую цивилизацию, жившую на Приполярном Севере в древности. Кстати, Александр Барченко, ваш соотечественник, который ездил с экспедицией на Кольский полуостров, буквально через три года после Эрнеста

---

Бо, придерживается точки зрения, что гиперборейцы представляли собой достаточно высокоразвитую цивилизацию: им был известен секрет атомной энергии, они умели строить летательные аппараты и управлять ими.

— После поездки я даже не сомневаюсь. Все, что мы там видели, современные люди сделать не могли. А пещеры? Как только подходишь к ним, сердце заходится от страха. Это не одна я так чувствовала — абсолютно все. Предполагают, что там стоит охранное устройство Великих, не позволяющее людям пройти вовнутрь и увидеть то, что там спрятано. А вы знаете, что Александр Барченко — врач, адепт оккультных знаний, мистик и писатель-фантаст — проводил в тех местах опыты по телепатии? К сожалению, документы, что он привез из экспедиции, до сих пор засекречены.

— Конечно, — усмехнулся продавец. — Сейчас известно, что экспедиция Барченко финансировалась и полностью контролировалась начальником отдела НКВД СССР Глебом Бокием, который работал под руководством Феликса Эдмундовича Дзержинского, ближайшего соратника Владимира Ленина. Коммунисты упорно искали следы древней цивилизации на Кольском полуострове и, возможно, что-то нашли.

— Ну, эти места интересовали не только коммунистов. Проводник рассказывал, что после войны геологи случайно наткнулись рядом с Сейдозером на закладку вещей и инструментов германского происхождения. Гитлеровцев тоже интересовали древние артефакты и оккультные знания. Возможно, что и пребывание французских войск на территории Кольского полуострова, в которых служил Эрнест Бо, имело схожие цели.

— Да, тайны манят.

— А если учесть, что в этих местах люди испыты-

---

вают необыкновенный прилив сил, а у некоторых и вовсе начинаются галлюцинации, открываются способности к телепатии, можно предположить, что Эрнест получил озарение, которое и помогло ему записать химическую формулу запаха тех мест.

— Вас послушать, получается, что «Шанель № 5» — запах древней цивилизации?

— А что? Вы же сами сказали, что до этого времени духи были совершенно другие, на основе цветочных запахов. Я где-то читала, что Великие открывают свои тайны по мере нашей готовности их понять. Менделеев увидел таблицу во сне, а Ньютон открыл закон тяготения, когда ему на голову яблоко упало. Эрнест Бо записал формулу духов, вдыхая аромат озера на Кольском полуострове. Уверена, это одна из познанных тайн Гипербореи.

Продавец рассмеялся.

— А чем наделило озеро вас? — вдруг спросил он.

— Ничем, — очень поспешно ответила Маша.

Ей не хотелось говорить, что после той поездки, как только она берет в руки вещь, то отчетливо представляет кусочек из жизни людей, которым эта вещь прежде принадлежала.

— Вы необыкновенная девушка, и я хочу сделать вам подарок.

Жестом фокусника хозяин лавочки достал позеленевшую от времени амфору с плотно залитой сургучом крышкой.

— Что это? — сразу заинтересовалась Маша.

— Этот флакон найден рядом с женским захоронением под Хорезмом. Хочу подарить его вам.

Маша взяла пузырек, прикрыла глаза, но никакого видения не возникало. Только темное пятно, точно клякса, расплзлось перед глазами:

— Почему флакон такой тяжелый?

---

Она держала его на ладони, ощущая приличный вес.

— Он из свинца.

— А что там внутри?

— Скорее всего, в нем прежде находилось ароматическое масло. «Жидкие духи» того времени изготавливали из смеси масла и измельченных стеблей или лепестков цветов, поэтому они имели очень сильный, насыщенный аромат. Так делали ароматические масла египтяне, греки, римляне, но арабы превзошли их. Авиценна разработал процесс дистилляции масел. Свое изобретение он опробовал на розах. Розовое масло арабы с успехом продавали в страны Востока и Запада. Так как везли долго, упаковка должна быть надежной.

— Сомневаюсь. Слишком мелкая расфасовка; перевозили ведь в больших сосудах, а потом разливали. Здесь что-то другое. А вдруг в кувшинчике яд?

— Эта версия тоже имеет право на жизнь. Но зачем класть яд в могилу умершей женщины?

— Предположим, она умерла насильственной смертью, — принялась фантазировать Маша. — Древние люди верили в жизнь после смерти — вот родственники и положили ей яд, что бы она отравила своего убийцу.

— Яды, — уважительно произнес продавец. — История человечества — это история ядов. Уже на заре цивилизации люди умели составлять снадобья, в малых дозах действовавшие как лекарство, а в больших — как отравы. Наши предки превосходно отличали опасные для жизни растения — вроде анчара, строфанта, стрихноса, чилибухи — от безопасных. Пальма первенства в искусстве отравлений принадлежала египетским жрецам. Ими был разработан уникальный порошок, едва заметный человеческому глазу.

---

Его подсыпали в постель, и стоило лишь почесаться, как он проникал в кровь, вызывая заражение. Кожа чернела, и спустя какое-то время человек умирал. Сыны Эллады носили при себе корешки болиголова или цикуту — на всякий непредвиденный случай. При приёме корешков внутрь происходила остановка дыхания. Но лучше всех яды делали на Востоке. Взять хотя бы индийский яд «бих», которым предположительно был отравлен Александр Македонский. Этот яд известен тем, что убивал постепенно, высасывая жизнь, капля за каплей, незаметно и безболезненно.

Но яды наших предков в основном растительного происхождения, их действие скоротечно. Чтобы убить врага, ей бы положили нож.

— Остается ртуть, — продолжала делать предположения Маша.

— Я как-то об этом не думал, но возможно, вы правы. Ртуть широко применяли в древности как лекарство и косметическое средство. Ею отбеливали и отшелушивали кожу на лице. Уже в ведических текстах был приведен рецепт ртутной мази, которая готовилась из металлической ртути, серы и животного жира.

— Но ведь пары ртути вредны.

— Да, — закивал продавец. — Но у людей в те времена, видимо, было плохо с информацией. Еще индийские ученые древности применяли ртуть для лечения. «Врач, знакомый с целебными свойствами кореньев — человек, знающий силу молитв — пророк, знающий же свойства ртути — бог», — учит старинная индийская поговорка. Соединениями ртути, ртутными мазями лечили кожные болезни и изгоняли нательных паразитов и в Индии, и на Руси. Использование препаратов ртути для лечения многих заболеваний пришло впоследствии из индийской ме-

---

дицины в греческую и тибетскую. Возможно, у нашей дамы была проблема с кожей или насекомыми.

— Скорее всего, — согласилась Маша. — Не станем же мы предполагать, что она была алхимиком.

— О-о. Это очень интересная тема. Много веков алхимии считали ртуть главной составной частью всех металлов и полагали, что если жидкой ртути возратить твердость при помощи серы или мышьяка, то получится золото. Но у нас женское захоронение. Таких женщин, как графиня Пемброк, что имела свою алхимическую лабораторию в елизаветинской Англии, в Европе, были единицы, а это Азия. На Востоке женщины наукой не занимались. Можно предположить, что наша дама была колдуньей, тогда ей ртуть необходима. С помощью ртути снимали порчу, прогоняли духов.

— Золото мы делать не будем, колдовать тоже. Что там ещё может быть? — раздумывала Маша.

— Этому кувшинчику более тысячи лет. Что бы там ни было прежде, оно не сохранилось, — авторитетно заверил продавец.

— А почему вы его не открыли? — с подозрением спросила Маша. — Вдруг там джин?

— Это было бы самое замечательное. Вот что я вам посоветую: вы его тоже не открывайте. Оставьте как память о нашей встрече.

— Нет. Я так не смогу. Мне интересно.

— Тогда откройте. Но не здесь, дома. Если там что-то есть, пусть будет сюрпризом.

Отказаться было неловко, и Маша согласилась. Она положила амфору в сумочку, попрощалась и направилась к выходу. Уже у самых дверей она глянула в окошко и ахнула. На улице было темно.

«Сколько же времени я тут проторчала? — испуганно подумала Маша. — И сотовый телефон ни разу не зазвонил».

---

Она обернулась к продавцу:

— Я, кажется, заблудилась. Не подскажете, как быстрее добраться до ближайшей станции метро?

— Пройдете немного вперед по улице и упретесь в стену; двигайтесь вдоль нее и, как увидите большую дырку, смело ползайте туда. Вы окажетесь в парке, который приведет на улицу, где есть станция метро. Все очень близко, — заверил продавец.

На улице уже горели фонари. Буквально через несколько домов дорога пошла вдоль каменного забора, и Маша действительно увидела большое круглое отверстие, пробитое в стене у самой земли. Присела на корточки, заглянула. Как и сказал продавец, за оградой находился парк. Маша с трудом пролезла в дырку и оказалась на тропинке. В парке было темно, безлюдно и страшно. Маша прибавила шагу и вскоре очутилась перед лестницей. Быстро, в несколько прыжков, одолела раскрошившиеся ступени первого пролета. После площадки лестница стала более полой. Маша торопливо поднималась по причудливым извивам старой лестницы, между черными каменными парапетами. Перед каждым поворотом замедляла шаг, напряженно прислушивалась и только потом шла дальше. В какой-то момент показалось, что кто-то идет следом. Прижав руку к учащенно бьющемуся сердцу, Маша стояла и ждала, но ничего не происходило. Тихо. Даже лист не шелохнулся. И тогда, не помня себя от страха, она бросилась вперед и бежала до тех пор, пока не стали подкашиваться ноги. Выскочила на большую поляну и сразу увидела распахнутые настежь ворота, за которыми светился и шумел город.

Маша без сил опустилась на скамейку. Сердце стучало где-то у горла, дыхание прерывалось.

«Чего я испугалась? Ещё не ночь, мне никто не угрожал».



---

Отдышавшись, Маша опять подумала об амфоре. Через таможенную не пронести: в ней может быть все, что угодно, вплоть до наркотиков и взрывчатки. Выбросить? Но вдруг живо представилось лицо продавца, его умный доброжелательный взгляд, и захотелось сохранить амфору на память.

«Надо вскрыть. И сделать это надо здесь, пока никого нет рядом. Пустую, я смогу провести ее в чемодане, замотав в вещи».

Маша повернулась лицом к городу, свету и достала флакончик:

«Если там ртуть или наркотики, брошу и убегу...»

Пилочкой для ногтей Маша осторожно отковыряла сургуч с горлышка, вынула пробку. На всякий случай отвела подальше руку с амфорой, отвернулась и прикрыла лицо другой ладошкой.

Джин не вылетел, взрыв не прогремел.

«Уже немного легче», — подбодрила себя Маша.

Так же на расстоянии она наклонила сосуд — ничего не вылилось. Тогда забыв о предосторожности, опрокинула амфору кверху дном и принялась трясти.

Флакон был пуст. Маша рассмеялась. Прошла тысяча лет, как сказал продавец, а может быть и больше — даже если там и было что-то, то давно засохло. В нем только воздух.

Маша поднесла амфору к носу, долго и старательно нюхала. Ничем не пахло. Потом прикрыла глаза — и вдруг представила тихую гладь озера в окружении горных вершин. Сенежозеро.

Странно. Продавец говорил, будто привез из Узбекистана. В душе шевельнулось неизъяснимое, ускользающее воспоминание, но понять, что это, зачем явилось и куда зовет, было выше сил.

Маша положила амфору в сумочку и заспешила к воротам.

— Боже, — зашлась от восторга открывшая дверь Ира, — какой запах! Покажи, что за духи?

— Ты о чём? — не поняла Маша.

— От тебя волшебным пахнет. Скажи, чем. Я тоже хочу.

— Ах, это, — Маша махнула рукой. — Я целый день провела в антикварной лавке, нанюхалась старинных флаконов, вот и пахну теперь неизвестно чем. И что, хороший запах?

— Божественный! Духи — моя слабость.

Ира опять принялась шмыгать носом.

— Ты вся пропиталась, насквозь. Пахнет даже одежда. Дай завтра мне поносить твою футболку, только не вздумай её стирать.

Маша усмехнулась. Вот чудачка.

После ванны она улеглась на кровать, но Ира опять принялась допытывать ее:

— Ты обманула. Это духи. От тебя опять пахнет тем же ароматом.

— Не может быть, — разозлилась Маша. — Я искупалась.

— Как воняет наш шампунь, я прекрасно знаю. Это запах тех же духов. Причем под мышками пахнет сильнее, чем от рук. — И вдруг Ира сделала удивительный вывод: — Это твой запах.

— В смысле?

— От тебя исходит необыкновенно приятный аромат... — Ира немного подумала. — Как от цветка.

— Люди не могут выделять запах.

— Ты не права, люди пахнут, правда в большинстве своем, не очень приятно. Ты когда-нибудь нюхала грудного ребенка? Когда моя сестра родила сынишку, я ходила к ней каждый день, носила его на руках и нюхала. У меня очень хорошее обоняние, я

---

легко различаю духи и никогда не ошибаюсь. Так вот, так божественно, как пах мой племянник, пока его кормили грудью, не пахнут ни одни духи в мире. Я еще тогда подумала, что возможно, прежде у каждого человека был свой индивидуальный аромат, как голос, но потом Бог лишил их этой способности, как и многого другого. Ну, ты знаешь — гипноз, телекинез, умение читать чужие мысли. Но у кого-то эти способности сохранились. Думаю, ты одна из них. — Ира критически её оглядела. — Хотя раньше этого не было.

Маша поднесла к носу свою руку, кожа действительно пахла. Не сильно, но вполне ощутимо и очень приятно.

— Расскажи, что случилось?

В ожидании объяснений Ира уселась к ней на кровать, и Маша, которая три года проучилась с ней в институте на одном курсе, прекрасно знала, что просто так подруга не отстанет. Она порылась в сумочке, достала амфору и рассказала все как есть. Ира молча взяла флакон, долго трясла у себя над головой, заставляя Машу нюхать.

— Нет, — Маша с сожалением развела руками.

— Ну почему ты не вскрыла амфору в номере, — сокрушалась Ира, — пахли бы вместе.

— Я же тебе говорила, боялась, вдруг там ртуть; мы могли отравиться, а в парке я бы бросила её и убежала.

— А у него есть еще такая же? — с надеждой спрашивала Ира.

— Не знаю, — Маша пожала плечами. — Думаю, я не найду к нему дорогу. Я заблудилась недалеко от Староместской площади, а в метро села на станции Малостранска, что на другой стороне Вислы, хотя мост не переходила.

---

Ира повздыхала и легла. Маша долго ворочалась, не могла уснуть, потом встала, подошла к окну, раздвинула тяжелые шторы. Над кронами деревьев узким сверкающим серпом нависла луна. Асфальтированная дорожка, на которую падал свет, тянулась матовой полоской и таяла во тьме. Все, что находилось перед отелем: стоянка машин, лавочки, деревья и кусты — скрывалось во мраке. Только там, где падал свет, скользили причудливые тени людей за окном первого этажа. Они двигались, сливались с темнотой, сбегались и разбегались, обретали новые очертания; казалось, даже шушукались между собой, делясь тайнами. Если Маша смотрела вдаль, где было темно, ей казалось, что мир кончился. Но стоило опустить глаза вниз, где скользили тени, а цветы на клумбе можно было отличить один от другого, она не сомневалась — жизнь вечна.

Зажав между ладонями амфору, Маша мысленно поблагодарила продавца за подарок. Так одарить мог только Великий.

**Сергей ПУПЫШЕВ**  
(Петрозаводск)

**Соло скрипучей лестницы**

*Посвящается Ш.*

Ему около шестидесяти. Широкой кости мужик, кряжистый. Белая от прожитого коротко стриженная голова крепко спаяна дюжей шеей с могучими плечами. В нём чувствуется ещё не ушедшая на покой сила. Ходит вразвалку, как медведь. Толстая, витого можжевельника трость выдаёт натруженные ноги.

Он редко выбирался в столицу — не любил бестолковую нервозность больших городов. Ненавидел чёрные дыры станций метро. Терпеть не мог ненасытные глотки эскалаторов, где муравьиные дорожки обывателей приклеивались к их шершавому языку и превращались в вереницу каменных истуканов. Он и в этот приезд обошёлся наземным транспортом, правда пришлось добираться с пересадками.

Пригородный автобус остановился на окраине элитного подмосковного посёлка. Не скоро обнаружив нужную улицу, пожилой человек замедлил шаг, вынул из кармана кожаной куртки немодный мобильник, из другого — футляра с очками, глянул на присланный адрес.

---

Да, это здесь. Вот он, роскошный трёхэтажный особняк в окружении таких же чопорных братьев.

Не раздумывая, мужчина нажал кнопку домофона.

— Проходите. Вас ждут, — мгновенно отозвался приятный женский голос.

Бодро щелкнув электрозамком, распахнулась кованая калитка.

Пройдя по вымощенной камнем дорожке, он поднялся по гранитным ступенькам. Блеснув натуральным дубом, медленно открылась парадная дверь.

Миловидная девушка в белом переднике попыталась помочь разоблачиться, но гость, решительным жестом отстранив её, поставил дорожную сумку на сияющий мрамор, положил сверху трость и не торопясь снял верхнюю одежду. Оглядевшись и не найдя вешалки, он всё же доверил улыбчивой горничной куртку. Та на мгновение скрылась за дверью прихожей и моментально вернулась.

— А ты ничуть не изменился! — По широкой лестнице медленно спускалась стройная дама в выгодно облегающем тёмном платье. — Мария, сегодня можете быть свободны: даю вам четыре выходных.

Горничная тут же удалилась.

— Приве-ет! Мы не виделись, наверное, лет пять или шесть, — на лице хозяйки появилась обворожительная улыбка, и она вдруг превратилась в ту весёлую молодую особу, которую он так хорошо помнил.

— Больше семи, — устранил неточность гость.

И тоже улыбнулся.

\* \* \*

...Ей всегда нравился запах свежескошенной травы. Колдовской аромат уносил в детство. Сразу вспоминалась бабушка, жившая в большом, крытом толем

---

деревенском доме с пугающим зевом чердака на сером дощатом фронте. Из этого тёмного окна остро пахло приключениями и томно веяло заготовленным на зиму сеном. Оно манило, звало городскую девочку. Однажды Катенька даже попыталась влезть на чердак: осторожно поднялась на первую ступеньку, подтянулась, но затем что-то напугало её. Малышка замерла, однако через минуту снова решилась: боязливо поставила ножку на следующую ступеньку и уже подтягивала другую, как вдруг старая крутая лестница строгим скрипом остановила её...

В мегаполисе такое благоухание встречалось редко. Если где-то рядом, скашивая непослушную зелень, работала служба благоустройства, Катя замедляла шаг, останавливалась и с наслаждением вдыхала знакомый аромат. Грустила, когда через некоторое время этот волшебный запах, подпорченный испарениями нагретого асфальта, сквернел, затем и вовсе угасал. Она тяжело вздыхала и медленно шла прочь, в мечтах улетая от городской суеты, в деревенский дом с сеновалом...

Целеустремлённая и прагматичная, Катерина к тридцати годам добилась многого: руководящая должность в министерстве культуры краевого подчинения, преподавательская практика в престижном вузе, большая квартира, приличная машина. Двоих очаровательных деток растила сама. С мужем развелась, как только поверила в свои силы.

\* \* \*

...Хозяйка взяла гостя за руку и повела за собой, рассказывая об устройстве дома.

— Это, как ты понимаешь, прихожая. Дальше по коридору гардеробная. Здесь — кухня и столовая.

---

— Вот комната дочери. Она студентка. Изучает музыку в Вене. Справа — комната сына. Ему уже двенадцать, ты должен его помнить. Кстати, по твоему совету я отдала его на борьбу. Он здорово окреп. Ему нравится. Сейчас на спортивных сборах в Сочи.

На втором мои апартаменты... В цокольном этаже — спортзал и сауна, — Катерина рассказывала о каждой комнате подробно и с гордостью.

Пожилой человек, не торопясь, с видимым интересом разглядывал её дом.

— Сергей, я ужасно проголодалась. У меня прекрасная кухарка. Ужин сервирован в гостиной, — Катерина взяла его под руку. — А что ты делал все эти годы?

Гость ответил не сразу.

— После расставания с тобой — старательно оберегал своё одиночество.

Катерина отвела взгляд:

— Садись ближе к окну. Здесь будет удобнее. Я — напротив.

«Роскошный вид из окна. Надо же — берёзы! Как тогда... — подумал, усаживаясь, Сергей.

— Давай за встречу!

Сергей открыл бутылку и разлил вино по бокалам.

Выпили. Она — неторопливо и с удовольствием. Он — быстро и жадно, будто простую воду. Воспоминания сушили горло. Налил ещё...

\* \* \*

...Он посмотрел ей в глаза, решительно взял за руку и притянул к себе:

— Давай ко мне на колени.

Катерина огляделась. Сидячие места были заняты — маленький уазик-буханка не вмещал всех при-



---

ехавших. Ждать второго рейса не хотелось, хотя от станции до школы оставалось всего пара километров. Предстояла ещё регистрация участников литературного фестиваля и заселение по домам... Многочасовая, с приключениями, дорога от Петрозаводска до затерянного на Белом море села вымотала всех. Так Катерина оказалась на коленях у Сергея.

\* \* \*

— Пойдём к нам, — позвал Катерину Сергей.

Небо хмурилось. Они прошли мимо дощатого забора с облупившейся краской. Сквозь редкие кусты на другой стороне улицы проглядывала ржавая громадина дорожного катка — не маленького, тротуарного, а многотонного мастодонта времён развитого социализма.

«Надо же, — подумала Катерина, — каток... И где? В поморском посёлке, где давно исчезли последние пятна асфальта!»

Посередине ровно выкошенного двора, рядом с крыльцом большого дома возвышалась одинокая копёшка сена, и Катерина не смогла пройти мимо.

— Смотри — сено! О-о-о, как я люблю его запах! Нет, даже не люблю — просто обожаю! — воскликнула она, подбежала к копне, раскинула руки и рухнула ничком в душистую траву. Пару секунд вдыхала аромат детства, затем перевернулась на спину, звонко рассмеялась и широко распахнула объятия.

В эту секунду издалека катящийся гром расколол чёрное небо, и многообещающий ливень, вбивая в землю первые тяжёлые капли, загнал пару в дом.

За столом ужинала компания литераторов.

— Ты б знал, как я проголодалась! — взглянула на

---

обилие закусок Катерина.

— В баню хотите? — спросил почти двухметровый организатор фестиваля Володя и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Сейчас Севрюки парятся. С полчаса как ушли. Пойдёте?

— Конечно! — кивнул Сергей, поглядев на соглас-но промолчавшую Катю, и присоединился к застолью.

Наутро, выходя из дома, где жил Сергей, Катя не нашла во дворе вчерашней копны.

— Наверное, хозяин убрал, — вслух предположи-ла она.

— Наверное, — едва заметно улыбнувшись, повто-рил Сергей.

\* \* \*

— А ты изменилась. Стала солидной дамой, — Сер-гей выпил ещё, уже не спеша.

— Да. Теперь я большой чиновник. Я долго к это-му шла.

— Я знал, что твоё место в столице... — он замеш-кался. — Скажи, а ты...

— ...развелась. Год назад. Уже здесь, в Москве, — предугадала вопрос Катерина.

— В который раз?

— А ты стал злым, — она взглянула с укоризной.

— Прости.

\* \* \*

...Спелое июльское солнце висело над Нюхчой<sup>1</sup>.

Катя, жмурясь от удовольствия, с блаженной улыбкой возлежала на покрывале. Её молодое тре-

---

<sup>1</sup> Нюхча — старинное поморское село в Карелии.

---

бовательное тело млело под умелыми движениями крепких рук.

Невдалеке, в полноводной реке, шумно плескались дети. Вокруг стрекотало кузнечиками короткое северное лето.

— А ты хорошо загорела, — закончив массаж, сказал Сергей.

Некоторое время Катя лежала неподвижно, будто не слышала. Затем обратила к нему счастливое лицо.

— Да, да и... да! — почему-то троекратно согласилась она, переворачиваясь на спину, по-кошачьи потягиваясь и с удовольствием разглядывая потемневшие плечи... — Дома мне точно никто не поверит, что так можно загореть на Белом море. Будто из Таиланда вернулась.

\* \* \*

— А нельзя ль на рыбалку? К рыбакам напроситься? — поинтересовался Сергей у Надежды, женщины крепкой и основательной.

— Время сейчас пустое, — отмахнулась немолодая поморка. — Весь июль небо дырявое. Воды в реке вон сколько прибыло, весной меньше было.

Сергей взглянул умоляюще, и она сжалилась:

— Там, под мостом, сын с моторкой ковыряется. С ним поговори. Может, и свозит куда. А так — дело пустое.

Надежда развернулась и торопливо пошла по своим делам.

— А как сына звать?

— Серёгой, — обернувшись, бросила поморка.

«Тёзка, значит, сговоримся», — подумал Сергей.

Парня он нашёл быстро. Условились на восемь вечера.

---

— Не поздно?

— Раньше не смогу, — развёл тот руками. — С работы только в семь вернусь. Пока соберусь, то, сё... К восьми в самый раз. Пару часов для рыбалки верных будет, но воды много.

\* \* \*

Деревянный рыбацкий карбас, тяговито урча мотором, равнодушно резал быструю воду. Катерина, удобно расположившись на носу лодки, с любопытством наблюдала за пронесившимся мимо берегами, поросшими темнеющим лесом, мелкими речушками, то тут, то там впадающими в отяжелевшую реку. Задумчивые заливы, расцвеченные белоснежными кувшинками, то и дело взрывались тяжёлыми серыми криквами, с шумом взлетающими перед самой лодкой, уводя людей от своих, ещё не ставших на крыло, неразумных выводов.

Когда Сергей предложил Катерине съездить на рыбалку, раздумий не было — просто хотелось быть рядом.

Лодка зарылась носом в песок, и до неё оставалась узкая полоска воды. Катерина уже начала решать эту задачу: «Так, закатаю джинсы, сниму кроссовки, запрыгну на нос...» — но Сергей вдруг подхватил её и понёс.

Со времён свадьбы это был первый раз, когда мужчина поднял Катерину на руки! На руки! Эта секунда безмерного счастья оглушила. Она блаженствовала...

...Ей нравилось наблюдать за точными рыбацкими движениями, слышать отягощённый блесной посвист летящей лески, внимать мужским разговорам, изредка вставлять свои реплики. Лодочник поглядывал на

---

них и улыбался. Катерина всё это время представляла... нет — была убеждена, что снова окажется у него на руках по завершению прогулки, и думала о продолжении. Она не знала, где это будет и как. Но то, что оно будет — была уверена.

Прямо по курсу зашумел перекат.

— Держитесь крепче — сейчас порог будет! — старался перекричать реку молодой помор.

\* \* \*

— Пойдём, я тебе кое-что покажу. — Сергей потянул Катю за руку.

Это был старый дом, срубленный по всем правилам северного зодчества. Крыльцо, прилепившееся к хорошине, продолжалось лестницей, делящей дом на две неравные части. По правую руку были жилые комнаты, в одной из которых вместе с семейной парой и жил Сергей. По левую, размещались крытое подворье и простецкий нужник.

Сергей повёл Катю в хозяйственную часть. Ей это показалось странным, даже нелепым. С усилием отворил дверь с прикреплённой к ней гирей — эта хитрая система, как современный дверной доводчик, обеспечивала плотное закрывание; чуть левее вздымались четыре крутые ступеньки грубо сколоченной лестницы, упиравшиеся ещё в одну дверь, с окошком.

— Поднимайся! — твёрдо сказал Сергей.

Тяжёлый скрип первой ступеньки заставил вздрогнуть. Катя замерла и с тревогой оглянулась на спутника.

— Иди уже! — он улыбнулся, оценив нерешительность.

---

Она глубоко вдохнула, будто собиралась нырнуть, и двинулась дальше.

Это была не комната, а просто обшитый досками закуток, «аппендикс» хозяйственной половины дома. Тут хранились инструменты и деревянная утварь. Без особого порядка лежали разнообразные вещи, необходимые в хозяйстве, тряпки. Вдруг Катя увидела то, о чём порою грезила, что было связано с романами, фильмами, где Судьба склеивала деревенские семьи — сеновал...

...После, уже в объятиях Сергея, она спросила:

— Это, наверное, хозяин сено сюда перенёс?

Сергей не ответил, лишь улыбнулся уголком рта...

— Ты слышишь? — она приподнялась на руках, с удовольствием демонстрируя обнажённое тело. — Что там за шум такой, за окном?

— Это? Борискин порог. Воды нынче много, дожди, говорят, с месяц лили. Река поднялась, перепада почти нет. Сейчас его еле слышно — не ревёт, а просто шепчет, — любуясь подругой, произнёс Сергей.

— «Шёпот Борискиного порога!» Как романтично! — целуя его, страстно прошептала Катя...

— Ну и какие у тебя мысли?

Катя замешкалась.

— Ты о чём? — будто не понимая, произнесла она.

— Ну, что дальше? Мне пятьдесят два. Тебе тридцать.

Повисла тишина.

— Давай жить сегодня.

— Я больше не буду задавать такие вопросы, — сменил тему Сергей.

...В этом скрытом от чужих взглядов месте они встретили два рассвета.

Потом конвент закончился.

---

\* \* \*

Через несколько дней он получил по электронной почте письмо.

«Серёжа, я много думала над тем, что произошло и происходит. Мне тяжело. Тяжело от воспоминаний. Они прекрасны, но для меня будет лучше, если они потихоньку улягутся. Я разошлась с мужем после одной курортной истории. Не захотела врать. До сих пор одна. Это должно было стать уроком, но опять наступила на те же грабли. Только шарахнуло в этот раз сильнее. Ты смог зацепить меня своей силой, уверенностью, настойчивостью, заботой.

Я не верю в длительное существование чувств на большом расстоянии. Они случаются, но доставляют много боли. И ничем не заканчиваются. Мне так легче.

Спасибо за эти чудесные четыре дня! Спасибо за сеновал, который запомнится мне навсегда. Спасибо за те моменты, когда я сидела у тебя на коленях, когда на руках переносил меня в лодку. За такие тёплые мелочи, как твоя футболка вместо полотенца. За то всеобщее восхищение, которое мне подарил, когда отправил с копчёной рыбой (а это ведь ты её закоптил!) в столовую, где шёл заключительный банкет. Спасибо!!!

Я дожила до тридцати лет и за четыре дня умудрилась нарисовать себе сказку, но хорошо, что включилась логика и всё расставила на свои места. Целую и обнимаю! Прости... Ты поймешь, я знаю».

Сергей ответил коротко: «Когда-нибудь увидимся и улыбнёмся».

\* \* \*

...Он встретил её на вокзале Петрозаводска утром, всего через пару недель. Они позавтракали и через

---

час уже мчались далеко за город, в старинное карельское село, в уютный домик на берегу тихого озера.

...Просыпались рано, она — первой: разница по времени с Сибирью была четыре часа.

— А пойдём в лес. Там сейчас очень тихо, — предлагал Сергей.

...Долго ходили по тайге. Катерина с восторгом собирала грибы. Смеясь, ела прямо с куста переспелые ягоды. Испуганно жалась к Сергею, когда тот показывал свежие, может быть, часовой давности, медвежьи следы.

...Жестоко парились в бане. Липкие и горячие, голяком неслись охладиться к равнодушному на излёте августа озеру. После, завернувшись в простыни, сидели на банном крыльце и глазели на ускользящее за горизонт тяжёлое красное солнце...

\* \* \*

Не прошло и десяти дней, как Сергей встретил Катерину с пятилетним сынишкой в Коктебеле. Они, будто настоящая семья, сняли уютный дом с двумя комнатами, большой кухней и всеми удобствами. Увитый виноградной лозой дворик был опрятен и тих, хотя за забором суетилась сувенирными лавками и прибрежными кафе пляжная улица. Густо пахло шашлыком и мармеладом близкого моря.

\* \* \*

— У-утка! Утка, печённая с яблоками!

Крик разносился над пустынным утренним пляжем: весёлая светловолосая женщина, жена общего знакомого, спешила к ним, притворяясь местной торговкой.



---

— Лена несётся! — Сергей посмотрел из-под ладони. — Восемь утра, а она, похоже, уже и на базар сбегала... Володька её, поди, ещё спит как падишах.

— Купаетесь? — спросила Лена, раскрасневшаяся от быстрой ходьбы, и, не дожидаясь ответа, подтвердила предположение Сергея: — А я на рынке была. Полюбуйтесь, какая красота!

На блюде сверкнула золотистой корочкой домашняя утка, празднично украшенная печёными яблоками.

— Прямо так, с блюдом и взяла. Как такое можно порушить! — в полном восхищении выдохнула Лена, любуясь кулинарным шедевром.

— Красота! — согласился Сергей.

— Володя проснётся, а тут завтрак — утка с яблоками! Домашняя! Ну, всё, пока: некогда, некогда! Побежала! Ух! — и Лена бодро засемила к дому.

— Трое детей у них! Представляешь! А она ему с утра такое, да ещё и с яблоками! — округлила глаза Катерина. — Вот ведь, а?

— Молодцы, — позавидовал Сергей.

Недалеко от берега сытые дельфины лениво прошивали гладкими спинами сонное море...

— Ты научишь плавать моего сына? — она взглянула на Сергея с надеждой...

В ту прощальную ночь в Коктебеле, насытившись любовью, Катерина вдруг села на постели, уткнулась головой в колени и тихо заплакала. Сергею стало жаль Катерину. Жаль её маленького сына, спокойно спящего в соседней комнате — он стал к нему привыкать. Его сыновья давно выросли. Он почти не помнил их маленькими. Сергей попытался её успокоить, и это получилось, хотя и не сразу. Наконец, всё ещё всхлипывая, Катерина затихла, уснув у него на плече.

Он уехал с рассветом — улетал на день раньше.

\*\*\*

Ещё через два дня пришло письмо.

«...Доброе утро!

Ты писал, что тебе нравятся мои длинные письма?  
Спровоцировал ещё одно.

Меня захлестывают эмоции.

В начало возвращаться не надо... Это прошлое. Самое прекрасное в настоящем, которое зависит целиком и полностью от нас. Однако выводы делаются только из того, что уже прошло. Так вот...

Я уезжала из Нюхчи и долго думала над тем, что же самое ценное в том, что произошло. И только после Коктебеля я это осмыслила.

С тобой рядом я могу быть собой! Смеяться, плакать, иногда нести чушь, обижаться, радоваться. Ты дал мне эту возможность. Рядом с тобой легко. Для меня это важно.

Мне кажется, мы выработали систему поддержки отношений. Хотя бы на том уровне, который нам доступен. Говорить по телефону каждый день — это прекрасно — создаёт ощущение близости. Да, телесного контакта мне очень не хватает. Да, я каждый день вспоминаю твои объятия, поцелуи. Да, пока во мне ещё сильно желание быть с тобой.

Никто не знает — где предел и когда он наступит. Я знаю одно, цветок вянет, если его не поливать... Отношения — это шахматная партия: там ходят по очереди, иначе — дисквалифицируют...

Мысленно я тебя крепко обнимаю и нежно целую».

Они договорились встретиться в конце осени в Красноярске, потом в Питере.

Но встреч так и не получилось.

\* \* \*

— Я хочу сделать тебе сюрприз, — давая понять, что ужин закончился, Катерина промокнула ажурной салфеткой губы. — Подожди минутку.

Она вернулась в роскошном халате:

— Иди за мной.

Лестница привела на мансардный этаж.

— Всё собрано в точности как там было. Посмотри: это оттуда — старые полы, дощатые стены... Только старую лестницу я не взяла — она ужасно скрипела. Мастера другую сколотили, прочную. Даже гвозди ржавые, тамошние! Утварь — косы, грабли, обода от колёс... Вон сундук, берестяные короба, корзины... А дверь с гирей ты точно должен помнить! Всё, всё я привезла из Нюхчи! Только паутина искусственная — нити шёлковые, и паучок — правда, забавный? Как настоящий: он иногда даже натурально лапками перебирает. Китайцы — такие молодцы! Знаешь, с каким трудом удалось уговорить хозяина дома продать мне это? Я работников наняла, новый сарай ему поставила из свежих досок, ещё и приплатила, я ж видела — он нуждается... Да и сено из тех мест. Всё должно быть, как тогда! Вот, понюхай, как оно сумасшедше пахнет!

Катерина сгребла охапку ломкой душистой травы.

— Помнишь? С той самой прелестной горчинкой! Я очень хотела вновь оказаться там. Я сейчас как в той сказке: открываешь дверь — и ты здесь! Полная иллюзия, будто время вернулось вспять... Это всё для тебя! Теперь и ты со мной! Это... это просто восторг!

Катерина кинулась к Сергею, осыпая поцелуями.

Он, потрясённый, стоял неподвижно.

— Как тебе мой сюрприз?

— Получился, — Сергей медленно сел на старинный сундук.

---

— Я вспоминала тебя. Я очень хочу отблагодарить за ту сказку на Белом море! Прожить счастливые дни заново! Да почему только дни? Я хочу, чтобы ты остался навсегда со мною, здесь!

Он поднялся, ни слова ни говоря, взял трость и направился вон. Она в отчаянии вскочила, распахнувшийся халат явил роскошное ухоженное тело, вскричала:

— Куда ты?

Сергей остановился, повернул седую голову.

— Ну чего... чего тебе здесь не хватает? — опускаясь на колени, обречённо выдохнула Катерина.

— Шёпота Борискиного порога, — тихо ответил он.

\* \* \*

Метро поглотило его, и, глядя на монотонно бегущие вниз ступеньки эскалатора, Сергей думал так:

«Да, всё проходит... И лестница твоя — убогий но-  
водел. У той, что осталась на Севере — ты забыла —  
был свой голос. Я помню твой трепет, когда она грозно скрипнула под ногами. Нельзя увезти свой “север” из настоящего Севера. А то, что получилось — уже музей, а я пока ещё не экспонат! Всё это, перевезённое, здесь умерло...»

Истуканы с каменными лицами поднимались из земной глубины по встречному эскалатору...

2017 год

## ЧАСТЬ ПЯТАЯ

*Зимние каникулы. Корза*

**Светлана ВАСИЛЬЕВА**  
(Санкт-Петербург)

### Терве тало!

— Через эту калитку, потом по тропинке, выходишь через вторую. Видишь, в конце огорода? А назад обязательно другой дорогой: направо, на улицу и уже по ней возвращаешься в дом.

Соорганизатор Литературного фестиваля «Петроглиф» Лена Софиенко была крайне серьезна, когда объясняла путь от дома — куда меня поселили на время проведения фестиваля — до туалета и обратно.

Я обвела взглядом ухоженный огород, клумбы, прудик; видневшийся между двумя домами кусок деревенской улицы... То есть придется делать полный круг. Снова посмотрела на Алёну, которая за неимением веера обмахивалась папкой со списками участников фестиваля — в последнюю неделю июля в Карелии обычно страшная жара. Наконец повторила:

— Через калитку, по тропинке, выйти через другую, потом на улицу...

Почему я не удивилась?

Сейчас расскажу...

---

\* \* \*

Тот Новый год мы решили встретить в старинной карельской деревне Корза.

Собрались на вокзале в Петрозаводске, затарились в ближайшем супермаркете и покатали — сначала по подтаявшим городским дорогам, потом по обледенелым загородным...

Было не очень холодно, но на обочинах лежал снег, обещавший настоящий новогодне-рождественский праздник. Мы — вся наша компания — плохо представляли себе место, где предстояло прожить трое суток; всю дорогу смеялись, но когда въехали в деревню, невольно смолкли и заозирались.

Величественные, но мрачноватые старинные двухэтажные северные дома — чуть покосившиеся, с вросшими в землю окнами первых этажей, но еще бодрящиеся; с обвалившейся крышей, уже обреченные; и наконец явно жилые, державшиеся гордо и прямо, — испытующе глядели на вновь прибывших развеселых чужаков, отчего становилось немного не по себе.

Впрочем, дом, у которого мы остановились, оказался именно из тех — гордых и державшихся прямо. И ведь было чем гордиться: дождался новых хозяев, выстоял.

Высыпали из микроавтобуса на улицу, начали разбирать вещи, кто-то уже взялся было за ручку двери...

— Не забудьте поздороваться с домом! — спохватился хозяин. — В Карелии, прежде чем войти в дом, принято его поприветствовать. Надо обязательно сказать: «Терве тало! Здравствуйте!»

Опешившие гости притормозили у порога, послушно повторяя незнакомые заковыристые слова...

Потом собрались с духом и, нагнувшись — двери

---

в карельских домах очень низкие — и бормоча приветствие, один за другим потянулись в сени. Кто-то вместо «тало» произнес «сало», но почему-то подумалось, что дом нисколько не обиделся. Более того, показалось, что ему даже весело.

Полдома было отремонтировано; предстояло вымыть пол, затопить печку, расставить мебель... Чем все дружно и занялись. Потом уже в тепле, разомлевшие, резали салаты и накрывали на стол. Вернее на два длинных деревянных стола, вдоль которых стояли широкие лавки, а хозяин съездил в лес, привез елочку, начал наряжать...

Переливающаяся разноцветными огнями ёлка, ломающиеся от закусок столы, радостный — чисто детский восторженный и подкрепленный выпивкой смех... А вот уже пробили куранты, отзвучали поздравления, и наступила новогодняя ночь.

Время от времени разгоряченные гости выбегали на улицу и ошалевшие от деревенской тишины, свежего воздуха, чистейшего снега и огромного звездного неба возвращались к столу...

Потом кто-то пошел спать. Я тоже собралась, но решила сначала покурить. Одна. До этого выходили компанией.

Открыла дверь, щелкнула зажигалкой, привычно затаилась... и обмерла.

Вокруг было темно, снежно, холодно — целая улица сумрачных, замерзших, с темными, слепыми окнами домов. Но пугали не они, наоборот, словно предостерегали. Что-то другое — ни тени, ни шороха — будто накатывало справа, со стороны леса.

Я попятилась. Прижалась спиной к двери. Захотелось закричать, позвать на помощь — ведь там, за стеной горел свет и смеялись люди, теплые, живые...

Теплые... живые...

---

«Беги!» — подсказал древний инстинкт.

«Не оставляй рядом с домом огонь!» — напомнил инстинкт чуть менее древний.

«Что за бред? Ты же...»

«...современный человек...» — договорила я вслед сбежавшей мысли.

Собрав все мужество, я присела над консервной банкой, заменявшей пепельницу, и медленно затушила сигарету. Выбросить просто в снег не посмела. Потом так же медленно выпрямилась и начала осторожно шарить в поиске дверной ручки: нельзя было делать резких движений, нельзя было поворачиваться спиной. Нащупать ручку, толкнуть дверь — и успеть проскочить. Откуда-то я это знала.

Рука дрожала, но у меня получилось. И когда контур двери сомкнулся с контуром проема — страх мгновенно исчез, остался снаружи. Это дом, старинный карельский дом отгородил меня от неизвестного ужаса.

«Терве тало... Нет, так ведь здороваются...»

— Спасибо, дом... — дотронувшись до стены, прошептала я по-русски.

Уже на лестнице начала приходить в себя.

«Померещилось?..»

Не думаю...

\* \* \*

Три дня я строго придерживалась указанного Леной маршрута.

На четвертый хозяйка, неулыбчивая карелка, вдруг спросила:

— А чего это ты за хороводы вокруг дома водишь?

— Так я же в Карелии, — пожалала я плечами, — вот пойду не туда, куда сказано, а потом неизвестно где выйду.



---

Хозяйка, с которой мы уже к тому времени немного подружились и даже втроем — с ней и ее сестрой — пели песни белой северной ночью, глянула на меня оценивающе, потом одобрительно хмыкнула и наконец очень серьезно сказала:

— Ходи, как хочешь.

Думаете, меня разыграли? Думаете, я обиделась?

Ничуть. Потому что помню ту новогоднюю ночь и лицо Лены, которая уверяла, что дорогу в деревенский сортир и обратно слово в слово повторила за хозяйкой дома.

— Значит, теперь она мне разрешила?

В ответ Лена только кивнула. Без малейшей тени улыбки.

**Александр ЕВСЮКОВ**  
(Москва)

**Проводы**

Ох, и зря мы так положились на Валерика... Вот и ругайтесь теперь друг на друга да на самих себя сколько влезет! Видно же было с первой минуты, какой он зашибленный! Все его повадки должны были сразу внушить нам опасения. Лишних полтора часа проплутавший по местным дорогам с указателями и заявившийся в нашу разморённую компанию уже в сумерках, этот дальний хозяйский родственник тут же пообещал, что на следующий день в удобное время обязательно заберёт нас с Верой и в целости доставит до самого Петрозаводска, что было бы необыкновенно кстати. Новый год мы уже как следует отметили, и завтра пора было выбираться к поезду.

Можно было напроситься и уехать вчера, места в аккурат бы хватило. Обменять билет или перекантоваться в гостинице — она совсем рядом с вокзалом. Но алкоголь в очередной раз оказался на исходе, и мы вдвоём отправились на машине Валерика в соседний посёлок. Едва выехали со двора, как он насмерть вцепился в руль, то и дело озираясь на пустой обледеневшей дороге. «Же-есть, какая жесьть...» — перепуганно и сокрушённо бормотал он. Я мог только предположить, что ему мерещилось, как вон из-за того дере-

---

ва приготовился выскочить оголодавший медведь-шатун, а вон с той наклонившейся ветки прямо на капот сиганет матерая росомаха, а если даже всё это страшное лесное зверье нас почему-либо упустит из виду, то машина на таком льду непременно потеряет управление и расшибется о толстый дубовый ствол. Уговоры немного расслабиться ни к чему не привели. И когда мы вернулись к столу, то всё время казалось, что ему — худосочному с выпуклой плешью — очень не хватало очков, чтобы непременно их протирать перед каждым своим неуместным вопросом или сумбурным ответом.

Но всё это было неважно: так чудесно, когда вы в девяноста верстах от цивилизации, встречаете Новый год в такой душевной компании, где после застольного веселья можно выйти под высокие яркие звезды, где звучная тишина и спокойная сила наполнят тебя до краев. А потом вновь надежно потрескивают дрова в большой печи и до глубокой ночи неспешно льётся беседа о самом родном и важном...

Однако утром, приоткрыв входную дверь, я уткнулся недоуменным взглядом в два узких колесных следа, чуть припорошенных снегом. Машины не было. Я без стука прошел в нижнюю комнату. Печная заслонка с вечера осталась открытой. Стало понятно, что задубевший под всеми тремя одеялами, которые он смог собрать на обоих этажах дома, Валерик, тихо проклиная судьбу, наскоро прогрел тачку и свалил один, ни с кем не попрощавшись и напрочь позабыв обо всех своих вчерашних обещаниях.

Вскоре из разных углов дома донеслись звуки пробуждения. Когда все встали, то оказалось, что сегодня так и не рассвело. Серая хмарь низко нависала над домом и надо всей деревней.

За поздним завтраком стали вызванивать такси.

---

В ответ операторы, будто сговорившись, сообщали, что свободных машин сейчас нет, а если вдруг и появятся, то никто не потащится в такую дремучую даль. Поначалу всё это казалось странным и даже веселым: совсем они там, что ли, свихнулись — конкуренты враз перехватят заказчика. Но от каждого следующего отказа становилось всё тревожнее, и я разливал по новой стопке, чтобы хоть как-то приободриться. А что если, правда, никто не приедет?

— Вся надежда на местных, — наконец, произнесла хозяйка дома и протянула листок через стол: — Вот, есть номерок...

Рослый хозяин как раз вернулся из дровника с большой охапкой поленьев и сложил их у печи.

Трубку сперва долго не снимали, а потом, в ответ на чересчур настойчивые звонки, донёсся странный говор:

— Я-то в магазине. До дома, значит, не дошла. На внуков закуплюсь, дойду и погляжу кто там и где у меня, тогда и скажете — откуда брать вас...

Пошли гудки. Мы с Верой переглянулись.

— Ладно, попробуем сами как-нибудь...

— Вам очень надо сегодня?

— Ну да, завтра — важный день.

Хозяйке с заметно округлившимся животом уже не так легко двигаться. Её супруг с привычной сноровкой воскрешал огонь в очаге. Мы присели на дорожку, потом обнялись и попросили нас не провожать.

Распрощавшись, вышли в сенцы. Там уже стояли мой рюкзак, Верина сумка и отдельно небольшой пакет с хрупкими сувенирами.

Короткий невнятный день угасал над ближним лесом. Праздник окончательно стих: фейерверки не взрезали небо и возгласов радости не было слышно.

---

Только собаки неохотно перелаивались из-за заборов. Мы прошли мимо тёмного ряда бань, расположенных вдоль замёрзшего ручья, переползли через несколько не укатанных сугробов и вышли к покосившейся остановке. Автобус здесь проходит раз в сутки. Подсветил телефоном: точно — следующий рейс завтра в 11-20.

Становилось всё холоднее. Мы стояли на зябком ветру, избегая взглядов друг друга. Как быстро выдувает здесь хмель и браваду!

— Так тут и будем?.. — я расслышал не только Верин голос, но и перестук ее зубов. Что тут ответить, я не знал, и вопрос повис на долгую минуту. Потом сквозь снежную крупу засветились фары. Я резко взмахнул рукой и шагнул на дорогу.

Машина притормозила. Я подскочил и буквально вцепился в зеркало заднего вида:

— Довези, командир. Очень надо.

— Ну, давайте, — донеслось изнутри. — Я всё одно без заказов.

Всё-таки таксист, машинально щелкнуло в голове.

— Багажник откроешь?

Дождавшись щелчка и дернув вверх крышку, я зашвырнул туда опостылевший рюкзак. Задубевшее тело требовало немедля самому влезть в теплый салон и поплотнее захлопнуть изнутри дверцу, но через секунду я опомнился. Машина оказалась трёхдверной. Стало стыдно перед Верой. Я выбрался обратно и откинул кресло. Женщина осторожно пробралась внутрь.

— Вы извините, что так неудобно, — вполоборота быстро заговорил водитель. — Я когда такую машину брал, не думал ещё, что буду таксовать.

— Ничего-ничего, — поспешила его успокоить Вера. — Главное, доехать.

---

— В Петрозаводск, к вокзалу, — уточнил я.

— А-а, ясно. Из Петрозаводска мало кто сюда ездит, — охотно пояснил таксист, — часа полтора укатаешь по зиме, по такой вот дороге, а на месте нет никого и телефон-сука молчит. Гудки идут-идут, и — хоть бы кто кашлянул. Счастье, если зацепит кого на остановке, чтоб хоть часть бензина откатать, какое уж там заработать.

Мне тоже всё стало ясно — не в первый раз слышал такие бомбильские заходы. Проникнись, мол, гражданин, раскошешься, товарищ-барин. Поторговавшись, мы уговорились о цене и ехали молча, понемногу отогреваясь. Мимо проносились дома, указатели, дальше — лес и тусклым отблеском приоткрывалось среди снежных берегов озеро.

— Коньяк и портвейн вроде? — спросил вдруг таксист.

— В смысле?

— Ну, чем согревались-то?

— Да-а, — удивленно подтвердил я.

— Шампанское было ещё, — добавила Вера. — А как вы догадались?

— Да так, — он весело подмигнул. — Надышали за праздники столько, что научился определять, кто что пил.

— И что чаще — водку?

— Всё пьют. Но бабы, те жмутся за каждую копейку, а мужики под Новый год — на тебе! Гуляй, мол, душа...

Я пригляделся — таксист был худощавый, жилистый с серыми глазами и светлым северным лицом. Мы заговорили о дальних двух-трехсуточных поездках за рулем, неизбежных круголях и разных курьезах.

— Меня батя приучил и к машине, и к рыбалке, —

---

рассказывал он. — С ним на пару посменно катались — и по делам, и в гости. В Башкирию въезжали, тормознули на ДПС — говорят, давай права. А тормозят почти всех с другим регионом. Старшой в карман их кладёт, пройдёмте — проверим вас. А отцу за руль больше не надо было, он расслабился и чутка принял. Прохожу, суют трубку старого образца: дуй. Дунул, показывает ноль двадцать три или что-то вроде. Всё, говорят: пил, права не отдадим. Я говорю: не пил, ни сегодня, ни вчера. Ну, давай тогда в другую — это мне, а остальное всё между собой по-татарски. Продуваю, тоже есть — на две сотых меньше. Пьяный, кричат, — и по-татарски опять. Везите меня в больницу, говорю, я вашим аппаратам не верю и права тут вам не оставляю. А нет у нас таких больниц, и опять не понимаю ничего. Тут отец видит, долго меня нет, и — к ним на пост. А он до армии в Узбекистане восемнадцать лет прожил, там язык похожий и служил он потом с татарами. Заходит такой, слушает и срезает их по-татарски же: мол, не дурите, знаем мы все эти фокусы. Замерли оба, как будто поймали с поличным, и — хлоп на стол мои права, на меня не глядя. А когда мы обратно ехали, они номера узнали и в сторону отвернулись, прям как по команде.

— Боевой батя, — сказал я.

— Хорошо было, — продолжал водитель. — Бывало, заблудишься — бензину пожжёшь, а всё равно хорошо! — он с задором встряхнул головой. — Или вот, ёжиков живых с детства не видел, а тут поймали толстого, матёрого, курткой накрыли и в таз. Под градусом взбрело в голову зажарить на шампуре, попробовать ежатины. А посмотрел — в глазки эти крохотные, на нос и — не смог, выпустил. Потом стыдно стало, что не смог, хотел другого изловить, весь сад облазил, так не встретил ни одного. Чуют они, что ли, когда на них нарочно идут... хорошо, если чувят.

---

— Чуют, — я кивнул.

— А однажды на рыбалке сидим мы над водой потихому, клёв спугнуть боимся. И тут вижу краем глаза — сова прилетела да так бесшумно, что села отцу прямо на голову, за пенёк, что ли, приняла? Только волосы когтями зацепила и взмыла вверх.

— Сова — она же символ смерти? — почему-то спросил я.

— Наверно так, — отозвался таксист. — Отец приболел тогда, но не помер. А вот девчонка у нас одна, так без всякой совы... но не знаю, сам не видел...

— Какая девчонка?

— Ну, которая в такси у нас хозяйкой была, — он окинул меня сбоку настороженным взглядом, будто решая, стоит ли продолжать. — Катя... Мы с ней учились вместе, она на два года моложе. Нравилась мне в школе, даже отдубасили раз за нее. Ну, а потом я — в армию, она куда-то делась. Оказалось, что в городе замуж вышла, потом мужа сюда перевезла. Думала здесь его к делу пристроить. Ну, где она сама всех знает и всё понимает. А он такой... в мужики не вышел, как говорят. так шалопаем и остался. Ну, судьба наперекосяк — у многих девок так... Изменилась она, там в городе сразу не потянула бы, а здесь — взялась, взялась и научилась.

— А чему научилась-то?

— Дела вести. От нас в Петрозаводск, а кто и в Питер, поужезжали, а другие наоборот — к нам переехали из расселённых деревень. Взболтали весь край, как в стакане. Но мало кто так вот домой возвращается — чтобы и хватка появилась, и человеком остался. И вот такси один парень открыл, чтобы свои машины и водители местные, офис на дому устроил, листовки расклеил, завязался, короче, но не пошло у него так денежно, как хотел, не раскрутилось. И как-то бы-



---

стро он потух, всё бросил да Кате перепродал. Ей тогда двадцать пять было. С двумя детишками, мелкими совсем, пацаном и девчонкой. Ну, и муж непутёвый — то запьёт, то уволится. Терпела она терпела и решила уже разводиться, да не успела чутка. Но это не нашего ума дело. Нарботала хорошо, сперва две машины, потом три, потом пять, вот уже семь к Новому году стало. У меня тоже нормально всё вроде — дом, семья, с работой у нас тут, конечно, то так, то эдак. Позвала, поговорили — и всё мне подошло. Про школу не вспоминали, общалась вежливо, по-деловому, что надо — помнила всегда. А вот голос у нее особый, солнечный какой-то. И работаешь-то помногу, а всё в радость, никак не можешь измотаться и устать. Другие водилы тоже довольны были. Но все семь машин она не увидела уже. И никто ведь такого не ждал, как под дых дали...

Он приоткрыл бардачок, тут же захлопнул, вспомнив о чем-то, и продолжил:

— Этой осенью сперва штормило, а потом — встала погода. Катя собралась и как обычно, пошла с детьми в лес, за клюквой, как все наши ходят. Клюквы много набрали, по два ведра на каждого, чистой, без листочков и всякого хмызняка<sup>1</sup>. И уже возвращались к дороге, груженые. Пешком тяжело, а все такси на дальних выездах были. Меня запрягли отвозить двоих туристов в Суоярви. И вот подошли они поближе к повороту от Эссойлы на Корзу. А связь там плохая — если поймалась, радуйся, успевай всё сказать по-быстрому. И вот она по телефону с братом заговорила, объясняла, куда подъехать, просила их с ягодой забрать, так что не заметила, где там провод высоковольтный провис и опустился в полутора метрах

---

<sup>1</sup> Хмызьяк — мусор от ягоды (*диал.*).

---

над землёй. Дети прошмыгнули, а она объясняла, где они сейчас и возле какого поворота ему их ждать, и зацепилась спиной или волосами. Брат только услышал «О-ой...» и всё — связь пропала... Убило Катю. А дети-то слышали всё, так и сидели часа два или три. Один за деревом, другая — ведра обхватила и ягоды брала, пересчитывала, все пальцы красные, как в крови... Потом уже целых три машины приезжали. Опергруппа из района, из Петрозаводска, из Питера даже. Обстоятельства устанавливали. Ну и установили, что эта линия относится не к поселению, а к ЖД. Значит, и компенсацию семье с них брать надо.

Дорога была почти пустая, но он сбросил скорость.

— На поминках никто слова толком связать не мог. Только: жалко да жалко... А за день перед этим запомнилось, как сам глава мне машет. Останавливает и говорит: «Извини, что-то руки трясутся, не могу вести. Машину тут кину». Ладно, киваю, довезу тебя. Поехали. Последний рейс перед домом. И так муторно, так поговорить про всё это надо. И знаю, ему-то рассказали больше, чем нам. Спиртным от него не воняет, может, поэтому и не говорит толком ничего. Только слышу: «Не наша это вина. Не наша, нет, не наша...» Да, уж точно не ваша она теперь, про себя думаю.

Мы ехали всё медленнее. Безымянный водитель прислушивался к чему-то внутри себя:

— Не нравится мне. Остановлюсь, проверю. Не опоздаем же?

Он остановился, открыл дверь, впуская подзабытый холод, и вышел. Двигался он медленно, с усилием поднял капот и нагнулся, вглядываясь в недра движка. Проверил карманы, видимо, остро сожалея, что давно бросил курить. Попутные машины притормаживали, и кто-нибудь выглядывал с неммым вопро-

---

сом. Он отмахивался: нормально всё. Через пять минут, опустив капот, вернулся на место.

— Едем, — ровным голосом скомандовал сам себе. Разогнались, и вокруг замерцал огнями большой город.

— Жене вот не могу сказать, — добавил он. — Почуяла бы в словах что-то. Ну, попался вроде как. Прямо как на ладонь ей весь голый выпал... Не спросила. Наутро сама вызнала у кого-то. Мне же и рассказывала. А я деревянный сижу, и киваю-киваю... А с работой в чём-то даже проще теперь. Понятнее. Солнышко не всходит каждый раз, как трубку берёшь. Работа и есть работа — выезжаешь, и пошло, пошло, так под вечер укутаешься — забудешь про всё.

Мы приближались к вокзалу.

— И внуки, и такси достались свекрови, она старая, неторопкая, забывает всё. То в магазине она, то забудет кто у неё на выезде, то обсчитает себя же по проценту. И вроде записывает всё, но вот где 900 должно быть, а у неё 690 получается. Как так-то? И подхода такого нет, как у невестки, ни поздороваешься толком, доброго слова не скажет. Забудет, кто на смене у неё, до обеда просижу вообще без заказов, а к обеду вспомнит: ой, Серёж, кормилец, выезжай, выручи. Раз, другой так было, пока не понял, что надо ей не с вечера, а с утра про смену напоминать.

Остановились на площади. Я осторожно извлёк рюкзак и накинул лямку на плечо.

— Ну, посмотрим, как чего, а вы к нам ещё приезжайте. Летом ещё лучше у нас.

— Обязательно приедем, Серёг!

Машина отъехала и скрылась за поворотом.

— А ты бы про меня так помнил? — спросила вдруг Вера.

— Конечно. Ты чего такое городишь?

---

Я прижал её к себе и невольно огляделся, но ничего опасного не заметил.

— Помнил бы, конечно. Но ты и сама по сторонам гляди всё равно.

Остановились у киоска, и взгляд невольно упал на фигурку белой полярной совы с жёлтыми глазами, сидевшей на каменном пенёчке. Ее глаза в подсветке казались осмысленными и властными.

— Купим? — поинтересовалась Вера.

Я вздрогнул и покачал головой:

— Нет, не надо нам.

Мы прошли через вокзал и вышли на перрон, взявшись за руки.

## ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

*«Петроглиф – 2017». Сязозерье: Корза,  
Эссоила, Ангенлахта, Курмойла, Сяргилахта,  
Инжунаволок*

**Дарья ЗАРУБИНА**  
(Иваново)

### Гладь

Утром в Корзе хорошо. Так тихо, что слышно, как шепчет ветер в траве. Качают розовыми головами пионы в палисаднике соседнего дома:

— Эх, писатели, как в такое утро можно спать?!

Я и не могу. Глаза сами открываются еще до шести, и приходится на цыпочках красться вон из дома, чтобы не красть у друзей самый сладкий утренний сон.

Солнце юное и яркое, лимонно-желтое, как сурепка.

Все спят, и можно долго раскачиваться на высоких певучих качелях, глядя, как тень мелькает над маленьким, заросшим желтыми ирисами прудом. А потом качели еще долго скрипко шепчут вслед: «Куда ты? Куда? Ку-да?».

---

Утром, когда мы должны были отправиться по озерам, я от волнения встала еще раньше обычного и обошла все окрестности, припоминая все, что рассказывали нам о Корзе. Остановилась возле пустующего дома, который, по местной легенде, был домом колдуня, всматриваясь в пустые окна и ожидая, по вечной моей привычке, какого-то знака. Есть места, которые словно ждут шанса рассказать свою историю, и этот дом показался мне таким.словно старик, дремлющий на завалине, он ждал, что кто-то подсядет рядом, спросит: «Ну что, дед?», и тогда можно будет, словно нехотя, открыть глаза, закурить и, будто между делом, начать свой рассказ. И досужий слушатель забудет о своих делах, сядет, растяпив рот, как лещ, заглотивший крючок, и будет слушать, слушать, слушать, с удивлением понимая, что хитрый сказитель вовсе не стар, а сна нет и следа в его остром и хитром взгляде.

Дом смотрел на меня из-под нахмуренных бровей резного балкончика.

— Ну что, дед?

Мне показалось, ветер прошуршал по траве. Еще и еще. Шепот приблизился. И из высокой осоки выбралась крупная трехцветная кошка. Такие, говорят, в доме к счастью. Белые, а точнее — светло-серые пятна на ее шкуре соседствовали с темными, цвета спрятавшегося в листве груздя, а пронзительно-зеленые глаза были словно подведены коричневым, отчего в глубине травянистой радужки, у самых зрачков, заметны становились золотые и рыжие точки.

Я протянула руку, уверенная, что кошка тотчас сбежит, испугается чужого. Но вместо этого она подошла ко мне, поднялась на задние лапы и пристроила круглый лоб прямо мне под ладонь. Стоило мне присесть, как она начала виться и кружить, мурча, у ног, то и дело ныряя под руку, щуря сказочные свои

---

глазищи. Облизав мне руки, бесстыдно завалилась на траву, подставив пушистый белоснежный живот: гладь, мол. Я положила руку на теплый мех, слушая ладонью мурчавую песню.

В дома Софиенко уже встали и готовили завтрак. Подтягивались те, кто поселился в соседних домах.

— Дарья, что... где ты кот-то нашла? Ты не знаешь, где...?

Когда я обернулась, кошка исчезла.

Даже трава не шепнула.

Мы собрались, сели в автобус.

Дорога петляла, то выбираясь на берег Сямозера, то ныряя в лес. Солнце то выглядывало, выманивая нас погулять по деревням, спускающимся к самой озерной воде, то пряталось, и тотчас становилось зябко, и мы снова забирались в автобус.

За окнами мелькали белые валуны, темная таинственная зелень листвы, подведенная стрелами коричневых стволов. Морозящий дождь сгустил краски, вычернив землю, пролив на хвою и прошлогоднюю листву темные тени.

Лес провожал автобус сказочным зеленым взглядом, трогал на поворотах бока автобуса мягкими лапами, теплый автобус кротко мурчал.

Жаль было отпускать его, когда мы добрались до турбазы «Куха-Губа». Похолодало. Озеро меж сосен лежало неподвижное и серое, словно пролитая ртуть. Словно гематитовый вертикальный зрачок, рассекающий зеленую радужку леса.

— Ты едешь с нами?

— Куда?

— На лодке. Едешь?

И снова зеленое, темно-серое и — отчаянно желтое. Мы с Юлей и Людой, укрытые одним Людиным желтым дождевиком, теснее прижимаемся друг к дру-

---

гу. Озеро рассматривает нас внимательным зеленым взглядом, а лодка, медленно набирая скорость, мнет атласную воду. И моторка урчит, как большой серый кот, скользит большой ладонью по гладкому животу озера. Невозможно противиться желанию опустить руку за борт к темной воде. И волна ныряет покатым серым лбом под ладонь: гладь...



**Марина ВОРОНИНА**  
(Городец, Нижегородской области)

**Чудесатая Корза**

1

Изумрудная пирамида стояла посреди поляны, точно вбитая. Анна удивилась, как удалось этой ёлке (лет, наверное, за двести) вырасти здесь, минуя соседство собратьев. Вокруг — дремучая чащоба, вперемишку березы, осинки, корявый ольховник, рябины, кусты шиповника и заросли малины, те же ели, а здесь ни единого растения. Пусто, тихо, покальывающе мягко от круга слежавшейся хвои. Густо пахло гретой смолой.

Повинуясь нестерпимому желанию, Анна легла на хвою, подставив лицо скачущим сквозь мохнатые ветви солнечным бликам. Гудение шмелей навевало дремоту.

Припомнилось, как давным-давно ходила она с мамой в черно-зеленый бор за ключевой водой. На студеной глади плавали, касаясь друг дружку, берестяной ковшик, неведомо кем сплетенный, и одинокая белая кувшинка. Посидев на замшелом валуне, намолчавшись, мама зачерпывала ведро, и они возвращались к соленому берегу, где их ждал тот, кого они не любили...

Птицы в чащобе верещали неумолчно.

- 
- Каменку-то, каменку-то разорили!
  - Беда.
  - Еще какая. Обдериха гнев копит.
  - Баню не спалит, чай?
  - Белку пожалеет. Они, ить, дружатся, с белкой-то. Но удумает наказание, не без того. Кланяться разучились. Быдта дерева, быдта сломятся, если выю пригнут. А сами — травы хилее.
  - Йи-х! Скучный народец!
  - Будет им нонеча представление.
  - Я страсть люблю, когда кожу дерут. Визгу-то — уши рдеют слушать!..

В ответ захихикали, зашуршали, но Анна уже ничего не услышала. Очнувшись, поняла, что продремала под ёлкой почти до вечера.

— Потеряли меня, — забеспокоилась. Стряхнув иголки, побежала в Корзу.

\* \* \*

Счастливый случай занес её в карельские дебри. Еще накануне, поработав с текстом, привычно готовила завтрак просыпающейся семье, а сегодня бродила вольно по глухой далекой деревушке.

Анна знала, что существуют в Карелии «Петроглифы». Не те единственные, мировой значимости, рисунки на прибрежных скалах, «астролябия палеолита», первобытная живопись с устрашающими названиями «Бесов нос» и «Бесовы следки». А международный литературный фестиваль. Придуманый и осуществляемый писателем Владимиром Софиенко. На который съезжаются творцы слов и сюжетов со всех краёв. И на котором Анне повезло очутиться.

Чувствовала себя немножко чужаком, соглядатаем, потому что, показалось, собрались в основном

---

профессиональные фантасты, приверженцы утопий, ужасов и других фантазмагорий. Ей же по этой части хвастать было нечем. Она предпочитала жанр сурового реализма, фэнтези не интересуюсь даже в качестве читателя. Но, кажется, никому не мешала. Слушала лекции, смотрела презентации, знакомилась, беседовала. В ответ и ей не мешали упиваться разлитой в прозрачном карельском воздухе тишиной, настоящей на цветущем вереске и землянике.

— Вы куда запропали? — встретила ее Елена Софиенко. — Каша стынет.

Во дворе усадьбы за дощатыми столами стучали ложками писатели. Получив порцию овсянки, Анна присела возле Юлии. На множество ладов — и швец, и жнец, и на дуде игрец, — деятельной девушки из Петербурга. Но из всех ее талантов Анне больше нравились литературные. Юлия писала удивительно нежные и деликатные стихи.

Сегодня она опоздала на презентацию Юлиного сборника и мучилась сожалением и виной.

— Представляете, заснула в лесу!

— Вот здорово! — восхитилась добрая Юлия. — Как в детстве?

— Почти.

— Лешие не мешали?

— Вроде нет. Вы, случайно, не в курсе, кто такая обдериха?

— Впервые слышу. Это имя? Какое грозное!

— Не знаю. Сама хотела бы дознаться...

Потом самые стойкие писатели полуночничали в гостевой, делясь друг с другом планами, мыслями, обсуждая тенденции любимого жанра. Анна, счастливая, утомленная литературными разговорами, мечтала укрыться сном, раствориться в белене белой ночи. Не прощаясь, ушла спать.

Ночевала она у местных стариков — Иваныча и Белки, на верхнем этаже «родового поместья». Можно бы назвать его и вторым этажом, но не соврешь, если обозначить и первым, и третьим.

Уж таковы карельские домища. Огромные, вздернутые над землей, как корабль Ноя, вынесенный на скальную сушь. С высоко рубленными оконцами, с жильем, хлевами, сеновалами и дровяниками под одной крутой крышей. В таком доме никакая снежная зима не страшна, хоть под трубу засыпь. Изба Иваныча и Белки красовалась еще белорыбицей — рыбацким оберегом, приколоченным к верхнему венцу. Глухой стеной хозяйский дом обращался к банному околотку, где вдоль черного болотного ручья выстроились десяток корзинских бань, их в том числе.

Входная дверь была очень низкой. Время вбило глубоко в землю бревенчатые косяки, и проходя, требовалось пригибаться. Не услышав — берегите голову! — Анна в первый раз так впечаталась темечком в притолоку, что рухнула на колени, разом растеряв ориентиры: где она, кто, зачем и почему.

— Ай, горе! Убилась! — смутно слышались чьи-то причитания.

— Водой попрыскай!

Потерпевшую окатили дождевой водой из кадки.

— Чуешь ли нас? — склонилась над нею хозяйка.

— Чую, не беспокойтесь. Всё в порядке, — успокаивала Анна, страшась притронуться к пульсирующему шишаку.

Разместили ее по-барски. В горнице о пяти окнах имелась остывшая русская печь; советской эпохи сервант с книгами по агрономии; диван со стеганным одеялом; столик с гостиничным кувшином воды да затертый до дыр ковер под ногами. Печь давно не

---

топилась, но в зеве лежала невыгребенная зола. Наверное, чтобы не выглядела брошенной, романтично предположила Анна.

Тишина в горнице стояла такая, точно мир давно кончился, а единственным делом осталось лежать и думать о проходящей жизни. Не притяжение бы фестиваля, погрузилась бы Анна тотчас в работу, посягнув не менее чем на роман. Но взамен который день разрывалась между творческим кипением «Петроглифов» и безмятежным уютом пристанища, не успевая черкнуть ни строчки.

Припоздало, уже при луне, бегала париться в хозяйскую баню, накануне истапливаемую для нее Иванычем. Правда поначалу Иваныч отказывался топить баню к ночи. Не принято, мол. Но щедрая тысячная бумажка его умилоствовала, и жиличка наслаждалась горячим паром с каменки, когда ей было удобно. Впотьмах добиралась по околотку в дом, а на рассвете возвращалась — облиться водой из черного ручья. Такой распорядок рождал внутри непроходящий восторг.

— Как хорошо! — восклицала она то и дело, гуляя босиком по росе, любуясь стремглавыми ласточками на сеновале, пытаясь приласкать хозяйских кошек Ночку и Тучку, непонятно чем притягивающим ее внимание.

Кошки как кошки. Только черны, как сажа и дики, будто лесные звери. Особенно грозным норовом отличалась Ночка, злобно мяукая при Аннином появлении. Зато Тучка, похоже, просто дурачилась. Увидав квартирантку, начинала подскакивать, задирая хвост, носиться из угла в угол, тарасить, как бы пугая, желтые глазищи, похожие на адово пламя. Охотно шла на руки, удивляя крохотным, под ворохом густой шерсти, невесомым тельцем.

Откинув одеяло с голого тела, Анна наслаждалась прохладой ночи, погружаясь в невесомость. Вдруг качнулся диван, и сон дрогнул: в подножие кто-то сел.

— Тучка, — подумалось вяло.

Ощущение пристального взгляда Тучки мешало заснуть. Как утренний туман над болотом, сон плавал, растворяясь в нарастающем раздражении. Наконец, та поднялась и прошествовала к изголовью, уверенно ступая мягкими лапами по бедрам, животу, груди, лицу Анны, усевшись возле шишки.

— Ну и наглость! — собралась женщина спихнуть нахалку с подушки, но та спрыгнула сама. Вскоре скрипнула отворяемая дверь и всё стихло.

Анна натянула одеяло на голову и тут же сдернула. Дверь?! Что-что, но войти и выйти из горницы, едва скрипнув, как сейчас, было нельзя.

Сбитая в незапамятные времена из полубревен, на кованых петлях, тяжелая и тугая, дверь рычала, орала, кряхтела на весь дом. словно каждый раз извещала кого-то: идут! Жиличка, встававшая засветло, морщилась от досады, добираясь в нужник по не менее громогласным доскам сеновала. Пустили на свою голову, наверняка ворчали внизу потревоженные хозяева. А теперь? Точно ветка потерлась о ветку. Невозможно. Что же тогда скрипнуло?

Анна села. Вгляделась в сереющий полумрак. Вон она, эта дверь. На месте. Так же плотно притиснута к высокому порогу. Тут до Анны дошло, что и Тучки здесь не бывало.

Заигрывая во дворе, на лестнице, на просторной хозяйской кухне, куда жиличка заглядывала днем поздороваться (старики очень поздно просыпались), кошка, как ни манили, в горницу не забегала. Как буд-

---

то наказано было: данной территории не касаться. Ночью же кошки вообще покидали дом.

Анна обвела взглядом комнату и, наконец, увидела.

На верху печи, вровень с потолком, сидело и покачивало лапами существо. Размером с куклу, точно уменьшенное биноклем, когда смотришь в него с обратной стороны. Нечесанные волосья растрепаны по плечам. Пышно расправлена цветастая юбка. Лапки — кошачьи? — обуты в кукольные белые туфельки.

— Проснулась? А я уж замаялась, ждамши, — якобы произнесло существо, не нарушив кладбищенскую тишину.

— Привидится же, — зажмурилась Анна и долго не открывала глаз, чтобы видение испарилось.

Но оно так же сидело на печи и смотрело, явно чего-то ожидая.

— Хетоламбино... Варака... — мелькали в мозгу забытые слова детства. — Чепуха. Это же слюдяные рудники на севере. При чем тут?..

Тело покрылось испариной. Косматое существо раскрыло пустой черный рот, и всё вокруг сотряслось от издевательского хохота.

— Ма-а-мочки, спасите меня... — в ужасе нырнула жиличка во тьму одеяла, сжалась в комочек и, обмирая, стала ждать страшного. Чертей, поднимающих ее с постели. Диких ведьминских хороводов. Волосатых рож, прилипнутых к оконным стеклам.

— Попалась, которая кусалась! Неверя-тетеря! Рот на огород, а туда же! Кашу неси! Пожалела копечку?.. — писком звенела в ушах белиберда, и когда она усилилась, казалось, до сирены, Анна не выдержала:

— Хватит!

Вскочила, бросилась к окнам, отпрянула от шума крыльев неведомой птицы. Ух-ух-ух-ха-ха!..

---

Тогда Анна упала на пол и заплакала.

...Очнулась, когда день уже осветился охристым светом. Лежала на диване, укрытая как обычно. Вспомнился минувший кошмар. Вопреки ожиданиям, ни малейшей тревожности, опустошенности от пережитого ужаса не ощущалось. Даже голова ничуть не болела. Тело было легким, точно из него вынули что-то и выбросили.

В углу по-прежнему белела печь. За дверью мяукала нетерпеливая Тучка, вызывая на встречу. Но что-то было уже не так. Анна осторожно обследовала комнату. Ничего, никаких следов. А это что?.. Заслонка?! Жерло печи, засыпанное старой золой и пеплом, оказалось приоткрытым.

Анна точно помнила, что, осмотрев в первый день печь, водворила заслонку на место, чтобы зола ненароком не высыпалась, не испачкала побелку. Так она и стояла всё это время. Кто же ее отодвинул? Зачем?.. Вдруг почудилось, что оттуда кто-то подсматривает. Стянув уползающую волю в кулак, Анна неторопливо оделась, нацепила солнечные очки и сквозь них — чтобы не так страшно — посмотрела в угол.

— Что я нарушила? Зачем вы приходили? — прошептала неведомо кому.

В ответ из жерла выдохнулось пыльное облачко.

— Чур меня, чур! Что творится, в конце-то концов!..

### 3

Уже в который раз Анна опоздала к общему столу. Писатели, откушав, удалились по своим делам.

Прихлёбывая в одиночестве кофе, она думала о случившемся. Привиделось — нет ли, но кошачья поступь на лице ощущалась до сих пор. Что это было? Почему?..



---

Повезло. На встрече фантастов вживую столкнулась с запредельным миром. С тем как раз, который так рьяно отстаивала. Но я говорила о сказках, а этот мир явился в реальности!.. Рассказать бы коллегам, но с какой физиономией это делать...

Ведь она с первых дней, не умея спорить, выставила себя ни много ни мало, антагонистом съехавшихся делиться опытом фантастов. Едва ли не отказала в праве на место в литературе волшебным байкам про архонтов, азовов, гномов и злобных карликов, стерегущих перстни золотые. Сверкающей словами ширмой, прикрывающей пустоту, назвала жанр фэнтези.

— Народные сказки хотя бы учат детей навыкам жизни, знакомят с приметами, учат познавать природу, а ваши толстые романы с громокипящими названиями для чего предназначены? — горячилась она. — Для развлечения бородатых дядь, для толпы, убивающей время?..

Неизбывная инфантильность всего и вся, рыночная конъюнктура или стремление отстраниться от реальности заставляет взрослых людей погружаться в дебри навороченных фантазмагорий? И что характерно, чем напичканнее сюжет, чем опосредованней в нем реальный человек, тем книжка ценнее.

Горячность её вызвала, конечно, недоумение. Даша, совершенно славянского типа красавица — коса льняная на плече, щеки в ямочках, серые улыбочивые глаза — вразумляла:

— Литература — дом со многими комнатами. Если вам неуютно в гостиной — сидите в кабинете! Кому-то любя кухня, другой не вылезает из будуара, кто-то тусуется на лестнице. Главное, чтобы всем было комфортно на своем месте, не так ли! Подозреваю, что вас смущают имена. Слишком много иностранщины, да?

— И это тоже. Язык сломаешь... и вообще, зачем мне пытаются забить голову какими-то там уробами?

---

— А поменяйте уробора на привычного вам дракона, хоббитов замените кикиморами и всё встанет на места. Вы же признаете фольклор? Верили когда-то в сказки? Переживали бой Горыныча с Иванушкой-дуррачком? А это тоже было кем-то цветисто придумано!

— Или пересказано.

— По истечении столетий не существенно, — улыбнулась Даша и примирительно добавила: — Слышали притчу про купчиху с завещанием?

— Которая даже спать ложилась в немецком платье?

— Ага! Анна, нет нужды беспокоиться: всех адептов волшебного фэнтези упокоят, как ту купчиху, в русских сарафанах и кафтанах! Куда нам деться от родного духа!..

Рассмеялись оппоненты и пошли смотреть уникальный белый кипрей, высканный Дарьей в чайных лиловых зарослях.

А теперь Анна вдруг объявит:

— Друзья, мне явилась обдериха!

Типа, и реалисты не лыком шиты, принимайте в компанию. Кто ей поверит!.. Нет, необходимо выяснить самой, что произошло. Да и произошло ли, собственно? Может, приснилось, как и разговор на поляне?..

И Анна отправилась гулять по Корзе.

\* \* \*

Деревенька, хоть и при дороге, была тиха, как затерянная в болотах ламбушка, гладь которой не тревожат даже пролетающие птицы. Многие дома стояли заброшенными. Время и мокрый ветер работали свою работу. Обрушились заборы, просели крыши, рассыпались рамы и некогда затейливые балкончики. В ок-

---

нах зияла пустота. Каким-то домам повезло больше: в них жили люди. Старики навроде хозяев Анны или дачники, наезжающие из карельской столицы. В придорожных лопухах меланхолично подрёмывали две-три собаки. Вынюхав о наехавших в Корзу чужаках, что шумны, но худа не причинят, исчезнут скоро, как дым, собаки мало обращали внимания на их моционны. Гуляющую дамочку тоже проигнорировали.

— Почему бы здесь не существовать мистике? Кто поручится, что за сгнившими балясинами не прячется какой-нибудь лесовичок и не подглядывает сейчас? Неосторожное движение, грубый жест — и, пожалуйста, округа оповещена! А потом, ночью возникнет некая нечисть заявить права на эту вековую тишину...

От собственных мыслей Анне становилось нехорошо, а тут, как нарочно, позади раздался знакомый скрип. Резко обернувшись, увидела, как в разохшейся бревенчатой стене разверзается черный проем. Точно зачарованная, смотрела, как медленно отворяется внутрь дверь, как выскальзывает оттуда кошка, как возникает изувеченная артритом рука с клюкой. Следом, потыкав палкой в порожек, выползла дряхлая, согбенная пополам старуха в темном, напомнимшем подрясник платье и цветастом платке, крепко подвязанном под подбородком.

— Здравсьте, — выдавила Анна.

Старуха кивнула. Тяжело приземлилась на зава-linkу. Кошка — обычная, пегая, тощий хвост торчком, — самозабвенно терлась о подол хозяйки.

— Чья? — подняла та глаза, полные воды.

— В гостях. Тут, рядом. У Софиенко.

— А-а. Молодые-прыткие которые. Ну, пусть будут, пусть. Детям тут привольно. Трое у их?

— Скоро четвертый родится.

— Это добро. Давненько в Корзе дети не рожались.

- 
- Можно вас спросить?
  - Спрашивай, денег не возьму.
  - В Корзе водится нечистая сила?

Старуха мигнула. Вода скатилась на дряблые щеки, и проявились жгуче-черные зрачки, уколовшие Анну.

— Деревня древняя... вдруг... — отчаянно продолжала она.

— Кох, кох, кох! Сила! Слышь-ли, ласка, чё просят? Махают словами, чисто сороки! — по-куричьи смеялась старая корзянка. — Зачем тебе? Али дива какого напужалась?

— Вроде как...

— Ежели так, вот чего присоветую: не тревожьте Корзушку понапрасну. Место наше вправду вековечное. Много разного было, и делов и народу. Отдыхает Корзушка. Потому лишнего не бродите, где не надо — не зыркайте, а где надо — кланяйтесь. И не почудится ничего.

— Где кланяться? Кому?

— А всему! Куда явишься, там и гнишь. И минёт оно, диво-то. Мы жа... — старуха задумчиво смотрела куда-то за спину Анны. — Мы жа гостей не забижаем. Любить не любим, но зазря чего не делаем... Чего столбом стоишь? Шагай, куда собиралась, — и пристукнула клюкой, прогоняя.

Анна развернулась и пошла. Через минуту дернулась было назад — спросить, кто же такая, это обдериха, есть ли вообще, — но старухи след простыл. Только мелькнул в закрывающейся двери кошачий хвост.

#### 4

Ноги сами повели ее к белкинской бане.

Анна вдруг вспомнила, о чем тогда, в лесу, говорилось. О каменке. Которую разорили, за которую

---

последует наказание. Вспомнила, что в первую ночь, сидя на горячем полке, углядела сколыш от массивного голыша, похожий на лодочку. Он валялся под раскалённым чугунным котлом, и Анна еще удивилась, почему Иваныч его не выбросит. Утром, облившись у ручья, забрала осколок и оставила на столе. В качестве корзинского сувенира.

Теперь его предстояло вернуть. Срочно.

Ясная погода неожиданно сменилась ветреной. Воздух посерел. Белесое, точно перетёртое щелоком небо опустело. Что-то вроде ожидания или предчувствия разливалось по Корзе. Тревога была Анну в спину, и она уже неслась по деревне, не разбирая дороги.

Влетела в избу, схватила сколыш. Быстрее, быстрее!.. Подбежав к бане, остановилась. Как войти? Что сказать, сделать? Просто положить взятое на место и уйти?..

Внутри бани будто кашлянули. Анна прислушалась: явственная возня. Так ворочается с боку на бок человек, запутавшийся в одеяле. Может, Иваныч решил заночевать? Ой, нет. Старики пользовались баней строго по необходимости и по делу. Зря не заходили, стирку не разводили, даже топили сидя у распахнутой двери на приступочке. Впрочем, это как раз понятно: баня-то курная, без дымохода. Топилась по-черному, пыхая дымом из всех щелей. Потолок, стены, пол, низкое оконце были закопчены оседающей сажей. Мыться это, как ни странно, не мешало. Окати кипятком широкий полок и — чистота-порядок. А пятки потом уж дома оботрешь.

Почему хозяева не меняли черную баню на белую, новую, жаркую и чистую, Анна начинала догадываться. Потому что в ней... кто-то жил!

— Да не «кто-то», — одернула она себя, — а та са-

---

мая обдериха, замучившая мне мозги! Не хотела слушать Иваныча, теперь получай...

Разве не бормотал старик на уговоры: не положено ночью веником махать, не потревожить бы анчутку, банницу какую-то упоминал. Но видя, как жена его, Белка, сидит-посмеивается, Анна убедила-таки топить себе баню в неурочный час. Денежку дала. Удивилась еще, почему к тысячной бумажке старик потребовал добавить белый рубль. Его не оказалось.

— Можя, копейка заваялась какая? — настаивал Иваныч.

— Я не держу мелочь!

— Ну раз так, потом не виноватьте...

Натворила дел — расхлёбывай!.. Анна постучала в стену и негромко произнесла:

— Бабушка? Э-э-э... Я хотела сказать — матушка!..

Прислушалась — тихо. Тогда осторожно вошла в предбанник, постояла в темноте и растворила дверь.

Внутри оказалось удивительно светло. Закопченные бревна словно подсвечивались. Пустой полоч, перевернутые тазы, в котле блестит оставшаяся вода. Анна приложила руки к груди крест-накрест и поклонилась. Ничего. Она поклонилась еще раз, ниже.

— Матушка-обдериха, прости меня. Виновата, покой твой нарушила. Камешек забрала. Я нечаянно, матушка, по неведению. Прости неразумную. Вот он, драгоценный, вот!..

Опустившись на колени, сунула руку в теплую золу, положила сколыш так, как раньше и — отключилась.

...Её разбудила Белка.

— Что ж та, гостья, ночь тута проспала? — смеялась верткая, звонкая, с химической завивкой, всё в том же трикотинном не мнущемся платье без старушечьего фартука восьмидесятилетняя хозяйка. — Я

---

выхожу — глядь, баня распахнута. А здесь ты, у чугуна дремлешь. Хе-хе-хех!.. Эх тебя уморило. Ну, пойдем, горяченького хряпнем.

— Спасибо, кофе бы не помешал!

— Хе-хе-хех! Самогоночки, гостюшка. Ух, вкусна! Вы же отбываете, вот на дорожку и хряпнем.

— С утра?!

— Да ты не готовая раньше была. Всё носилась по деревне, искала чего-то. Нашла ли?

— Не знаю.

— Ну, домой вернешься — разберешься. Пойдем в избу.

— Я всё хочу спросить: почему все зовут вас Белкой?

— Али не похожа? — хитро зыркнула та маленькими глазками и вдруг — подпрыгнула. — Глядь, как умею. Хе-хе-хех!..

Угостившись теплой, со вкусом забродившей морошки самогонкой, Анна распрощалась с хозяевами. Чуть не плакала — так тянуло остаться. Наученная, она вела бы себя совсем иначе! Скромнее и тише. Кланялась бы почаще. Не только, в дом входя, но и — в лес, и на болото. А уж бане поклон — святое дело! Эх, вернуться бы к ели и послушать, о чем теперь, после умасления обдерихи, поведает лесная ватага.

Но автобус гудел настойчиво, возвещая: время корзинских чудес завершилось. Пора возвращаться к себе.

*Сентябрь 2017  
Корза — Городец*

**Дарья ЗАРУБИНА**  
(Иваново)

**Львиная доля**

Вечер окутывает Корзу теплым светом. Звенят комары. Тихо. Старые дома вздыхают. Хочется думать, что им жаль расставаться с нами — шумными, веселыми, живыми. Многие разъехались. Нас мало — и длинные столы у дома Софиенко большей частью пусты. Прогретое за день свежее дерево столешниц и скамеек тихо светится. Громко говорить не хочется, и мы сидим близко. И закат льет янтарь в морошковый морс.

Мы снова слушаем Володю. О таинственном страже запретных троп, о жутких колдовских снах и туманных видениях заповедной земли...

Володя умеет рассказать. Его страшная сказка ведет тонким ледяным коготком вдоль позвоночника, заставляя мурашки броситься по коже. А может — просто повеяло холодом с поля. Солнце опустилось за лес и смотрит сквозь деревья, огненно-красное.

Ложиться не хочется. Жаль обрывать последний вечер. Но все устали. Завтра в дорогу.

За темным окном виден соседний дом. Старинный, темный, ссутулившийся, он смотрит, словно старый колдун из-под седых нависших бровей.

Мне не по себе.



---

Словно Володина история вызвала к нам сюда, под окна корзинского дома, духов этой земли, и сейчас они глядят на нас, припозднившихся с отъездом, спрашивая себя: «А знают ли они, пришлые, то самое заповедное слово?»

Я просыпаюсь ночью. Мне страшно. За окном бело.

Сперва трудно понять, сон это или явь.

Туман, густой, словно молоко, заполняет поле как чашу, переливается через изгороди, тянется щупальцами к окнам.

Он светится белым в черной раме.

Я подхожу к окну, обняв себя за плечи.

Сон или явь?

Так трудно понять во тьме.

Туман живет. Он течет и крадется, ощупывая белыми пальцами темную землю.

На мгновение мне кажется, он чувствует меня, тянется ко мне. Лижет длинным белым языком стены дома.

Сон.

Это сон.

И во сне он всемогущ. Он страшен. Его колдовскому зову трудно противиться в это оглушительной тишине.

Звук. Странный, глухой. Шелест и словно бы приглушенный львиный рык.

Не сон.

Мне все еще трудно отвести взгляд от окна, но я смотрю в темноту. Вслушиваюсь.

В дыхание спящего совсем рядом. За белой квадратной печью.

Мой сосед немного простужен и, перевернувшись на спину, дышит с легкой бархатной хрипотцой. Так что кажется — предостерегающе грозно рычит, чувствуя угрозу, большой терпеливый лев.

---

И мне хочется свернуться в клубок у его постели,  
под защитой львиного дыхания, шепча: «Спасибо».

За то, что это не сон.

И туман не имеет надо мной страшной власти.

За то, что теперь я знаю заветное слово, против ко-  
торого нет ничего у этой белесой гидры.

Я не одна.

В этом притихшем темном доме — не одна.

Совсем рядом блуждают в колдовских снах люди,  
тепло которых защищает этот дом. Дом, где мне так  
хорошо.

Я ложусь и смотрю в окно. Первые лучи топят мо-  
локо тумана, и оно без следа уходит в землю.

Рядом дышит лев.

Мне спокойно.

**Владимир СОФИЕНКО**  
(Петрозаводск)

**Бабочки в оконной раме**

Зима эта ничем не отличалась от многих предыдущих. Укрытый снежными шапками, стоял в оцепенении лес. Будто сдобные булки, залитые толстым слоем глазури, отдыхали от покосов совхозные поля. Белёсое северное солнце опаловым ликом куталось в морозную дымку. Лениво катило оно по верхушкам сосен, озаряя низкое небо фиолетово-розовым светом. Спали окрестные лесные ламбы, скованные льдом, а оставленный рыбаками до весенней поры улов сонно шевелил жабрами в Окуньозере.

Посреди снежной стыни дремала и древняя Корза — деревня карельская, а название, говорили, от саамов<sup>1</sup>, когда-то живших в этих краях. Вдоль запорошенных снегом улиц нахохлились потемневшие от времени бревенчатые дома с покосившимися стенами и сиротливыми оконцами в следах облупившейся краски на переплётках. За неумытыми стёклами виднелась старенькая мебель. Иногда в ясный погожий день заглянет в такой дом солнечный луч, будто ищет кого, скользнёт по холодной русской печи, по лежанке, заваленной рваными ватниками и прочим

---

© Владимир Софиенко

<sup>1</sup> «Корза» с саамского овраг возле ручья.

---

барахлом, по задубелой резине сапог и выйдет вон, как гость непрощеный. Спят дома — ждут своих хозяев. Некому сон их нарушить. Лишь сороки порой устроят на крыше перебранку да холодной выюжной ночью на чердаке пустая рама испуганно пристукнет в слуховом окне.

Старый дом-пятистенок на улице Верхней, которая одним своим концом упирается в болото, а другим выходит в лес, был ещё крепок, хоть и стоял лет под сто. Его баюкала метель, завывала, сыпала в слепые окна колкой канителью. А Дом видел сны...

Далеко слышна гармонь — новоселье в Корзе. Кошка бежит по свежеструганым углам — ищет укромное местечко. А в доме-то шумно да весело — гостей много, гудят, хвалят, печью русской любят. «*Terveh teile!*»<sup>1</sup> — уважительно здороваются.

Коренастый бородач, первый среди гостей, деловито кашлянул в кулак:

— У нас в Корзе всегда рады добрым людям. Прижились вы у нас. На вот, Петро, топор плотницкий держи — в хозяйстве он перво-наперво! — протянул хозяину подарок. — А жене твоей, Аулики, вот безделица! Да гляди, чтоб к следующей осени не пуствовало! Люльку-то сам наладишь, — усмехнулся он в бороду.

И зашумела шутками и смехом захмелевшая компания, глядячи на стыдливо зардевшуюся хозяйку, принявшую от гостя кованое кольцо с длинным острым штырём на конце. Петро тут же умело вбил его в потолок под одобрительные возгласы.

И пошло гулянье! Хозяйка из жаркой печи вынимала калитки с пшеном, рыбники с судаком и чудные

---

<sup>1</sup> «Здравствуйте!» (*карельск., ливв.*).

---

ренттесет — как финны пекли. Из холодного подпола приносила то ветчину, то солёные огурцы, капусту квашеную, солонину, лосятину, рыбу вяленую. Гуляли долго — целых три дня.

А вообще, веселиться местные любили и умели. Как заведено было, в праздники даже из Рубчойлы, соседней деревни, в Корзу приходили девчата и парни — пять вёрст не дорога для молодых да бойких — нечего подводу зря гонять. Шумно было, многолюдно, бурлила жизнь, звенела голосами и улица Верхняя.

...Дом смотрел мокрыми стёклами на первую свою осень: в лужах плавали бурые лодочки листьев, вечерами перемигивались подрагивающим желтоватым светом керосиновые лампы в окошках. А потом и зима пришла. Стали баньки топить — те, что выстроились вдоль ручья окуньозерского, будто бурёнки на водопой. По-чёрному — с самой зари, чтобы засветло успеть помыться и бельё постирать — зимний день в Карелии скор на убыль. Топили долго, берёзой — валил дым изпод крыш приземистых построек. Отовсюду учуять можно было! В хлевах на первых этажах настороженно пряли чуткими ушами и недовольно фыркали лошади, тревожно блеяли овцы и мычали коровы.

Мимо окон Дома носилась по улице Верхней взбудораженная розовощёкая ребятня, забирались в первые наметённые сугробы — пробовали на прочность. Тайком от взрослых срывали сосульки с козырьков бань, откуда валило берёзовым духом, и с наслаждением пробовали их на вкус. В воздухе морозном и звонком от детского смеха стояла хмельная безотчётная радость, и ещё теплее становилось в Доме от этого.

Давно минуло то время. Раньше только на одной Верхней улице двадцать дворов было! В каждом — се-

---

мы, ребятишки да скотина без счёта... Теперь некому пригляд вести за хозяйством: молодёжь в город подалась, лишь в трёх домах горит зазывными маячками тот же желтоватый свет в окошках — приросли старожилы к своему месту, незачем им за лёгкой жизнью в город ехать, только и осталось ждать детей, внуков в гости.

Одряхлели постройки, просели, накренились к земле — того и гляди развалятся трухлявые венцы. Пустые дома, как старики, живут ожиданием. А только приедут хозяева — следы запустения будто веником смахнут вместе с многолетней пылью. Зазвучит дом скрипом дверей и половиц, голосами людей, засветятся окна, пыхнет печь — теплом согреет, раздражит запахами еды. А пока стоят они, потемневшие, покосившиеся, словно зубы в старушечьем рту. Тихо стало в деревне, уснула улица Верхняя, и Дом уснул.

Набравшись сил, с болота дунул ветер, обдал снежной крупой, в каждую трещинку проник. На чердаке что-то брякнуло, пристукнуло, скрипнула половица, будто под тяжёлым шагом. Не Петра ли поступь, не сети ли рыбацкие наверху развешивает?..

Уважали хозяина деревенские. Был он молчалив — лишнего не говорил, но, коль сказал чего, посулил, слово своё твёрдо держал. Душою отзывчив — мимо горя людского не проходил. От работы не прятался. Мало кто из мужиков мог угнаться за ним на сенокосе. Крепко стояло хозяйство его, вот и в совхоз позвали Петра в числе первых...

К тому времени три осени и три зимы минуло, как «отходил» Дом, венцами усаживаясь. В один из весенних дней много народу набилось к Петру — до самых краёв. Мужики толпились у настезь распахнутых окон, дымили самокрутками, бабы втихомолку судачили о своём, сплёвывая в кулак шелуху под-

---

солнечника. Все слушали двух пришлых в потёртых кожаных куртках. Приехали они в деревню издалека на шумной странной повозке, в которую не впрягали лошадей.

— ...Как говорил учитель мирового пролетариата товарищ Карл Маркс, «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям»! О таком обществе мечтали ещё Джордано Бруно и Томмазо Кампанелла! — агитировал деревенских пришлый мужичонка маленького роста с пушком под носом и глянцевою розоватой кожей на щеках, как у мочёного яблочка. Говорил он быстро и напористо, как все городские. — ...По всем уголкам нашей молодой страны ветер Революции разносит радостную весть о строящемся справедливом обществе рабочих и крестьян, товарищи! — видимо, влекомый этим «ветром», мужичонка вскочил со скамьи и энергично вскинул руку с зажатой в ладони кожаной кепкой, будто сам являлся вождём пролетариата. — Долетел он и до вашей деревни, товарищи! Крепнет парус сознательности простого люда на корабле, идущем уверенным курсом в счастливое будущее! Вступайте в колхозы! — он окинул пылающим взглядом собравшихся мужиков и баб, остановился на хозяине дома, а тот отстраненно уставился в красный угол комнаты с киотом и лампадкой. — ...И первым такое право вступить в колхоз имеет Пётр Алексеевич, — продолжил агитатор, расплющив лицо в улыбке. — Что скажете, Пётр Алексеевич? У вас крепкое хозяйство, вам, как говорится, и петь первой скрипкой.

— А то и скажу: некогда мне петь, — буркнул хозяин, оглаживая мозолистой ладонью бороду, — хозяйство у меня. Те вступают пусть, кто сознательный, — у кого штанов в запасе нет.

— Думаете вы так от забитости поповской и безграмотности своей, — нашёлся агитатор, обращаясь

---

не столько к хозяину дома, сколько к собравшимся, — вот поэтому мы с товарищем из Петрозаводска и приехали к вам с разъяснениями по просьбе самого товарища Гюллинга!

— Оно, может, и по безграмотности, — Петро зыркнул в сторону городских, в глазах его заплясали злые огоньки, — с Карлом Марксом спорить не буду — он в достатке рос, земли не пахал и скотину не содержал. Джордано Бруно и Кампанелла, как вы говорите, попами были. Одного сожгли, другой сумасшедшим, стало быть, прикинулся. Ни тем, ни другим я быть не желаю. У меня детишек двое — их на ноги ставить надо.

— Петро у нас грамоте обученный, — кто-то шепнул уважительно за занавесью табачного дыма.

А тот по привычке кашлянул деловито в бороду, поднялся со скамьи и вышел на улицу.

Хозяина забрали осенью, перед первыми морозами. «Теперь в одних штанах походишь, как сознательный», — зло сквозь зубы процедил конвоир. Убитая горем Ауликки тихо плакала, прижав к себе притихших сыновей.

Хозяин обернулся, будто прощаясь, в последний раз окинул взглядом жену с детьми, родные стены и вышел во двор. Там Петра грубо пихнули на телегу, покрытую соломой, и она, скрипя несмазанными колесами, покатила по вмиг опустевшей улице Верхней. Больше он в Доме так никогда и не появлялся.

Вот и март заиграл солнечными деньками. Крыши, укрытые снежными шапками, искрятся крошкой горного хрусталя. Аквамарином отливают раскатанные ледяные дорожки, а вечером гранатом вспыхнет морозный закат. Чудеса! И вдруг затарахтело кругом, заскрежетало, лучи фар бесцеремонно проникли в тёмные окна Дома. По Верхней трактор колотит дви-



---

гателем, снег гребёт, улицу чистит — скоро дачники сезон открывают.

...Много лет назад, ранним августовским утром 1941-го, скрежет разнесся над дремлющей Корзой, с каждой минутой он нарастал. По улицам, зловеще лязгая гусеницами, катил подбитый железный исполлин с красной звездой на башне. Дрожала, как в лихорадке, земля, дрожали дома. Испуганно побрякивали стёкла в окнах, из-за занавесок выглядывали тревожные лица.

Хмурилось небо, стягивая грозовые тучи, под порывами тугого ветра волновались яблони, шумели листвою, уже тронутой кое-где осенними красками.

Выглянув в окно, расстроенная Ауликки подошла к постели младшего сына. Один он с ней теперь остался — старших призвали в армию.

— Знать, нам с тобой беды не избежать, Петенька. Всю ночь со стороны Каменьнаволока громыхало. Вот и до Корзы война докатилась, — голос её дрогнул, она с нежностью погладила нервными пальцами светлую макушку их с мужем последыша. Он родился вскоре после того, как забрали Петра Алексеевича.

На следующий день в деревню вошли чухонцы — рослые, подтянутые, в униформе. От них пахло дорожной пылью и потом. Постучались и в дом Ауликки.

— *Terveh teile*, — холодно поздоровался офицер, снимая фуражку.

Вроде как и слова те же, из мирной жизни, да не те. Не с добром переступил он порог. Говорил офицер на языке, похожем на карельский, но не на нём. А хозяйка незваного гостя хорошо понимала — недаром родом из Суоярви. Пытаясь унять дрожь, она сплела руки на груди и торопливо отвечала офицеру,

---

бросая украдкой тревожные взгляды на печь. Офицер заметно оживился, услышав правильный диалект его родных мест, но, вспомнив, для чего он здесь, посуровел лицом, и его резкое «ruumiintarkastus!» привело в движение солдат, пришедших вместе с ним. С лежанки стащили испуганного мальчика, прятавшегося за занавеской. Аулиikki кинулась было к сыну, но её грубо остановили. А Дом, казалось, похолодел весь, скрипнул половицами, словно зубами, загудел ветер в трубе: уходи, чужак, не трожь хозяев моих!

— Пустите меня к маме! — захныкал Петенька.

Аулиikki, сложив ладони, будто перед образами, молила о чём-то офицера по-фински. Ещё с минуту тот размышлял. Закинув руки за спину, он покачивался с пятки на носок в начищенных до зеркального блеска сапогах, будто прислушивался к завыванию ветра в трубе. А когда заговорил, голос его глухой, будто простуженный, звучал уже без ноток угрозы:

— Если бы не землячка, быть тебе с остальными! — он резко развернулся на каблуках и стремительно вышел.

Опустела улица Верхняя, приумолкла. У соседней сыновей и мужей, кого не призвали в армию, увели финны, но Аулиikki повезло. Хотя скотину всё же забрали до последнего поросёнка, её и сына не тронули, оставили и Дом.

Пошла жизнь в Корзе своим чередом — та, да не та. Бабы и редкие мужики, кого не взяли в плен, вернулись к хозяйству. В опустевших домах квартировали солдаты. Страх гулял по улице Верхней, тревогой заглядывал в окна — с болота его разносило ветром по деревне. В мирное время кормило оно деревенских морошкой и клюквой. А теперь за ручьём на болоте сидели пленные. Пригнали их сразу же, как в Корзу вошли финны. Красноармейцев было не больше

---

двенадцати, среди них и конвоир, что донос на Петра Алексеевича, мужа Ауликки, написал. Оборванные, грязные, голодные пленные сидели за оградой из колючей проволоки недалеко от топи — гиблого места. Быстро вытянуло из них болото жизненные силы... В тот дождливый промозглый вечер, когда за оградой сгинул последний красноармеец, закат был особенно красив. В тёмном небе, прикрытое фиолетово-розовой кисеей облаков, алело солнце. Оно казалось огромным и давящим, будто тяжесть этого дня всё ниже клонила его в топь. Вдруг, коснувшись края земли, брызнуло киноварью, вздыбило, выгнуло аркой облака, раскрасило их радугой, будто дверь открылась на светлую сторону в стремительно чернеющем небе. Так и сияли радужным светом небесные врата, пока обессиленное солнце не скрылось за горизонтом и ночь не поглотила их.

Давно минули военные годы. Не во все дома вернулись с фронта мужики. Вот и Ауликки не дождалась старших сыновей. Однажды, собрав вещи, она уехала куда-то с младшим Петей. В Доме стали жить другие хозяева. При них всё реже пахло пирогами, чаще — горьким полынным запахом после безудержного пьяного веселья. Не стало скотины. Хозяйство пришло в упадок. Потом были другие люди и еще другие...

Наконец, в Доме стал появляться дачник — пожилой мужчина. С ранней весны до поздней осени он жил в Корзе. Сажал картошку, ходил на болото, в лес, сушил на лежанке грибы, перебирал ягоды. Иногда по вечерам он доставал бережно хранимый чёрный кейс с блестящей латунной трубой внутри. Подолгу смотрел на инструмент, любясь изящными очертаниями, поглаживал сухонькой ладонью с длинными

---

гибкими пальцами, будто не решаясь взять, затем порывисто брал, вставлял мундштук и подносил к губам. После короткого арпеджио вставал к раскрашенному закатом окну, чуть прикрывал увлажнившиеся глаза и играл. А Дом слушал немного печальную мелодию и плакал мокрыми окнами. Зимой он берёт урожай в подвале и жил теми редкими погожими деньками, когда к нему навещался музыкант. Иногда тот оставался на ночлег, и Дом, укутав заботливым теплом русской печи, сторожил его сон. Вот уже целых восемь лет хозяин не приходил к нему...

Первая капель. Всё пришло в движение. Вскрылись ото льда реки и озёра. В лесу в распадах и ложбинах ещё не сошёл грязный, с прошлогодней осыпью ноздреватый снег, но воздух был уже напоён пробуждением земли, очнувшейся от зимней спячки. Потянулись в родные края долгожданные клинья птиц. Вожаки, утомлённые длительным перелётом, радостно приветствовали северную землю, где птенцами ставили их на крыло родители.

Солнышко пригрело крыши, просушило венцы. Земля и деревья ожили зелёной молодью. Вздохнула, задышала полной грудью природа после зимней спячки. Под крышами домов вьют гнёзда ласточки. Прогретый солнцем воздух наполнился писком, гудением, жужжанием, зазвенел голосами лесных птах. Потянулись дачники с граблями и лопатами.

В бывшей школе на улице Верхней окна нарядились занавесками, заморгали жёлтым светом, словно извиняясь: прости, мол, старый товарищ, но у меня теперь другая забота — хозяева вернулись. А Дом, погруженный в беспокойную тишину, по-прежнему чутко спал. Давно не раздавалась в нём поступь шагов, весёлое бряцанья вёдер в сенах, уютное потрескива-

---

ние дров в печи. Тишина. Ни звука. И музыка умолкла на восемь лет.

Правда, был у Дома маленький секрет: в двойной оконной раме поселились бабочки. Каждую весну, когда солнце хорошенько пригревало, они просыпались и радовали беззаботным танцем. Вот и сейчас тихонько шуршали пёстрыми бархатными крылышками, будто перешёптывались, бабочки — утешение одинокому старику.

В один из дней на крылечке послышались чьи-то шаги. Может, почудилось? Вот скрипнула ступенька? Вот и замок навесной слетел с петли на двери.

— Terveh teile! — (Не может быть, это голос музыканта!)

— Terveh teile, — послышались чужие голоса.

— Вот моё хозяйство, проходите, пожалуйста, я вам всё покажу. Снаружи вы видели дом. К сожалению, хозяйственная часть была утрачена: бывшие владельцы венцы раскатали на дрова — пили они, — словно извиняясь, сказал музыкант.

— Это ничего, геометрия хорошая — прочный дом, — со знанием дела произнёс гость, подперев головой потолок в сенях, — вот только потолок низковат, — улыбнулся он.

— В комнатах потолок выше, вам удобно будет, — поспешил заверить его хозяин.

Встрепенулся Дом, скинул дрёму. Вот так дела! Знать, других хозяев нужно ждать, коль на смотрины водят.

— Юрий Алексеевич, а почему дом решили продавать? — поинтересовалась спутница рослого гостя.

— Я ведь трубач, духовик, — смутившись, ответил он, — с лёгкими у меня не всё в порядке — это профессиональное. Мне климат нужен морской — вот и перебрался на Украину, в Крым. Всё гражданство думал

---

сменить. А теперь, когда Крым снова российский, не придётся, — и, поразмыслив немного, добавил: — Тяжеловато мне стало с хозяйством управляться — ведь мне уже восьмой десяток идёт, а как хозяйки моей не стало, так живу бобылём, — тряхнув седой головой, отгоняя грустные мысли, нарочито бодрым голосом продолжил: — Сюда, по лестнице наверх, проходите. Ну, вот здесь я и жил... — Юрий Алексеевич с теплотой обвёл взглядом стены комнаты, обклеенные старенькими розовыми обоями, кое-где вздутые пузырями.

С улицы, топоча быстрыми ногами, в Дом вбежали двое мальчишек.

— Мама, папа, там качели есть! Можно мы покачаться? — наперебой затараторили они.

— Хорошо, идите покачайтесь, пока мы с Юрием Алексеевичем обсудим всё.

Дети! Как давно в Доме не раздавался детский смех, топот босых ножек по деревянным плахам-половицам! Неужто он снова оживёт дыханием русской печи, и, как прежде, будет в нём стоять запах пирогов!

Встрепенулись, забились в оконной раме бабочки, полощут бархатом крылышек по стеклу.

— Ой, Вова, смотри! Русская печь! Я давно мечтала о такой! — обрадовалась гостя. — Пирог в ней м-м-м..! — мечтательно протянула женщина, прикрыв глаза.

Печь! Конечно же печь! Дом замер в ожидании, лишь пришедшие в движение бабочки поднимались выше, заполняя собой всё пространство оконной рамы, — будто картина вдруг открылась взгляду гостей.

— Мама, папа, смотрите — бабочки! Какие красивые! А как они попали туда? — дети подбежали к окну, разглядывая, как приветственно помахивали им разноцветными крыльями луговые красавицы.

— Сам не пойму, — удивлённо вскинул брови Юрий Алексеевич.

---

— Это хорошо, что у вас печь сохранилась. Вы знаете, мы с мужем любим предметы старины, собственно, и дом этот решили приобрести поэтому. Может, у вас сохранилось что-нибудь? Утюг или самовар угольный?

Обязательно есть! На чердаке сундук кованый стоит. В нём Аулики приданое хранила, а на двери, что ведёт на чердак, утюг угольный вместо пружины как противовес висит, и подкову найти можно, и гвозди кованые четыре штуки под соломой упрятаны, да мало ли чего ещё! Обо всём этом музыкант мог и не догадываться — тот редко заглядывал туда, а Дом берег свои богатства в память о прошлой своей жизни. Он раскроет гостям все свои секреты, но это будет потом. А сейчас, что он может показать сейчас? Кольцо! Как же он мог забыть про кольцо в спальне?! И бабочки снова обеспокоенно забились в окне.

— Пожалуй, только кольцо, — пожал плечами музыкант, поняв, наконец, что именно от него требуется. — Оно в спальне вбито в потолок. Раньше к нему подвешивали люльку с младенцем.

Гостья оживилась и, взяв мужа за руку, ступила на порог спальни. В потолке виднелось кованое кольцо. Вбито оно было прочно, сидело основательно. Его металлическая неровная плоть была в мазках краски многих цветов — отметилах времени. Кольцо наполовину поглотила потемневшая от времени вагонка, будто след былого, еще проглядывающий из глубины веков.

Глаза гостьи вдруг наполнились светом и радостью. Она с нежностью посмотрела на своего мужа и, улыбнувшись, сказала:

— Вот только люльку смастерить осталось.

Музыкант лишь теперь обратил внимание на её округлившийся животик.

## ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

*«Петроглиф — 2018». Лахденпохья, Куркиёки,  
Берёзово, Ладожские шхеры*

**Анна МОРГУНОВА**  
(Москва)

### **«Кровавая» луна**

Солнце заливало утренний Петрозаводск. Город проснулся и зашумел. Из близлежащих кафе доносился ароматный запах кофе и свежей выпечки. Куда-то по своим делам спокойным и размеренным шагом шли люди. Было приятно видеть людей, которые не несутся в бешеной спешке, а медленно смакуют каждый свой день. Такое редко встретишь в Москве, где чуть не каждый каждой клеточкой души боится куда-то опоздать, что-то упустить, быть обойденным на повороте. Здесь всегда надо быть наготове, начеку, в тонусе. Здесь витает в воздухе: «Ты лучше», «Ты можешь больше», «Места под солнцем не хватит на всех». Люди бегут и доказывают это друг перед другом. Противоположное этому ощущение спокойствия и расслабленности стало первым, что я почувствовала, сойдя с поезда на вокзале Петрозаводска, откуда отправлялись участники международного литературного фестиваля «Петроглиф».

---

© Анна Моргунова



---

Было утро, и всё только-только начиналось. Впереди нас ожидали пять дней, насыщенных выступлениями писателей, редакторов, презентациями книг, экскурсиями, поездками на острова Койонсаари и Кухка. Все это смешивалось с терпким привкусом неизвестности и новизны. Интересна и сама концепция фестиваля: место, где проводится «Петроглиф», каждый год разное и не повторяется. Неизменно одно — фестиваль проходит в Карелии, которую можно исследовать бесконечно. Николай Рерих писал об этих местах: «Помни о Севере. Если кто-нибудь тебе скажет, что Север мрачен и беден, то знай, что Севера он не знает. Ту радость, и бодрость, и силу, какую дает Север, вряд ли можно найти в других местах. Где найдешь такую синеву далее? Такое серебро вод? Такую звонкую медь полуночных восходов? Такое чудо северных сияний?»

Я ощутила знакомое чувство — дух дорог, вкус который люблю с детства. Приключение началось! Мы загрузились в газель и были готовы отправиться в долгий путь. Мы — это более тридцати участников фестиваля из разных городов России, которых «Петроглиф» собрал вместе. В машину, под завязку набитую людьми, рюкзаками, походными ковриками, напоминающую бродячий цирк на выезде, зашли организаторы фестиваля Володя и Лена Софиенко и сказали, что надо просто пережить дорогу — местами она напомнила мне крымский серпантин, который я с трудом переносу, — а дальше мы будем жить, как дружная община. Так и вышло.

Первое впечатление от этой пары — это единой организм, который не в состоянии существовать друг без друга. Он — огромный викинг, каким-то образом оказавшийся в нашем времени, и вместо того, чтобы махать мечом, фонтанирует шутками и остротами, со-

---

бирая вокруг себя удивительных людей. А она — женственная, в национальном красном платье с вышивкой, светлая, весёлая и очень обаятельная, способная организовать всё на свете, беспрерывно заботящаяся обо всех участниках фестиваля, держащая все детали в голове. Капитан корабля со своим верным, очаровательным боцманом и маленькими юнгами шестой год вдыхают в паруса «Петроглифа» попутный ветер, собирая на своем корабле единомышленников.

По дороге в усадьбу, где нам предстояло жить, мы заехали на обед и посетили экскурсию в природном военно-историческом музее «Гора Филина». Основная часть экспозиции посвящена военной истории края; в музее также представлена коллекция минералов, которые добывают в Карелии. С входящим в нее малиновым кварцитом связана одна история. После смерти Наполеона Франция обратилась к России с намерением купить сорок тонн этого минерала для саркофага своего императора. Россия в ответ на просьбу предоставила камень, не взяв за него денег, отдавая дань великому человеку. Николай Первый сказал об этом: «Какая странная судьба у императора Наполеона. В борьбе с Россией он потерял свою славу, и Россия же сооружает ему надгробный памятник».

В поселок Куркиёки мы приехали ближе к вечеру и, не теряя времени, после ужина, отправились на экскурсию по усадьбе, которая стала домом для нас на эти пять дней. Дом был построен в 1914 году по проекту архитектора Ларса Сонка для своего брата в стиле национальный романтизм и является единственным памятником архитектуры Ларса Сонка на территории России. Сонк также является архитектором дома известного шведского композитора Яна Сибелиуса. Усадьба возвышается над широкой реч-

---

ной долиной и гармонично вписывается в природный ландшафт. Дом окружают уникальные столетние посадки лиственницы, пихты, кедра. Из окон дома, выходящих на все четыре стороны света, открывается прекрасный вид на залив Ладожского озера.

Вечером на поляне на задней стороне дома звучали куркиёвские беседы, разливающиеся над долиной, и неслись навстречу теплой карельской ночи. Байки, шутки, легенды и всевозможные загадочные истории, к которым так располагает ночь, сменяли одна другую. Было тепло и душевно, и витало какое-то прозрачное и одновременно сказочное ощущение нереальности происходящего.

На следующий день желтые футболки с надписью «Петроглиф» заполонили Куркиёки, перемещаясь по поселку, точно солнечные зайчики. Местные жители, не избалованные перенасыщенностью культурных событий, как это бывает в больших городах, переговаривались между собой: «Смотрите! Это приехали известные писатели!» А перемещаться было куда — постоянные экскурсии, встречи и выступления в местной библиотеке, поход в баню и, конечно же, купание в Ладоге. Между мастер-классами пробежишь солнечный и разгоряченный освежиться прохладной водой, и как будто заново родишься, радостный идешь слушать очередное выступление мастеров слова.

А потом время понеслось, с шальной скоростью перелистывая дни один за другим. Каждый по насыщенности событий и яркости вмещал в себя несколько дней. Очень живым и интересным было выступление писателя Александра Евсюкова, мне запомнились его слова о том, как рождается художественное произведение: «В самом начале идет поиск материала, и ответ может прийти совершенно неожиданно, отку-

---

да угодно. Это может быть кем-то оброненное слово, какое-то событие или разговор со случайным попутчиком. Затем следует погружение в тему и сбор материала, а дальше... начинается настоящее волшебство! Когда есть только человек и пока еще пустой лист бумаги. Начинаешь писать и вдруг понимаешь, что через тебя говорит нечто большее, чем ты сам».

В один из вечеров по обычаю все разместились на поляне перед домом на очередные беседы. Маленькие и большие группы по интересам сливались и распадалась, гудели, как майские жуки — и вся поляна целиком казалась живой, говорящей головой. Кто-то из компании предложил продавать билеты на поляну, так как этот вечер обещал настоящее театральное представление. В этот день можно было увидеть уникальное астрологическое событие — самое продолжительное полное лунное затмение двадцать первого века. Такое лунное затмение называют еще «кровавой Луной» из-за красноватого цвета, который она приобретает. Героиня вечера почти два часа висела на долиной, медная и ржавая, периодически скрываясь за облаками. Это было по-настоящему магическое зрелище; мы смотрели, как замороженные, и думалось: удивительно, что мы наблюдаем лунное затмение именно здесь, в Карелии, которая считается магической землей, на которой, по преданию карелов, до сих пор действуют заклинания и древние культы предков.

В предпоследний день мы снимали танцевальный флешмоб на Ладоге — там, где всегда купались. Раньше на этом месте был пирс, но его затопило и теперь, входя в воду, надо было долго идти по нему, пока доберешься до глубины, подходящей для плавания. Создавалось впечатление, что люди танцуют посреди озера на поверхности воды. Снимали с задорным настроением, пристраивая кадр, в поисках нужного ра-

---

курса. Единственной сложностью оказалось убрать из кадра купающихся детей, которые с присущим им любопытством и озорством, окружали нас. Что мы для этого только не делали, все было напрасно. Они, как заколдованные, всплывали в самый неподходящий момент — в одиночку, парами на круге-лягушке, проплывали на матрасах. Мы хохотали, как сумасшедшие. Мы танцевали, летали самолетиками по пирсу, расставив руки-крылья навстречу закатному солнцу, разбрасывали брызги, не думая еще о том, что сегодня наш последний вечер вместе, и уже через каких-нибудь полчаса нас ждет торжественный ужин, а завтра настанет время прощаться.

Прощальный ужин подкрался на цыпочках — тихо и незаметно. Все были еще более веселые и красивые, чем обычно, впитав всё торжество момента. Несколько лет назад Володя с Леной завели традицию вручения дипломов с шуточными номинациями участникам фестиваля. Первый год они придумывали их сами, но потом решили, что последующие «Петроглифы» будут делать это на прощальном ужине совместно со всеми присутствующими. Компания общими усилиями придумывает номинацию каждому участнику, в зависимости от того, чем человек отличился и запомнился на фестивале. Награждение проходило в атмосфере безудержного, взрывного веселья, не стихающего хохота, под шквал острот и шуток, на которые, кстати, никто не обижался. Чего только не было: «Русалка Петроглифа», «Фитиль», «Здоровый образ жизни», «Дворянская грациозность», «Всевидящее око», «Ты просто космос, Стас!» — номинации с трудом пробивались сквозь дикий хохот и аплодисменты.

Ненавижу прощаться! В этих пяти днях сумела поместиться целая вечность. В них соединились но-

---

вые лица, ставшие за эти дни родными, разговоры, куркиёкская долина, старинный деревянный дом с вековой историей, мысли, веселые и грустные, сшитые воедино самобытной и неповторимой Карелией. Всё рано или поздно заканчивается... но лишь для того, чтобы снова начаться в следующем году!

Я села в поезд, думая о Куркиёках, где еще совсем недавно завтракала вместе с так полюбившимися мне участниками фестиваля. А между тем, моими соседями в купе оказались прекрасные женщины, которые живут в Карелии. Мы проговорили весь вечер о карельских традициях. Мои удивительные попутчицы рассказывали о родной деревне, о заготовках Иванчая на зиму под угощения желто-рыжими, как лампочки помидорами, выращенными на своей земле. Я удивилась, узнав, что одна из них очень любит рыбачить. Оказалось, любовь к рыбной ловле у карелок в крови, испокон веков карельские женщины занимались этим ремеслом, а мужчины — охотой. Я слушала с большой теплотой рассказ моей героини, представляя, как она встает на рассвете и, отправляясь на лодке по озеру, поет песни на карельском языке и любит красота своей деревни. Мне подумалось, что если бы все люди так же, как эта женщина, любили свой край, свой дом, свое дело, родной язык, сохраняя и приумножая традиции, накопленные веками, — как неизмеримо больше бы встречалось светящихся глаз.

Владимир Маяковский говорил: «Ненавижу всяческую мертвечину! Обожаю всяческую жизнь!» — вот в чем заключается притягательность и успех фестиваля «Петроглиф», проходящего на карельской земле.

Артём ГУЛАРЯН  
(Орёл)

Накрыло...

— Эй, товарищ! Ты откуда?

*Открываю глаза. Снег... Холодно...*

— Парень, ты кто такой? Почему одет не по форме?

*Оглядываюсь. Да, ну точно, снег! Откуда снег летом?! Сосны. Люди. Кто эти люди?! На одних маскахалаты, на других шинели и тулупы... Как на старых фотографиях... Погон нет... Черные квадраты на отворотах... Петлицы?! Мать моя женщина!!! Куда я попал?!*

— А может, это финн?

— Финн? А как он в расположение попал? Мимо постов? И форма... такой у финнов нет...

— Может быть, немец? Говорят, их в Финляндии много сейчас...

— Но как он мимо часовых просочился?!

Ближайший военный начинает трясти меня за плечо:

— Эй, телепень! С тобой разговаривают, или как?! Ты ужрался, что ли?

*Серый танкистский комбинезон. Поверх — черная кожаная куртка младшего комсостава. В петлице два «кубаря».*

— Товарищ лейтенант, какое сегодня число? — наконец выговариваю я с большим трудом.

---

— Да он пьян, скотина, — с восхищением произносит лейтенант в сторону остальных военных.

— Товарищи, — произношу срывающимся голосом, — не поверите — ни разу ни грамма в рот! Даже по праздникам! А тут один раз приложился, и...

— Ну, это значит, с непривычки, — говорит рыжий парень с треугольниками в петлицах нагольного тулупа, — третье января сегодня, сорокового уже года.

*Вот это я попал!*

Какая-то неведомая сила поднимает меня, расправляет мне плечи, выкатывает грудь, вытягивает руки по швам. Еще не успев ничего продумать и сообразить, я лихо чеканю:

— Лейтенант мотомеханизированных войск Гуларян Георгий Михайлович! Прибыл на усиление из Десятой тяжелой танковой бригады! Из Шепетовки!

*Прости, дед, нет другого выхода.*

— Какую цацу занесло к нам из Киевского особого военного округа! Только почему у тебя форма чужая?!

— Своя это форма! В смысле — наша форма! Новая! Опытный образец. Выдан пока только нашей бригаде и еще несколькими частям, участвовавшим в Польском походе. Камуфляж! — отвечаю не моргнув глазом.

— Комуф...

— Камуфляж!.. То бишь маскировочный!

*Блин, засытаться на такой ерунде!!! Камуфляж — не было тогда в обиходе такого слова!*

— Маскировочный? То-то я смотрю, полоса зеленая, полоса желтая, полоса коричневая...

— Так ведь летняя маскировка.

— Летняя? Ребята, вы слышали?! Летняя! А у нас тут, не поверишь, зима. Ты что, в одной своей курточке тут воевать собираешься?



---

— Нет, почему, у меня и бушлат есть, и кожаная куртка... Тут где-то оставил в одной из палаток, не помню...

*Валить все на алкогольную амнезию, раз так карты легли! А что ещё остается? Правда, так можно и до гауптвахты докатиться. А там и до трибунала недалеко...*

— Не помню, не помню! — передразнил меня лейтенант. — Спирт больше не пей! Это тебе не «Хванчкара». К нему привычка нужна.

*Все смеются. У меня отлегло от сердца. Только что дальше делать? Слава богу, биографию своего деда я знаю на зубок, сам корпел в архивах над документами. Сам дед рассказать ничего не мог, поскольку с войны не вернулся. Но два Гуларяна Георгия Михайловича в одно и то же время в одном и том же месте в стране с параноидальной системой государственной безопасности чересчур много. Как же самому выпутаться и деду не подгадить?*

— Что заканчивал? На чем ходишь?

— Орловская бронетанковая школа...

— Училище!

— Теперь училище, тогда она была еще школой...

Я окончил Орловскую бронетанковую школу имени Фрунзе. Обучался и хожу на Т-28.

— А ну, покажи себя...

*Танк! Натурально, танк Т-28. Настоящий тяжелый трехбашенный танк! Лучший в своем классе. Трофейные Т-28 до 1958 года служили в финской армии. Только вот я в нем ни ухом, ни рылом, в отличие от деда. Заберите же меня отсюда! Не хочу в попаданцы!*

На ватных ногах иду к танку, ударившись несколько раз, забираюсь на место механика-водителя. Два рычага, три педали. Берусь за рычаги и правой ногой выжимаю то, что принимаю за педаль стартера...

---

— Ты что пинаешься!

Сосед напротив смотрит на меня с гримасой боли и недоумения. Гомон, смех, кто-то уже пытается петь. Я сижу за столом, уставленным скромной закуской и множеством бутылок. Встаю, оглядываюсь. Брезентовый шатер, весьма подогретая компания, за брезентом теплый летний вечер, в сумерках обозначился контур дома, построенного «самим» Ларсом Сонком. Я в Карелии. Да, но не в заснеженной военной прифронтовой, а в благоустроенной и гостеприимной современной Карелии. Идет-гудёт фестиваль «Петроглиф — 2018». И хорошо так гудёт, с фантазией!

Я шлепнулся на лавку и облегченно выдохнул. Мой визави теперь глядел на меня участливо:

— Артем, с тобой все в порядке?

— Ничего, просто пригрезилось Бог весть что...  
Все в порядке.

— Что же, бывает...

— Кстати, а что мы пьем?

В моей руке полупустая бутылка, наполненная рыжей жидкостью. Правда не ржаво-рыжей, а с претензией на благородный оттенок. Красивая этикетка цвета омелы с золоченой рамочкой, золоченым картушем и посередине крупными буквами надпись «МОРОШКА». Над этой надписью мелкими буквами того же шрифта и цвета «настойка сладкая», под надписью красными буквами «на морсе свежих ягод морошки». И сама бенефициантка — ягода морошки — тут же, рядом с надписью, в виде рисунка. Вверху этикетки в картуше двуглавый орел и надпись «Русский гарант качества». Эта же надпись по нижнему краю манжета от свернутой теперь пробки уже знакомого цвета сушеной омелы.

— И давно мы это пьем?

— С самого начала.

---

— И тут никто кроме меня не лягался и странно себя не вёл?

— Нет, а что?

— Ничего. Водки нет? Я это больше не буду...

— «Кержанка» подойдет?

— Давай.

Сосед налил. После выпитого меня наконец отпустило.

— А откуда вообще появилась эта «Морошка»? — продолжил я расспросы.

— Местный завод производит.

Я снова взялся за бутылку. На оборотной этикетке значилось: «г. Лахденпохья, ул. Советская, 69». Навероятно, но факт...

— И где это можно её купить?

— Нигде. Опоздал, старик. Производство свернуто. Последнюю партию допиваем. И больше не будет.

— Что, вот прямо так? И почему свернули? Массовые рекламации?

— Никто ничего не знает. Говорят, шла хорошо. Мне, в отличие от тебя, очень понравилось. Но тихо сворачивают по неясным причинам.

— Ну, вот теперь понятно...

— Что понятно?

— Все...

\* \* \*

На следующий день я зашел в хорошо знакомый уже куркиёкский магазин:

— «Морошка» еще осталась?

— Нет, все разобрали... Ваши же, понаехавшие писатели.

— Что, вообще ничего?

Продавщица внимательно на меня посмотрела:

---

— А вам что, очень нужно?

— Очень-очень!

Продавщица подалась вперед и произнесла заговорщицки:

— Вас что, тоже накрыло?

Эта фраза пригвоздила меня к полу. Не знаешь, что лучше: сказать правду или соврать? Как в детстве, в школе... Наконец, я решился:

— Накрыло.

— Я сразу это поняла, как вас увидела! Некоторых накрывает, — участливо произнесла продавщица. — Грезится невесть что: кому война, кому набег, кому похороны викинга... Один из вас, ну, кого накрыло, целую теорию выдумал: «Морошка, говорит, на девяносто процентов из воды состоит, а вода, говорит, информацию сохраняет и накапливает. Так что в местной морошке вся местная история запечатлена». Вот как.

— Так значит «Морошки» не осталось?

— Ну, кому другому бы не отдала... Вот! Последняя бутылка!

— Спасибо! Сдачи не надо.

\* \* \*

Она стоит у меня в холодильнике. Ждет своего часа. Нет, на Финскую войну я не хочу. Тем более, мы ее давно выиграли. И на похороны викинга я не хочу. Не мой исторический период. Но у меня есть небольшая надежда, что эта бутылка чудесным образом сведет меня с дедом, которого я никогда не видел. Эту надежду дает то, что тогда, в Куркиёки мне не просто картинки показывали. Люди сорокового года были реальными людьми. И мороз был реальный. И танк самый настоящий... Я очень хочу поговорить с дедом. Вот только пойдем ли мы друг друга?

## Содержание

Вместо вступления. Владимир Софиенко. Келья  
над Онего. *Рассказ* ..... 3

### **Часть первая. «Петроглиф – 2013».** **Мейери, Рускеала, рускеальские водопады,** **скала Паасо, Сортавала, Валаам, Бесов Нос**

Николай Романецкий. Поцелуй Карьялы. *Рассказ*..... 7  
Владимир Ларионов. Как я Карелию вспоминал.  
*Рассказ* ..... 17  
Дмитрий Казаков. Там, где хороводят бесы... *Очерк* ..... 24

### **Часть вторая. «Петроглиф – 2014». Кондобережская,** **Великая Губа, Кижы, Соловки**

Дмитрий Скирюк. Грозица. *Рассказ*..... 33  
Ирина Кулагина. Теремок. *Рассказ* ..... 44  
Светлана Васильева. А весла у вас есть? *Рассказ* ..... 49  
Николай Карпин. Четыре незабываемых дня.  
*Из дневника*..... 55  
Дмитрий Казаков. Свет над Белым морем. *Очерк*..... 60

### **Часть третья. «Петроглиф – 2015». Хайколя, Калевала,** **национальный парк Паанаярви**

Вера Линькова. И радуга в лодке с острова  
Луотосаари. *Рассказ*..... 69  
Юрий Кузнецов. Бобровые лапы. *Рассказ* ..... 85

---

**Часть четвертая. «Петроглиф — 2016». Нюхча, Кузова**

Людмила Синицына. Поморский характер. <i>Рассказ</i> .....	92
Андрей Коровин. Штормовое предупреждение. <i>Рассказ</i> .....	100
Ирина Денисовская. Музыка над морем. <i>Рассказ</i> .....	120
Михаил Стрельцов. Шутки Севера. <i>Очерк</i> .....	144
Ольга Роговая. Запах вечности. <i>Рассказ</i> .....	149
Сергей Пупышев. Соло скрипучей лестницы. <i>Рассказ</i> .....	173

**Часть пятая. Зимние каникулы. Корза**

Светлана Васильева. Терве тало! <i>Рассказ</i> .....	189
Александр Евсюков. Проводы. <i>Рассказ</i> .....	194

**Часть шестая. «Петроглиф — 2017». Сямозерье:  
Корза, Эссоила, Ангенлахта, Курмойла,  
Сяргилахта, Инжунаволок**

Дарья Зарубина. Гладь. <i>Рассказ</i> .....	205
Марина Воронина. Чудесатая Корза. <i>Рассказ</i> .....	209
Дарья Зарубина. Львиная доля. <i>Рассказ</i> .....	224
Владимир Софиенко. Бабочки в оконной раме. <i>Рассказ</i> .....	227

**Часть седьмая. «Петроглиф — 2018». Лахденпохья,  
Куркиёки, Берёзово, Ладожские шхеры**

Анна Моргунова. «Кровавая» луна. <i>Очерк</i> .....	240
Артём Гуларян. Накрыло... <i>Рассказ</i> .....	247

# ПОЦЕЛУЙ КАРЬЯЛЫ

16+

*Сборник рассказов и очерков*

Ответственный редактор *Александр Сидорович*

Редактор *Светлана Васильева*

Корректор: *Нина Виноградова*

Верстка *Светлана Полянская*

«Издательство Сидорович»

Подписано в печать 01.08.2018.

Формат 84×108 <sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Гарнитура «Петербург».

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 9,2.

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: [www.chpd.ru](http://www.chpd.ru), E-mail: [sales@chpd.ru](mailto:sales@chpd.ru),

т. 8 (499) 270-73-73.